

Серия
Галактический Ковчег

КОВЧЕГ
СИЯЮЩЕЙ ДУШИ

© 2014 – **Авторы книги:** поэты проекта
сотворчества «Галактический Ковчег»

Наталья Глазунова-Моисеева - Стр 5

Виталий Иванов - Стр 27

Валерий Крайцев - Стр 46

Вера Линькова - Стр 76

Лариса Лось - Стр 107

Михаил Просперо - Стр 126

Александр Путяев - Стр 168

Феано - Стр 192

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

О книге

Друзья!

Ваша встреча с «Галактическим Ковчегом» не случайна!

Живой Душе не свойственно молчать! Она всегда стремится к познанию глубин, к поиску неведомых миров... Она ищет тот настоящий свет, которым могла бы себя наполнить... Вот и наш первый сборник, как звёздный букет, овеянный таинственным сиянием, а поэты рассыпают строки, открывающие путь к безграничному познанию. Величественно сияние Млечного Пути, но ничуть не меньшее значение и у родника, пробившегося из-под камня, цветка мать-и-мачехи на солнечном пригорке весенней земли... Солнце... Облака... Ручей... Раскрывшийся цветок – всё это волнует Душу. А поэзия приоткрывает глубинный смысл божественной красоты... Постигая поэтическую живопись сияния, передавая импульс лучей света, мы становимся волшебным зеркалом друг другу. Зеркалом, для отражения момента радости, мгновения любви...

В книге представлено творчество лишь нескольких наших поэтов. Верим, что встреча с каждым из них – это как открытие и в бесконечности затерянных миров, и в тонкой нежной материи всего нашего неповторимого, близкого, возвышенно-земного... В следующих книгах серии планируется публикация эссе о новой науке и мировоззрении, авторские сборники поэзии и сказок, эхо древних притч, басен и поэмы.

О проекте и авторах

Проект наш вырос из виртуальных мастерских «Семь морей», «Сказки Мудрецов» и реальной Былины. Фундаментом стали «Мастерские Галактического Ковчега», а рабочей площадкой и настоящим пиром сотворчества – Форум «Галактический Ковчег». Он объединяет учёных, поэтов, музыкантов, художников, сказочников, мастеров своего дела, выбравших путь гармоничного сочетания миров, взаимодополняющих друг друга – это ли ни настоящее счастье! Счастье в открытии живого, неиссякаемого и вдохновляющего нас мгновения из величественной картины вселенского бытия. Единая наука и целостное мировосприятие, эхо древнейшей мудрости, первоисточников и формы нового искусства, гармония строящихся Мирозданий и этика Человека галактического – вот неполный перечень направлений развития проекта.

У каждого из авторов сборника есть авторские мастерские на поэтических порталах, но есть ещё сказочные мастерские на форуме Галактического Ковчега, где можно и понаблюдать за строительством дворцов или заповедников, и пообщаться с авторами на многие интересные темы, и прочитать о творческом пути, и увидеть авторов лицом к лицу, заглянув во внутреннюю вселенную, отражающуюся зеркалом сияющей души.

Мастера строят виртуальные страны и города, обители и дворцы, храмы, даже моря и океан сказок, всё это наполняется волшебными водами сотворчества. Увидеть палубы корабля, где трудятся волшебники – просто. А вот осмотреть все наши владения разом – невозможно, каждый день приносит новые ритмы, новые открытия, формы проявления Красоты. Здесь любой может стать строителем своей авторской мастерской. Так что, приглашаем вас, друзья, к сотворчеству. Присоединяйтесь!
<http://kovcheg.ucoz.ru/index.html>

Желаем Вам счастья и гармонии в душе!

НАТАЛИЯ ГЛАЗУНОВА-МОИСЕЕВА

В МИРАХ ВОСХОДЯЩИХ СОЗВЕЗДИЙ

Утренняя медитация
Коснулась бабочкой душа.
Гимн любви
Несказанное
Недостающие звенья
Почему ты не с ними?
Встань на заре
Ценитель тонкого воздуха
Чудо
Песок в часах
Художник рисует
Разговор двух фонарей
В сплетеньях узоров
Хочу развернуться навстречу ветрам!
Дегустатор
Здесь все имеет связь
Тишину ломая за стеклом
Хрупкая радость
Всего лишь шаг
Восходящая к свету
Ты ждал ее
Тебе
Он падал
Смотри!
Две ноты
Абсурдность реальности
Странник с синим цветком в руках
Не слушай их
Детище света
Из серии «Забавные игры»
Меня ставки и пароли
Я на облаке жду
Высшее проявление любви.
Выход
Этот город нас будет помнить

Человек!

Ты был послан для роста
На одну из прекрасных планет
И тебе, миллионами лет,
Улыбается звездами Космос,
И ведет через сердце на Свет.

Утренняя медитация

Держу на ладонях я Шар голубой,
Все клеточки сердца в него погружаю.
Во все уголки рассылаю любовь,
В энергиях света его очищаю.
Исполнено радостью сердце мое.
К ударам громадным его привыкаю.
Дышу, не дыша. Я несу божество,
Себя всемогущей в тот миг ощущаю.
Купаясь в излучинах чистых ключей,
Снимаю весь хлам с себя и бросаю.
Сжигаю всё в тысячах тысяч свечей.
И вновь, как хочу, я себя обретаю.
Вне времени я и вне пространства,
Музыку сфер на себя принимаю.
В любви есть чарующее постоянство:
В любви есть любовь!
Я тебя вновь вдыхаю!

Коснулась бабочкой душа.

Коснулась бабочкой душа
Пространства лепестков цветения
И затаилась, чуть дыша,
Достигнув в ликовании прозренья.
Раскрыла крылья в небесах,
Исследуя следы пророчеств.
Застыло время на часах
Вселенских этой ночью.
На зов души, как на огонь,

Слетелись звезды отовсюду
И сели Богу на ладонь,
Мерцающая ожерельем чудным!

Гимн любви

Очень ранимое, хрупкое чувство
Вдруг возникает в недрах Вселенной,
Воспламеняя пространство и время.
Гаснет сознание... гаснет и тает...
Только лишь сердце безумно грохочет,
В мозг воспаленный несет бесконечность,
Все сокрушая на этом на свете.
Мчатся волшебного мига частицы,
Вихрем кружатся, струясь и мерцающая,
Трепетно, нежно и робко срывая
С огненных губ потоки блаженства.
Ангелы в белых, прозрачных одеждах,
Еле касаясь совсем невесомых,
Едва уловимых, только светящихся
Их поднимают и насыщают верх мироздания.
И замирают, томясь в ожидании,
Снова, когда же, в глубинах Вселенной
Знаком отмечены будут те Двое
Для излученья того, что зовется ЛЮБОВЬЮ.

Несказанное

В Безграничном прочерчены области,
Где никто мне не может мешать,
Наслаждаясь одним с тобой воздухом,
Больше тысячи лет им дышать.
Имя звёздное я свое вспомнила –
Из скоплений галактик брала.
Вызволяла его громом- молнией
Там, где огненной птицей плыла.
Там могла в чистоте и сиянии
Прикасаюсь к твоим волосам.
Там была я тобою избранная

По космически звёздным часам.
Погружаясь во всё несказанное,
Твои мысли стремятся ко мне.
И, мечтая вернуться ко званному,
Каждый раз ищу встречи во сне.
Через веки с ресницами, плотные
В зачарованный мир ухожу,
И опять слёзы-капельки мокрые
По утру на щеках нахожу....
Там любовь затмевает желания,
Там обмен со Вселенною всей.
В тонком свете твои очертания
Предстают в незабвенной красе.
Очищая себя таким образом,
Мне не сможет никто помешать
В поднебесье одним с тобой воздухом
Бесконечное время дышать....

Недостающие звенья

Два божества: мужчина и женщина
- Симфония музыки вечной
В гранях кристалла путей бесконечных
С куполом звездным и млечным.
Свет из узоров пространства в полете,
Чаша и меч совершенный.
Два человека божественной плоти,
Взгляд из глубин вдохновенный.
Парус под ветром и пена морская,
Пламенный выдох поэта.
Сад безупречный и музыка Рая,
Сон и дыхание планеты.
Луч, застилающий небо собою
Розовых крыльев течение...

Дети, возвращенные только с любовью
- Недостающие звенья.

Почему ты не с ними?

- Посмотри, что там, за облаками?
Там гроза, или снова дурачится ветер? -
- Нет, там звёзды гуляют над нами
По углям из пылицы миллионов столетий. -
- Почему же так шумно? Послушай...
Как будто снаружи кто то ветки ломает...
Ты не можешь не слышать...
мне душно... -
- А теперь меж собой эти звёзды играют,
Им, как детям, играть иногда тоже нужно. -
- Мой малыш, почему ты не с ними?
Почему не покинешь планету?
Ты ведь тоже звезда, мой сыночек любимый... -
- Нет, я только учусь...
Я пока что комета...

Встань на заре

Встань на заре, и тихонько послушай,
О чем восходящее солнце поёт...
Тебе ощутить обязательно нужно,
Как утро в ладони твои потечет.
Цветок, как малыш на коленях, уснувший.
Вздохмаченный ветер с постели встает.
Ты просто постой и тихонько послушай,
Что чувствует сердце, готовясь в полёт.

Ценитель тонкого воздуха

Только ценителю тонкого воздуха
Могут открыться другие Стихии
В храмовых залах энергии розовой,
Где вызревают плоды золотые.
В крохотной комнате, возле камина,
Свалены в кучу Дары подношений -

«Пляска Теней» и «Короны» в корзинах
С тайной символикой произношений.
Множество Ложных Путей с отголосками,
Взяв на себя право Власти и Силы,
Их обозначили сверху набросками,
Втиснув в тоннели свои небольшие.
Только Ценитель пленительных взоров,
Не изменяя божественной позы,
Может извлечь на поверхность узоры,
Где утонченность в гармонии прозы
В пене цветочной пыльцы распускается,
И в водопадах мерцаний фиалковых
Чувства отверженных перерождаются
В хроники «Увеличителей» знаковых.
Только Хранителю твердых намерений
В Дар преподносится роскошь букета
В рамках программы «Любви и Доверия»
От бесконечной Игры Интеллекта.

Чудо

Под ногами окажется небо.
В панцирь рыцарский пруд облачится.
Наряжу я свою сказку-небыль
В краски яркие Чудо - Жар Птицы.
Загрунтую одежды зеленым,
И слегка нанесу золотое.
Пусть мой маленький Чудо – Ребёнок
Скажет слово своё непростое.
Краски сочные свесятся с вишни,
И пурпурные – из ниоткуда.
Я не стану их смешивать слишком,
Пусть увидит Малыш это Чудо...

Песок в часах

Полоска пляжного покоя у воды,
Распластанность на солнцепеке дней,
Песчинки в порах, холодность теней

В зеленом вечно шелестящие сады.
Холодный взгляд, усталый встречный
И безразличность разобщенных тел.
Скрипуч, сыпуч, капризен, бел
Песок в часах, струящихся беспечно.

Художник рисует

Фонарь, дождь, капли на крыльцо.
Дрожит полоска света.
Во весь экран её лицо
С другого континента.
Фонарь погас, дождь перестал...
Ночное покрывало...
Художник вечер описал,
И вечера не стало.

Разговор двух фонарей

В теплом выцветшем тумане
Фонари с мускатным нимбом
Перекидывались снами
Молча и с серьёзным видом.
Говорил один другому:
- Почему все сны цветные?
У одной моей знакомой
Сны, к тому ж еще смешные .
Хохочу всю ночь негромко,
Что б не испугать соседей.
И перед людьми неловко.
Вдруг подумают, что бредят.

В сплетеньях узоров

В сплетеньях узоров небес “Пестрокрылых»,
Скользящих по краю волшебной границы
Осознанных, нежных потоков эфира,
Открыты просторы владений Волчицы.
От Бабочек ярких, достигших свеченья,

Срываются капельки сфер нереальных.
И мир признает в них свободу движенья,
И шлёт облакам свет любви моментально.
Гармония вечного облака мнений –
Мир Бабочки хрупкой и гордой Волчицы –
Граница изящества прикосновений
К рассвету и солнцу навстречу стремится.

Миражи

В пустынных миражах Оазис подвернется
И, помахав рукой, поманит за собой.
Безудержно нырну за ним - на дно колодца.
Немного отдышусь...и вот я под водой!
Мой бедный, скудный ум от страха задохнётся.
Исследовать бы дно, где кости залегли...
О, сколько здесь людей – забытые, без солнца
Рассыпанный скелет собрать свой не смогли!
Барахтаясь, кричу, за поручни хватаясь,
Ступени подо мной – этаж за этажом.
Я снова наверху! ...Во что я упираюсь?
О, нет!...Всё тот же край, где миражи кругом....

Хочу развернуться навстречу ветрам!

Хочу развернуться навстречу ветрам!
Да так, чтобы сердце щемило от счастья!
Пусть солнце щекочет лицо по утрам
Моё, через окна, раскрытые настежь.
От радости я задышаться хочу!
Всегда становиться немой от восторга.
Смешной и нелепой, как в детстве.
Хочу
Сиять и сиять я в том времени долго!

Дегустатор

На перекрестке стихий наслаждений
В тонких бокалах лоснилась лиловость.

Нежась в тональностях прикосновений,
Преподносила за новостью новость.
В пене воздушных путей устремлений
Новости брызгами из переливчатых
Пеленговали простор потрясений
От бледно-розовых до густо-дымчатых.
Огненной страстью сжигая сознание,
Соприкасаясь, слагались в творения
И растворялись в мечтах обладания
И возносились дымком воспарения...

Антуан де Сент Экзюпери

А небо тогда не вернулось на место.
Он видел его – этот шаг у карниза,
И взгляд бесконечный, где все очень честно,
Где нет самолетам ни верха, ни низа.
Он в небо поднялся и не приземлился.
Не стал расставаться с ним больше на время.
Романтик и сказочник часто мне снится
С прозрачными сильными крыльями птицы.
Оставив в полете улыбку до края,
Успел попрощаться со сказочным принцем.
Да нет! Он и есть сам тот принц, и он в Рае!
А мне, на Земле этой ночью не спится.
Я книгу под лампою снова читаю,
Талант Его время не приземлило,
Я вместе с рассказом к нему улетаю.
О! Я же летаю! Ещё не забыла!

Здесь все имеет связь

Здесь где-то высоко рубиновые сферы
В своих ладонях прячут музыку,
Дожди
Срываются и падают на Землю,
Опустошая облака
И выставляя звёзды впереди.

Здесь все имеет связь.
Раскрой свое дыханье
Над фресками преданьем сердцевины,
И столько божества увидишь
В круге длинном,
И столько же печали и страдания...

Сонный город

Сонный город... одиноко...
Тонкий запах... Кто она?
Мимо потемневших окон
Промелькнула тень...
Волна
Чувств накрыла,
Замелькали
Сцены огненные встреч...
Танго...
Музыка востока –
На полу гирлянды свеч!
След ладоней на полотнах,
Легкий шелест,
Тишина.
Сонный город
С тайной в окнах,
Танго,
Музыка,
Весна...

Тишину ломая за стеклом

Тишину ломая за стеклом,
Занималась новая заря.
Заходили Ангелы в мой дом
С четырех сторон.
У алтаря
Тишину раздаривая снам
Все двенадцать месяцев в году,
Шелестели крыльями,

Слова
Золотые сеяли в пруду.
Сеяли слова и небесам
Посылали первые огни.
Звезды от восторга тут и там
Падали с небес в земные дни.
Падали и счастье серебром
Рассыпали в сонные дома.
И скрывались тени за углом,
И менялись светом времена.

Хрупкая радость

Терпкий воздух настоянных трав
Замедляет дыханье,
И пульс
Прорывается вплавь к родникам,
Где роса хрупкой радостью грусть
Покрывает
В туманных огнях,
И стоит на земле лес дремуч
С мотыльками на листьях и пнях.
А на небе - жемчужины бус,
А под небом - лучи из гирлянд
Из настоев, горчящих на вкус.
Где то там, вдалеке, белый храм
Возвышается, тайной маня,
А за храмом
Льдов треснувших хруст,
А над храмом капели звенят.

Всего лишь шаг

Рисуют время стрелки на часах.
От ран и боли никуда не деться.
А где-то там, в глубинах сердца
Хранится маленькое Чудо.
Здесь много лет смеются небеса,
И столько же безумствуют метели,

А я сшиваю золотой капелью
Два звука цвета изумруда.
Я покидаю уровень Земли,
И звёзды тем прекраснее, чем ближе.
Всего лишь шаг...
И я увижу след Любви
Другой,
И в нём себя ДРУГОЙ увижу...

Восходящая к свету

Листаю,
Листаю
Дневник жизни...
Крылья
Возможно, что птички,
А может, дельфины,
Уже третий месяц
Пылятся в корзине,
И мысли грубеют...
И голос, и руки...
Последние тучи над синими льдами,
А дальше - дорога из радуг, и звуки
Из памяти шелеста волн в океане...
А мне бы цветы все и запахи мая.
А мне бы подняться пораньше, чем утро.
Повыше дарителей снов этим летом.
А мне бы увидеть с небес это Чудо:
Свою восходящую к Свету планету.

Ты ждал ее

Ты ждал ее...
Как долго ждал ты,
К любви навек приговоренный,
Принцессу из станы Зелёной
На перекрёстке снов.
Цветы
Чтоб поднести...

Чтоб отразилась
В водовороте из мгновений
История любви вселенной,
Где кровь бурлила и носилась
По венам
Долгим трепетаньем,
А ты смотрел, не веря в чудо,
На ту, что видел в это утро,
И останавливал дыхание...
И ждал ее...и сердце жалось...
И нес свой крест в своем изгнание...
На чье то счастье, чью-то радость...

Тебе

Когда в полёт, за купола
Ты вдруг собрался,
Твои крыла
Чинила тихо до утра,
И перья чистила пылью
Траву, где ты ходил, рвала,
И тело выносила к звёздам.
Какая все-таки метла -
Моя столетняя надежна.
С цветком, что рос у родников,
Я буду ждать тебя, воскреснув
Вслед за тобою в чаше снов,
И мысль о встрече буду пестать...
Никто не выдумает нас,
Никто не встанет между нами,
Когда придёт наш звёздный час,
Друг друга мы узнаем сами.

Растопи любовью мысли у огня свечи
Прошепчи свою молитву, или помолчи
Посмотри глазами сердца на весь мир в тиши
Время выбери для смеха - музыки души.

Он падал

Он падал в зеркало небес...
Пока летел, сгорели крылья.
И... он родился
И... он исчез
С радаров памяти,
И пылью,
И голосами древних снов
Покрылся он,
Врастая в землю
Корнями...
С тысячью миров,
И долго гнал по венам кремний.
Он рос в горах,
И по воде
Шагал вприпрыжку за дождями,
И оставлял следы – ростками!
Дыханием на борозде!
И посылал сигнал звезде
Мерцающими огоньками...
Он грел других,
И он любил
С Землей шептаться часто ночью.
И...если не хватало сил,
Его питал небес источник.
А свой источник был так мал,
Что он едва его приметил
За кружевами покрывал,
Но смог узнать про крылья
Третьей
От солнца, Матушки его,
Вскормившей всех своею грудью,
Разбросанных среди дорог,
И растерявших краски в буднях.
Он руки к звёздам поднимал,
И обволакивался пылью

Звнящих отблесков зеркал,
И все искал глазами крылья...

Смотри!
Под куполом зажглась звезда!
А лишь вчера была цветущею планетой.
Преобразилась...
У Вселенной цель одна:
Творить пространство эволюции из света.

Две ноты

Две ноты разлуки органною мессой
Прошли по собору в готическом стиле,
И смолкла у ног штормовая стихия,
Пронзая навывлет застывшею пьесой.
Высокими шпилями небо скрепляя,
Заполнили люди окраины неба,
И крылья расправили, помня о стае
Свободных и гордых дарителей света,
Сошедших однажды во времени сонном
По радужным бликам в мозаику лета,
Похожих на звезд молодых отдаленно
Божественным звуком живого концерта

Абсурдность реальности

От дыханья раскалённых солнц
К ночи разгорается луна,
И смеется над абсурдностью она,
Над реальностью иллюзии из сна
На одной планете...
Где то тут...
На границе у хрустального окна
С мотыльками забавляется весна,
И такая в мире тишина...
Легкий вздох предчувствий перед сном
Контур линий чертит небесам,

И спешит, лавинам в унисон,
Упереться в новый горизонт
Лоскутами света,
По часам
Возвращаясь в полночь к чудесам.

Странник с синим цветком в руках

На перекресток улиц, скрывшихся под снегом,
Вышел Небесный Странник с синим цветком в руках.
Встал, постоял немного...
Взглядом окинул небо,
Зная, что очень скоро примет таинственный знак.
С ветром обнялся крепко и, не спеша, к рассвету
Он полетел с визитом, но повстречал сквозняк.
Утром все окна и ставни серо-зеленого цвета,
Не попадают руки в прорезь перчаток никак...
Звезды в карманах куртки греют озябшие пальцы,
Месяц Луну приглашает в свой удивительный мир.
Лужи, застрявшие в петлях, выглядят, как страдальцы,
Странник решил, что лучше вывести всех из квартир.
Пристально наблюдал он, как два бомжа – оборванца,
Чуть поднатужась, тащили в дырах оранжевый сыр...
Долго мучительно думал...
Но как бы он ни старался,
Не получалось выйти мысленно прямо в эфир.
Синий цветок изранен, так тяжело без света...
Здесь без весны и лета гимн не поют соловьи.
Путник стоял и думал, перебирая сюжеты:
- Ну почему все Чужие? как отыскать Своих?"...

Между заснеженных улиц Странник с глазами лета
Выслал единственный лучик в чистое сердце Земли...

Не слушай их

Сигналов и знаков полно мирозданье,
И солнечным вёрстам не видно предела.

Хрустальное эхо и девочка в белом,
Летящая в танце под звук щебетанья
Навстречу сиянью весенних предчувствий
Полна постижений, вмещающих тайну.

Кружение потоков скрывает границы
Небесных владений в нарядах зеркальных,
И девочка в белом ровняет дыханье,
И смотрит на звёзды сквозь прорезь в ресницах
С тоской неуёмной и давящей грустью,
Пытаясь проникнуть в созвездья стихами.

Сквозь ткань атмосферы в ладони ей солнца
Ссыпают рассветы течением линий,
И девочка в белом с бутонами лилий
Беседует тихо и тихо смеётся,
Пытаясь наладить связь прошлого с новым
Периодом жизни, смешным и красивым.

И пусть по запястьям клубятся раздоры
Холодного сердца размытых явлений,
Она продолжает размазывать тени
И в белый песок опускать светофоры,
Грозящие штрафом огромным любого,
Кто вздумает правила жизни нарушить...

Не слушай их, девочка в белом, не слушай.
Быть может тогда ты узнаешь про душу
И станешь, влюбившись, и чище и лучше...

Детище света

В белой пустыне
Ветрами гонимый
Шел путник, мучился.
Думы колючие
В голову лезли, лучами палимую.
Была в висках пулеметною очередью
Кровь, закипая горячим источником.

Нету, казалось, ни силы, ни мочи,
Есть только солнце и мысль обесточенная.
Пав на колени в безмолвном бессилии,
Руки простер к небесам обезумившим.
Взгляд затуманенный врезался в синее
В тщетной надежде на тучу заблудшую...
Глас громогласный, окутанный вечностью,
Путника ввергнул в пучину смятения:
- Слушай, что говорю, человеке мой!
Только в себе ты отыщешь спасение!
Крепко захваченный бурей кармической,
Вмятый в последствия срока истекшего,
Ты - воплощение Воли Космической!
И бесполезна борьба с неизбежностью.
В трезвость окутай сознания истоки.
Пусть наполняется сердце любовью.
Вырви наружу земные пороки.
Пусть тяжело...
Вместе с потом и кровью
К Новому Миру стремись независимо
Душу очисти от низшего, пошлого
Детище Света, неси свою миссию,
И не колеблясь, порви цепи прошлого.

Из серии «Забавные игры»

Катилась...
Катилась...
Упала на дно.
За дно зацепилась,
И выпала в кому.
Вдруг вижу, из нижнего уровня гномы,
Смеясь и толкаясь, мне смотрят в окно.
Окно в мир случайный,
В бессонницу дверь,
И я с нетерпимой и режущей болью
Хожу по обрыву со стоном,
И колья
Вбиваю вдоль линии веских потерь.

Вбиваю усердно
Из собственной комы,
Ладони в мозолях и жгучие слезы.
А где то готовы рядиться березы
В зеленые платья под солнечным звоном.
А где то источник забавно поет,
И ветер вдогонку за временем скачет...
Ах, кто это жалобным голосом плачет?
Да кто же так плачет?
То сердце мое...
Забавные игры забавных широт.
Веснушки на поле, а дальше - граница.
И всюду мои незнакомые лица,
И только знакомого не достает.

Забавные сны закрывают страницу...
По белому жизнь впереди, без пометки.
Но чьи это свечи коптят?
Чьи огарки
Впечатались в блюдо гаданий
У жрицы?

Меня ставки и пароли

Меня ставки и пароли,
Одежду и ночное время,
Брала в кредит чужие роли,
И засыпала на мгновенье.
Я засыпала кладовые
Неизмеримого пространства
Стихами солнечной стихии,
И красотой - дорогу странствий.
Меня масок вереницы,
Я проходила по подъездам
И собирала сор на лицах,
И чемоданы в день отъезда.
Меня эхо наслоений,
Я уходила на вокзалы

С охапкой светлых настроений,
И поездами уезжала.
Я проезжала по дорогам
Запутанным, себя скосившим,
И вынимала из сугробов
Упавшие с деревьев вишни.
Я рассыпалась мотыльками,
На них пыталась я молиться,
И согревала их руками,
Меня слезы на ресницах.
Меня деньги на подковы,
Я убегала с табунами
В другую жизнь,
Ажурным словом
Мир украшая
Из цунами...

Я на облаке жду

Ты идешь в облаках,
Головою миры задевая,
По следам моих ног,
И ромашки несешь на руках.
Я на облаке жду,
Непрерывно ногами болтая
На краю.
И не знаю,
Что скоро с небес упаду.
Упаду среди трав,
И забуду про наши улыбки.
Как ко мне в облаках
Пробирался
С охапкой цветов на руках.
Чтобы солнечным днем,
Очарованным голосом скрипки,
Вдруг однажды узнать
И без крыльев тебя я смогла.

Высшее проявление любви.

Мы были в этом невозможном
Саду пурпурного дыханья.
Сплетались губы, руки, кожа,
И растворялось мирозданье.
За горизонтом зазеркалья
Молитвой белою светились.
В прикосновениях хрустальных
Мы божествами становились.
В саду Эдема, в сказке жили,
И в росных лепестках дорогу
Рука в руке вдвоем стелили
К стопам единственного Бога.
По перламутровому снегу
Брели, израненные болью.
Тянули губы, руки к свету
И к коже, пахнувшей любовью.
Ты прожигал меня сквозь вёсны
Огнем немыслимых сияний.
И прорастали в сердце звёзды
Из тайников соприкасаний.

Выход

В миг, когда кажется: нет уж, не будет
В мире ни счастья, ни исцеления,
Вдруг растревоженно и недоверчиво
Дверь открывается в мир переменчивый.
И параллелями, очень несхожими:
Хрупкими, тонкими, едва, чуть просвечивая,
В душу бездонную, сверхчеловечную,
Тихо заглядывают, точно прохожие
Странники дивные, вестники вечные,
Светом небесным неся озарение
Счастья безмерного, не быстротечного...
Быстро несутся, боясь искривления

В этом мгновенье пространства и времени.
Чуть уловимые...
Стучась в подсознание
Тех, кто в тот миг был принят в состоянии
Этих неведомых, едва объяснимых
Сил жизнерадостных...
Вечно гонимых...

Этот город нас будет помнить

В этом городе ночи все темные,
Звезды - близкие шелесту волн.
Я люблю тебя, небо озёрное,
И таинственность звуков валторн...
В этом городе - штили и штормы,
В этом городе - жизнь после смерти...
Этот город всегда будет помнить
Все стихи, что рождают поэты...

ВИТАЛИЙ ИВАНОВ

Божественное мгновенье («Торжественный,
спокойный, ясный...»)
Страничка из вечности («Откуда-то издалека...»)
Там, где вечная юность («А далеко - так далеко!...»)
Из земли прорастая до неба («Нёс ветер стройный
шум берёз...»)
Землёй и небом («Ко мне спускались облака...»)
Творение («Погаснет день. Взойдёт звезда...»)
Хрусталики одиночества («На каждый миг - одна
строка!...»)
Звёзды ночного ветра
Зодчий. Стансы («Тревожит ночью сладкий сон...»)
Сотвори Чудо («Тоска ушла!.. Унынья нет в
помине!...»)
Корабль времени («Как время летит незаметно!...»)
«Брошены любимые тетрадки...»
Пророк («Ко мне он часто приходил
Путь («Шёл он по жизни - один, не спеша...»)
Возвращение блудного сына («Над белой водой
поднимается ветер...»)
Демон
1. «Мне всё знакомо: грусть и страсть...»
2. «Такая получилась жизнь...»
«Зачем живу – догадываюсь сам...»
Лестница («Когда-нибудь наступит этот час!...»)
«Мы отдохнём на небесах...»
На дне сияющей реки («Совсем не вдруг, совсем не
вдруг...»)
«Он был творцом Вселенной...»
Сильнее Света и Мрака
Высокое солнце («Высоко солнце. Плещется вода...»)
Поэма бессмертия («Мне грустно... Я умру...»)

Божественное мгновение

“И звезда с звездою говорит...”
М.Ю. Лермонтов

Медленный, величественный, ясный
Свет с небес нисходит на поля.
В ночь такую, Богу лишь подвластна,
Смотрит во Вселенную Земля.

Я молчу, внимая с восхищеньем
Разговору звёзд и небесам...
Вечности прекрасное мгновение
Открывает людям чудеса!

Страничка из вечности

Откуда-то издалека
Летят куда-то облака.
Луна живой укрылась шалью...
Душа свободна и легка
И, кажется, как облака,
Вдруг полетит, влекома далью.

Какая в мире тишина!..
Всё на земле во власти сна -
Как мало тех, кому не спится!
Мне вся Вселенная видна...
И в книге вечности одна
Ещё открылась мне страница...

Там, где вечная юность...

...А далеко - так далеко! -
За вереницей облаков,
Там, за сияньем лунным
Я был бы вечно юным!..

Из земли прорастая до неба

“Душа грустит о небесах...”

Сергей Есенин

Нёс ветер стройный шум берёз,
И запахи сырой земли.
А я душой, казалось, рос
До неба, к горизонту... И

Смотрел, как тени облаков
Летели в травах и лесах,
Лежал средь полевых цветов
И размышлял о небесах...

Я понимал язык берёз,
Со мною звёзды речь вели...
И стало ясно, я пророс
До неба, прямо из земли!

Землёй и небом

Ко мне спускались облака -
На небо шаткие ступени.
Я робко трогал их бока
И опускался на колени.

Я окунался с головой
В их свежесть, утреннюю негу;
Стремился капель чередой,
Как дождь – к растущему побегу;

Роскошной зелению травы
Переполюнял тугое тело;
Был лучиком из синевы;
Дымком от крыш тянулся белым...

Я был везде, и был - ничем,
Самим собою был и не был...
Исчез вопрос: живу зачем?
Я просто жил - землёй и небом!

Творение

Однажды упадёт Звезда,
Жизнь скоротечную итожа.
Ночь будет так же, как всегда,-
Ни на одну ночь не похожа.

Сверкнёт на небе звездопад,
И чьё-то сердце разгорится...
Но всё, чем полон жизни сад,
Во мне уже не повторится!
И для меня наступит срок
Вновь превратиться просто в землю...
Зачем же, зная сей итог,
С волнением я небу внемлю?!

Хрусталики одиночества

На каждый миг - одна строка!
То вдруг порывом ветерка,
То звёзд сияньем изначальным,
То одиночеством хрустальным...

Звёзды ночного ветра

С полуночным ветром
Дышу глубоко
Серебряным светом
Седых облаков.

Дрожащие свечи
Бесчисленных звёзд
Зажгла бесконечность
Над рощей берёз.

Из иссиня-чёрной
Громады небес
Сверкающий ливень
Врывается в лес.

И, чудится, ветер,
Летающий со звёзд,
Разбудит и спящие
Ветки берёз!..

Зодчий. Стансы

Тревожит ночью сладкий сон,
Днём бережит покой раздумья
Заветных мыслей тяжкий стон -
Прозрение или безумье?

Порой мне кажется, что я
С самим собой живу отдельно.
Я - та частица бытия,
Которая, как всё, бесцельна;

И я - кто создан, чтобы жить,
Чтоб наслаждаться каждой клеткой,
Смеяться, плакать и любить,
Не думая о лет отметках.

Я родился для первых чувств,
Неповторяющихся песен.
И выдуманный «мир искусств»
Живому сердцу - узок, тесен!..

Мне мнится в нём источник зла,
Причина тайных мук для лучших.
Нас душит памяти зола,
Веками собранная в кучи.

Я, ясновидец вещей снов,
Источник озарений вольных,
Порвавших цепи душевных слов
И затопивших знаний штольни,

Я должен усмирять - себя?!..

Жить по слепым законам страха
Быть не таким, как все?.. Творя,
Как Феникс, восстаю из праха!

Пускай твердит мне чёрт ума,
Что жизнь - лишь краткое мгновенье.
За нею – хаос, тлен и тьма,
А в ней - обман и наважденья...

Я знаю мир один живой,
Где есть Страдание и Счастье.
Я зодчий в нём, Творец, Герой.
В себе, как Бог, я - полновластен!

Сотвори Чудо

Тоска ушла!.. Унынья нет в помине!
Душа, как птица, взмыла в небеса...
И столько радости, что, кажется, отныне
Даровано творить нам чудеса.

Не удержать ликующего света!
Какой простор, куда ни погляди...
Как будто ждёт Вселенная ответа
И ожидает - Чуда впереди!

Корабль времени

Как время летит незаметно!
Куда наше время летит?
На кончике лучика света
Вперёд, улыбаясь, глядит.

Несётся оно беспредельно -
За звёзды, в неведомый мрак...
Не может быть Тайна бесцельна,
Что реет над нами, как флаг!

Волшебное сияние Поэзии

Брошены любимые тетрадки,
Далеко отосланы дела...
В этом симпатичном беспорядке
Мне Луна немного помогла.

Бледный луч кружится на паркете.
Я специально погасил огни...
В призрачном, белёсом, мягком свете
Очертания слегка изменены.

Начинает с королевой тюля
Лунный свет в зеркальном зале вальс...
Чуть глаза прикрою и танцую...
Я здесь за волшебника сейчас.

Ночь импровизирует... В оркестре
Шорохи и скрипы тишины.
Сколько мне их было неизвестно.
Все они сегодня рождены!
.....

Первой строчки трудно не заметить.
Верно, мне отпущены грехи...
Становлюсь счастливей всех на свете,
Сочиняя сказки и стихи!

Пророк

Ко мне Он часто приходил...
Через него узнал я рано
Огонь, коварный, но желанный -
Избытка и свободы сил.

Он говорил:
«Не всем дойти...
Твой жребий выделен из многих.
Но ты узнаешь по дороге
Всё одиночество Пути.

Услышишь каждого мольбы,
Но сам не сможешь стать понятным...
Не будет свет благоприятным
Твоей сгорающей Судьбы».

И по пророчеству тому
Один средь всех я оставался
И сколь с надеждой не пытался,
Был не понятен никому...

Узнал я что такое - знать
И что нельзя помочь, чтоб знали.
Что ж... пусть меня не понимали,
Себя я сам сумел понять!

Путь

Шёл он по жизни один, не спеша,
Словно тропинку во тьме освещал -
Разумом, теплящимся, как свеча...
Что ж он так страшно кричал по ночам?

Что ему виделось в чёрной ночи?
Кто загораживал пламя свечи?
Кто говорил ему: «Это ли мрак?
Сколько, смотри-ка, веселья и благ!..»

Холод и сырость касались лица,
Словно бы тьма не имела конца.
И доносилось из мрака к нему:
«Вышел из тьмы и идёшь ты – во тьму!»

Рыла, копыта скакали вокруг,
Жадные лапы цеплялися вдруг...
Всё ему мнилось средь бесов ночных,
Что вовлекался он в торжище их.

Дико, безумно тогда он кричал...
Может, на помощь кого-нибудь звал?
«Кто с тобой рядом?» – спросили его.
«Нет со мной рядом, - сказал, - никого!..»

Возвращение блудного сына

Над белой водой поднимается ветер,
Сначала - чуть слышно, потом - всё заметней!

На тёмном стекле открываются знаки,
Как будто сигналы далёких галактик.

На кронах деревьев рисуются буквы,
Как будто бы к ним подключился компьютер;

Как будто из самых основ мироздания
Пытается что-то пробиться в сознание...

Я знаки встречаю – повсюду! повсюду!
Весь мир необъятный – огромное Чудо!

Волнение странное чувствую в венах,
Повсюду - во мне, вне меня – перемены!..

Другой ощущения пробуют ракурсы...
А может, иной получаю я статус.

Росту я из тела, как отрок из платья;
Вселенная мне раскрывает объятья!..

И вдруг в голове разрывается бездна,
Как будто бы вечность пространства разверзла,

И то, что казалось мне Тайной и Чудом, -
Во мне, и со мной... Я - повсюду! повсюду!..

Демон

1.

Мне всё знакомо - грусть и страсть,
И счастье, и страдания кома.
Могу с улыбкою проклясть
И обласкать раскатом грома.

Могу услышать я Творца
И дьявола спуститься ниже,
Зажечь добром людей сердца
И ненавистью разум выжечь!..

2.

Такая получилась жизнь,
Что было суждено спускаться
Мне глубже всех живущих вниз...
И выше каждого подняться!

Мне было многое дано,
Я остальное брал без спроса.
Увы, мне было суждено -
Ответы дать на все вопросы.

Постигнул я добро и зло,
Всему свою назначил цену.
И тайное ко мне пришло,
Одежды сбросив откровенно...

Но вот проклятие моё,
Одно вовек мне не удастся:
Однажды с кем-нибудь вдвоём
Спуститься в бездну... И подняться!

* * *

Зачем живу – догадываюсь сам.
И иногда мне видится так ясно,
Что я живу, быть может, не напрасно -
Немного помогаю небесам...

Вселенной созерцая красоту,
Я думаю, жизнь наша не случайна -
Мы вечности разгадываем тайны
И воплощаем Вечного мечту!

Лествица

Когда-нибудь наступит этот час!
Я вознесу свои молитвы Богу...
И, наконец, начну, не торопясь,
Готовиться в последнюю дорогу.
И, может быть... сумею обрести
Покой в душе, уставшей от волнений.
Ни одному не суждено пройти
Бесчисленное множество ступеней.

* * *

Мы отдохнём на небесах.
Влекут заоблачные тайны...
Там где-то, в солнечных лучах,
Таится мир необычайный.

Вглядись получше в небеса –
Отдохновенье и прохлада.
Сверкает звёздная роса
На тропках сказочного сада.

Но память надо - потерять?!..
Иль станет непомерной данью -
Зачем-то вечно вспоминать
Мгновенья счастья и... страданье?

На дне сияющей реки

Совсем не вдруг, совсем не вдруг
В огромный тёмный лес
Пришёл мой друг, мой лучший друг...
И в нём навек исчез.

Он что-то, может быть, искал -
Сказать я не могу -
На берегу реки у скал,
Высоком берегу.

И я когда-нибудь туда
Отправляюсь вслед за ним
И там останусь навсегда,
Ни мёртвым, ни живым.

Пусть рядышком течёт река,
И лес густой шумит...
Дождётся друг – наверняка,
Мне сердце говорит.

А может, я уже там был?..
О, боже, как давно!
И девушку одну любил...
Но положил на дно.

На дно сияющей реки,
Где бесконечный лес,
В который друг мой от тоски
Забрался и исчез.

Зачем теперь не с ними я,
От милых вдалеке?
Торопит в путь судьба моя,
Собраться налегке.

Уйти туда, где тёмный лес
И светлая река...

Где друг мой навсегда исчез,
Исчезнет ли тоска?

Лежит любимая на дне,
Как прежде, хороша,
И вспоминает обо мне,
Едва-едва дыша.

Мой друг, любимая моя...
А может быть, я сам?
Где в юности влюбился я,
Душа и ныне там.

Туда, где памяти река
Течёт издалека,
Уйду совсем... Наверняка.
Вернусь, наверняка!..

* * *

Он был Творцом Вселенной,

Создателем Идей,

Почти обыкновенным

Среди других людей.

Почти... Но как, о Боже,

Среди других идей

Себя Он создал тоже –

Обычным из людей?..

Сильнее Света и Мрака

Не знали, что в жизни хотели,
Но шли в бездну тьмы и огня...
И, пусть ты не видела цели, -
Всё крепче любила меня!

Смеясь, говорила: «Будь рядом!
И, что б ни случилось тогда,
С тобой нам достаточно взгляда,
Чтоб слиться в одно - навсегда!»

Я думал о Вечной Невесте,
О Смысле и Чести, Судьбе...
А ты лишь хотела быть вместе,
Со мною, всегда и везде!

Не знаю, что это за Тайна.
Есть женщина рядом со мной...
Случайно ли я, не случайно
Её называю Женой?

Мы шли в бурях света и мрака,
И ты повторяла одно:
«До самого смертного Знака
Нам вместе идти суждено!»

Что смерть?.. Да и было ль рождение?
Нам Жизнь подарила - Любовь.
И дарит порой вдохновение,
Как только встречаю я вновь

Твой взгляд и улыбку... Что цели
Пред вечностью тьмы и огня?
Ведь любишь ты, Света сильнее
И Жизни сильнее, - меня!

Высокое солнце

Высокое солнце. Плещется вода...
Так хорошо, как будто снова дома.
Прекрасный мир! Неужто, никогда
Мы не были как следует знакомы?

Синеет лес за голубой рекой.
Поля желтеют, в небе птицы кружат...
Час отдыха средь красоты такой,
И больше - ничего уже не нужно.

Нетороплива мощная река.
Без края даль... О, чудо мироздания!
В последний раз... совсем издалека,
Пришла ко мне Природа на свиданье.

Провозглашу Всевышнему хвалу
За этот час покоя и отрады
И, даже если я теперь умру...
Так умирать, наверное, и надо.

Синеет лес за голубой рекой.
Как высоко кружатся в небе птицы!..
Смотреть на них и ощущать покой,
И позабыть - всё видится иль снится...

Поэма бессмертия

Нет, весь я не умру...

А.С. Пушкин

1.

Мне грустно...

Я умру...

Однажды – я! – умру!

Исчезну навсегда,
как призрак или сон
в себе и для себя...

Уйдёт моя душа,
тончайших чувств тайник,
и распадётся ум,
вдруг потеряв себя,
исчезнув для себя...

Кем был я, чем я был
всё превратится в прах,
мешок, где правит смерть...

Как грустно это!
Как нелепо!

2.

Но дерзкая мечта
тревожит гордый ум...

Умру...
И ветер ввысь
взметнётся, изумлённый, -
уже чуть-чуть не так,
как было до меня.

И будут облака

лететь уже не так,
иными станут лес,
и поле, и река...

ПеременИтся всё!

Да, будет всё, как прежде,
рождаться и цвести,
стареть и умирать...
Но что-то от меня,
бесценное, что я
на всей земле один
взрастил в себе, и что,
быть может, никогда
на всей Земле никто
не создал бы другой,-
останется навек!..

В играющей листве
весенней юной рощи,
и в капельках дождя,
и в каждом ручейке...
Во всём, что в мире есть
и будет нарождаться,
продолжит жизнь свою
частица от меня!

Идеи будут жить,
и чувства, и мечты
мои в умах людей,
оставшихся за мной,
в движениях глаз и лиц,
поступках и словах...
Все «я» во всей Вселенной
увидят мир иным,
чем знали до меня!

Неведомо для всех,
я сохраняюсь внутри

извечного движенья.
Останусь я в веках,
несомый чередой
бессмертной поколений!

Нет, я не умирал -
я жил, живу...
я вечен!

3.

Мне кажется порой,
открылась - бесконечность,
я чувствую поток
и непрерывность жизни.
Прозрачны и тонки
становятся границы...
Огромный мир един,
и я, и все кругом -
лишь части Целого,
живущие одной,
неразделимой,
общей жизнью...

Так я теряю «я»
ещё до срока смерти.
И грусть моя -
у х о д и т...

ВАЛЕРИЙ КРАЙЦЕВ

«Ветра столетий...»

Содержание:
Я Ветер!
Секреты достойного рода...
Добрая Мать
Последняя Госпожа
Попытка побега
Пряха
Сорочья морока
Карусель
Теремьянова заря
Доброй ночи
Сторожить сторожей
Змейка
Добрая боль
К празднику
Бегут стада из горящей усадьбы
Вместо слов...
Я не спешу... Я саажу слышу...
Саажи излучина...
Простуда поредевших стай...
В логове звёзд...
Сестра Полынная Горечь...
Свят-Береста
Заботливое солнце
Болотного деда дерево
Волхва ветвь
Ленивая тень
За затоны тянет корень...
Дорога на мельницу
Зимнее зарево
Как мы тоньше чудим...
От Дерябы
Не ищи меня в облаке тихом...

Я – ветер!

Косило
Коварное небо, пугало и жгло.
Носило
По белому свету – сломало крыло!
Я ветер
Колючей, дремучей январской порой!
Готовься –
Я иду за тобой!

Монахи -
Ленивые пасынки божьих забот,
Рубахи
Сожгли на груди, не признали господ!
Я ветер!
Заветная длань над замёрзшей водой.
Готовься –
Я иду за тобой!

Кричите!
Стучите смелей покаянную дробь.
Я житель
Голодных полей! Соколиная кровь!
Я ветер!
Шальная заноза под ветхой корой.
Готовься –
Я иду за тобой!

Крестило
Коварное небо амбарным замком!
Я сила,
Последняя сила, последний закон!

Я ветер!
Слепой собиратель, сказитель блажной.
Готовься –
Я иду за тобой!

Секреты достойного рода...

Секреты достойного рода...
Границы немыслимых снов...
Осипшую патоку слов...
Не примет ни Бог, ни Природа.

Молчит благодарный зверинец.
Скрипит снисходительный век,
Готовя нехитрый ночлег -
Колючего когтя гостинец.

Я сам приготовил отвар.
Я сам причастился отравы,
Чтоб будучи злым и неправым,
Божественным сделать тартар.

И в смуте ли, слов суете
Сную и слоняюсь без дела...
Я сам выбираю пределы...
И сам ухожу по воде...

Листая забытый букварь,
Внимаю заботливым буквам.
И новые звуки, как угли,
Ложатся огнём на алтарь!

Голодные сути основ,
И горечь запретного плода -
Секреты достойного рода,
Границы немыслимых снов...

Добрая Мать

Вереск заветный да сныть-приживалка,
Для племени места вам больше не жалко?
Ни бременем силы, ни времени жалом
В рукав не вложить, и не выпить Стожары!

Видать, одолела весёлая жажда...
На свет ворожить, это может не каждый.
Ты так не части, неказистая стать.
Зови Добрую Мать!

От солнца таились за шкурой медвежьей!
Не сон - забытьё, и рассвет печенежий...
День зол был, как бес. А вечер был нежен.
И всех привечал - и кто свят, и кто грешен.
Как новым теплом необжитых скворешен,
Заветным ковшом, что глубок и безбрежен...
Почём тебе знать, что отдать, а что взять...
Зови Добрую Мать!

Бежала дорожка по кочкам, порожкам!
Да спряталась в лес, будто дикая кошка!
До ночи петлял непутёвый Антошка,
К груди прижимая пустое лукошко!
Рассыпаны по небу клюква, морошка...
И ласково светят, как звёздные крошки!
И надо собраться, и надо собрать...
Зови Добрую Мать!

Последняя Госпожа

Нерадивый отпрыск сумрачных вод.
Ненасытный сын пасхальных затей.
У цыган на ярмарке украл небосвод,
В чугунок собрал, и в печку скорей!
В бедном доме о хороме не плачь!
Сытой крошки кровь... да сажа с ножа...
На ноже танцует мальчик-циркач.
Это всё, чем ты богата, Госпожа!

Моё небо - оно знает, что как...
То свирепо, то добрее добра!
Оно Северному Богу свояк.
Оно Северному Вепрю сестра.

Тучной крови колея к алтарю.
Зачарованно смотрю, не дыша.
Слабым сердцем пеленаю зарю!
Это вся моя наука, Госпожа!

Кривобоки, как на грех, терема.
Всё околицей хожу, как чумной.
Ты себя не залатаешь сама!
Но ведь тут и я - помощник плохой...
Кислый пост под сытый занавес дней.
Домотканая судьба в три гроша...
Гнишь до хруста! Завывай! Будь смелей!
Это всё моё добро, Госпожа...

Мне сказали, под землёй есть луна.
Лучше той, что в небе, в тысячу крат!
Там на радость не большая цена!
Ну, по крайней мере, так говорят.
Вот и славно, ухожу в лунари!
Жить подземным лунарём, не спеша.
Всё моё кому-нибудь отдари...
Чего хошь твори... И почивай, Госпожа...

Попытка побега

От тумака... и от заплаты...
От тусклой горечи ночИ...
От вдохновений, что не святы...
Зажжённой с двух концов свечи...

Беда - сиятельная брага...
От смеха, что слезам родня.
От снисходительного блага,
С табличкой хитрой - «съешь меня»!

От горьких снадобий ненужных...
От оправданий, что елей!
Рассвета, что, увы, простужен.

Заката, что зари смелей...

По берегам коварной Леты
Петляет твой тревожный взгляд...
Так я бежал до края света!
Вздохнул и повернул назад...

Пряха

Сажу нанесло на пыльный короб пряхи.
Страхи посвежели-сникли-отощали.
Пальцы спали! Сутки пауками и клещами
Тоже ткали...Заворот простой рубахи
Выцвел. Выцвет соты. Первый был. По виду сотый.
Сватай веретень к пустому злату
Тень пестрей! Ведь пёстрыми бывают тени,
Острыми бывают звуки. Кренит
Короб от ночного рукоделья. Руки
Стелют тёплым словом старый терем.
А слова перебирают – в теле...в темень...
Бережно, что в осени морошку...
Сошку малую до малого колена...
Плена полымя до млечной речки...
Речи сонных оберегов... Брегом
Муторным до светлых сЕдин.
Съеден сон совой безродной.
Брода в млечной речке не отыщет сытый.
Сватай веретЕнь к пустому злату...
Свету Запредельной Белой Воли!
Молит, как умеет! Не умет тоже молит.
Солью светочей на свет соцветий
Сонных. Санные следы укажут зиму.
Светлых свадеб наколдует лето.
Яда? Головы своей не скину
В пекло...Отвечай мне – где ты....
Я то? В слове растворилась светлом....

Сорочья морока

Загадки, ребусы... Клубок небытия...
На правду зарится доверчивый смутяня!
До дыр протёр свою бирюльку Аладдин.
И в сон приходит Сильный Господин.
И чётко расставляет по местам
Местоимений и глаголов дивный хлам!
И паче почестей собачии грехи...
Меня он пестует и кормит из руки!
Забывшему дорогу в цирк – беда!
Ты коронован – Вот колпак! А вот дуда!
Из мрачной кельи в ослепительный чертог
Летел недолго я, споткнувшись о порог!
Хорош полёт. Да пол лицо ожёг!
Не бережёного никто не бережёт!
Не клевети зря на бессмертие, Кошей –
Так молвил гвоздь, вникая в суть клещей!
И нищей пантомимы круговерть
Покорна стихла, принимая смерть...
И Ночь-Владычица - Заботливая-Мать...
Велела отряхнуться и взлетать...

Карусель

Вот чертог, а вот порог!
Вот пророк – пороги сбиты
Карусели знаменитой –
Что ни круг, то новый бог...
Страшно кружится, качает
Эта ведьма-карусель!
Стрелы высыпались все
Из дырявого колчана.
Вещий дух всюду крепчал.
Все начальные начала
Мне сорока прокричала...
Братом ворон величал!
То ли нежным палачом,
То ли трепетным сатрапом,

Путал след и тропы прятал,
Чтоб остаться не причём ...
На пиру чудна купель.
На миру красна тревога.
Кто подаст! Кто спросит строго!
Кружит ведьма-карусель.
Мощи каторжной зимы
Талым ядом на погосте...
И на завтра будут гости...
И скажи, причём здесь мы?

Теремьянова заря

Восемнадцать трав – вот крутой отвар.
Проглядел святой сердце зимаря.
Коробейник плут сбыл худой товар.
Его нынче зовут Серафим-Полцаря.
Закрути, Егор, свой волшебный круг.
Наколдуй, гончар, семерых гончаков,
Восемь упырей для безрадостных подруг...
Не придумати лучше ничего.

Серафим-Полцаря зовёт лютого псаря –
Открести меня от соседских глаз.
Со звездой воскрес, с тёплым месяцем угас.
Я теперь вольный лис, Теремьянова заря.
Лисий мех что снег, бледным зеркалом ручей.
Чуешь, волчий клин идёт чёрною бедой.
Был отец и сын, в один миг ничей.
Стал вчерашний господин через дружбу с тобой.

Идут калики гурьбой в царство ста снегов.
Там таёжный бог гулко в бубен бьёт.
Твоих судеб хоровод с четырёх костров
Поднимает вверх, посылает в ход.
Ох, ты - Суздаль да Свияжск – сказка детских дней...
Будь ты засланный варяг, будь ты трижды свой,
Не сыскать постой, с каждым годом злей,

Тот, что стал злодей, тот, что был святой.

Пройди по небу светлым месяцем.
Скользи по снегу честным лучиком.
На Великий Пост будет весело.
Ну, а там, глядишь, станет легче нам!

Доброй ночи

Доброй ночи.
Сладко спится вам, друзья? Мне – не очень.
Ночь – точильня ворожит, ворчит, скрипит да кочует!
Точит-точит, точит-точит.

Улетел бы
Ветерком-поводырём в волчью стаю.
Убежал бы! Ах, куда ж я вас завёл серы други?
Сам не знаю....

Был бы кормчий,
А волна для нас с тобою найдётся.
Ржавым солнцем укрывал к ночи сожжённые руки.
Добры друзья, вот об этом мне жалеть не придется!

Светлы дали
Уходили тело разом и напроць.
Кайся на ночь! Будет день, и не вернёшься обратно...
Да и ладно... Мы с тобой и не такое видали!

Мы упали
С дорогой телеги в пыльные горки.
Оклемались, да и дальше побрели, братья-волки!
В жёны брать мечту-печаль можно сколько?
Крикнут – Горько!
Крикнут – Горько, и поймешь, вправду «горько»!
Ах, как «горько».

Доброй ночи...

Сторожить сторожей

Не монаху чета, и монарху не лучший престол.
Молоко на устах горьким мёдом морочит, аж - жуть!
Я считал то чертей, то слонов, и сбивался на «сто».
Начинал новый круг, понял вдруг, что опять не уснуть.
А ночные ветра, задыхаясь, трубят в зычный рог.
То гостей привечают, то гонят, по-барски, взашей.
Я тебе подарю самый лучший и светлый чертог.
Но, скажи, кто возьмётся тогда сторожить сторожей?

Лезут чёрные крысы в колодцы с прозрачной водой.
И казённая нежить, с обидой на сладкую жизнь,
Объясняет мне серому-сирому - кто я такой...
Знаешь, юноша с дудочкой, мы уже заждались.
Отворяйте шалманы, пойте служилых людей.
Созывайте шаманов, зовите слепых ворожей.
Я тебе подарю самый светлый и важный из дней.
Но, скажи, кто возьмётся тогда сторожить сторожей?

На заснеженной башне вороны черней черноты.
Ещё час – было страшно, теперь веселей весела.
Неизвестные в темени вдруг обретали черты.
А мычанье и рык, отчего-то, слагались в слова.
В этой ярмарке всё хорошо, не под стать карусель.
То свистит, то кружит хором злым шестерёнок-ножей.
Я тебе подарю самый умный и скромный музей.
Но, скажи, кто возьмётся тогда сторожить сторожей?

Змейка

Сон
В сито
Сырого савана
Сутолоки стелет.
Смелей, сила босая!
Пока сон зелен, смело
Воли Белой вёсла
В полесья спрячь.

Накрой осенью.
За край грач-бестолочь
Лето уволочь хочет.
Это полночь куликом склочным
Над нами хохочет. Упивается, злыдня!
Чертям честным за нас... и то... стыдно.
Рука-плутовка голове велит – Вырви
С корнем Имя и вместо слёз - выреви!
А что в имени... Польшнуло племя – пошло
прахом...
Снова дым земли лаком. Сытно, солоно. Насытились
вволю,
И опять – мало! Не пойму, как в пОйму болезную
вышел...
И как река выжила... Терпят ближнего, пока не сказал
лишнего.
А сказал – семь пудов зла, да ложка в дёгте тонет.
Почивай, как в чреве,
Коли правда черна, да сажи червь свою сажень справно
оаживает...
Нам здесь жизнью впрок не одалживают! А беда всегда
молода –
Ясно, к темени глаз привык... Рёв да рык – беспросветная
чаща,
А все кущи мерещатся... Слаще – не чище! Вот они – клещи!
Не ропщи... Ржавый гвоздь прочь из сердца вытащи....

.
Добрая боль

Богословы-циркачи от души
Нацедили мне янтарного меда.
Я две жизни в одночасье прожил,
И меня теперь не любит природа.
Она, видимо, со мной на ножах.
Понукает как ягненком в загоне.
Отведи меня, отец, в Эрмитаж.
Покатай меня, подруга, на пони.

Я тебя повстречал на бегу
От рожденья до порта приписки.
Ты слово, которым я лгу!
Ты, правда в глазах василиска.
Ты поверь, у меня на груди,
Не ступала нога человека,
Не с того, что я вконец нелюдим,
А с того, что я приверженец века!

Ты подарок задремавшей судьбы.
Ты гостинец обнищавшей природы.
И не надо никакой ворожбы.
И не надо никаких приворотов.
Задохнулся, кабы пил день-деньской
Злые скорби одинокой отчизны.
Ты суровая игла в мой покой,
Но ты больше, чем я ждал в этой жизни.

Вечной сагою ленивых племен,
Скорбной песнею угрюмых злодеев
Охраняет очень хитрый закон
Непутевых забияк-лицедеев.
Как собрать тебя губами в ладонь,
Если ты по коже бисером скачешь?
Ты, наверно, моя добрая боль,
От которой только олухи плачут.

Тёплый дождь прошёл огнём по коре,
Поломал мою заветную карту.
Чем расплатится игрок на заре
За ночные жертвы богу азарта?
Все кручинился, что слаб-одинок!
Все заглядывал за высшие сферы!
Передали тебя бережно в срок...
И теперь я оделён выше меры.

К празднику

Звездами, сослепу, с легкими звонами -
Ехали, надо ли, перезвон - весело.
Снежною песнею звездного месива,
С ветром за пазухой - Пешие, Конные.

Радуйся, радуйся! Поспеваем к празднику.
Белые скатерти, постояльцы сонные.
Пуганы звонами - тихие, ладные,
С ветром за пазухой - Пешие, Конные.

Под красным облаком пролети горлицей,
Млечный путь на небе звездам мерещится.
Солнцу не светится, а луна колетса,
На небо тянется скользкая лестница.

Под луной колкою россыпи звездные,
По тракту снежному - мирные, ладные,
Пуганы звонами. Торопиться надо бы.
Что ж не торопитесь - Пешие, Конные.

К празднику, к празднику! Поспевайте к празднику!

Бегут стада из горящей усадьбы

Бегут стада из горящей усадьбы...
Ах, успеть... успеть бы,
Судеб дырявой сетью
Укутать раны. Заживёт до свадьбы!
Только хитрый старец Африкан
На рысий коготь зарится.
Сам себе капкан,
Вот и не старится...
Всех Богов в уме переберёт,
Будто хоровод с кем водит.
Хорош хоровод,
Чёртова колеса вроде...

От Имён - рябь,
Коли сердце в хряпник
В сердцах укатилось...
Не молитвы милость,
А молвы вилы
Понесут по свету тебя, милый!
Большие Силы
Посмотрят после,
Как мы всем миром
Ворошили кости
Словам-Заветам,
Когда-то спетым.
Наспех забытым.
А к чему сытым
Голод Слова?
Сочиним снова!
Вкривь и вкось – ладно!
Зато складно!
Слова так и скачут!
И племя вникло....

Земля не плачет...
Она привыкла...

А пугливый дрозд
Облетел погост –
Угостили нынче Землю, уважили!
Почитай, нет свободной сажени...
Нет! Не к этому я, не к этому...
Выдохнул слабой грудью лето
В кормилицу-осень...
Много ли просим,
Уже вдалеке от Начал Начала? -
Чтобы горластые дурни хоть на миг замолчали...

Вместо слов...

Отлетал своё светлый сокол.
Тихо плакала ольха сонным соком.

Только плаха по утру не скучала –
Я жила одна! Одичала!
То-то Козья слобода встала разом!
Заиграли воротА яркой краской.
Заходило зорким змеем злое тесто.
Я молился , как умею, но не к месту!

Боже! Успокой сам себя... И нас тоже...

Отсчитал себе дичи вволю.
Не согрел – сгорел малой кровью!
За охотный дар платил жатвой.
Жаждал и не ждал! Видно жадный.
И на шабаш-круг выкрик зверя!
Дешевел грошом – жалко мерить!
Обожжённый шаг чудотворца
Душу дотащил до колодца.

Боже! Дремлет сытый дух... Страх не гложет!...

Клеветник-кулик на осине.
А гончар в трудах – руки в глине –
Пестует пустую свистулю,
Паству созывать непростую
На простор, на приторный полдень.
Колким комаром правит голень!
Хитрым костерком плавит гривен!
Дерзок и по-детски наивен.

Боже! Я уже спокоен... До дрожи...

Я не спешу... Я сажу слышу...

Я не спешу... Я сажу слышу
Из горла выжженных степей
«Второй» - чужой, и «третий» - лишний...
И воду горькую не пей
Полынной суетной победы,
Отведав дна и горних круч.

Дерзал и врал, творил и ведал!
Суров ли на губах сургуч?
Сгорел Икар, и карта бита.
И боль, что вправду солона,
Вдруг распустилась тьмой Египта
В глазах убитого слона.
Сердитый смех сорочьих песен
В моей скудеющей струне...
И саламандре саван тесен,
Как всем танцующим в огне...

Саджи излучина...

Сумраки сажаю
Вымажут!
Да съедят заживо!
В чёрное крашенный,
Улетишь саджею!
Заживо съеденный -
Будешь ты и тени рад!
Стрелами, тенями
Распиши стены в тереме!
Мол, хочу в светлый сад.
Не хочу темени!
Пигалица зоркая
Ветром соткана.
На крыле корка льда.
Под крылом сердце в пляс!
Целишься ты куда?
А потом, пеняй, что не спас!
Зорькою тайною
Грейся на проталине.
Чёрный грай
Крылом врановым
Через край славу льёт.
Да горька слава нам.
Её только сильный пьёт!
Правдою горькою
Да полынью сладкою -

Каркаю, охаю –
Будто кровью харкаю!
Будто вижу дальше слов.
Будто знаю больше всех.
Всему внемлет рыба кровь!
Да не греет рыбий мех...

Простуда поредевших стай...

Простуда поредевших стай...
У ставен ставили посты ли?
И опостытели, простыли,
И утомили впрок уста.
И пусто - не грозит постой,
Укрывшимся на дне колодца.
Веретеном ли уколотся
И убережься лет на сто?
И выстоять в объятьях сна,
Опять заснув на полуслове.
И вёрстами лихих сословий
(манит война ль, блеснит блесна)

Окутать вновь живую речь
Во славу мрака за порогом.
Так просто убояться Бога,
И от себя себя стеречь.
Под гнётом, пудом, мором, голодом,
Сияньем светлой кочерги
Так ясно видно – вот враги,
А больше, вроде, знать не надо.
Дурная слава, скука, смерть -
Всё как-то суетно и мимо...
И лбом – во благо, и во имя...
Семь лбов разбив об эту твердь.
И искры сыплются из глаз.
И вот-вот пламя разгорится.
Но слушать друга не годиться,
А вдруг он знает больше нас.

Вдруг за извилистой тропой,
За малой кочкою болотной
Подстерегает волк голодный...

И гонит страх на водопой
Вполне покладистое стадо,
Что верит всё идёт как надо.
А жажды нет уж никакой...
И нет дороги никакой...
(Прозренье во пылу смятенья)
Всё бы испытывать терпенье –
Терпение воды живой!

В логове звёзд...

В логове звёзд,
Ближе к заре -
Талого среза
Не сразу
Проказы
Проступят.
Солнцу
Судачь
В янтаре
Птахой малой.
Учит удачей
Сочельник -
Не считывать
С чёток
Участье небес.
Что же ,
Твой голос
Не чётко
В мороси
Медленных звёзд?
И покосившийся мост
Медлит
Пророчить дорогу...
Древних оврагов

Душа,
Стужу не вылечив,
Всяко, не спросит
С нас строго.
А терпеливые Боги
Даже бегут - не спеша...

Сестра Полынная Горечь...

Сестра Полынная Горечь,
Ворожи в полночь!
Крови комару накличь,
Чтобы сытым был...
Сыч гнездо вил
Для суздальских вдов!
А венец не плыл...
Тонул...
Нерадивый март
Подкову гнул.
Звал счастье в дом.
Да саван сшил!
Простыни-снега.
Прореха-топь.
Пасынка-врага
Сыном кличь...
Колким комаром
Заиграла кровь!
Посох ко двору,
Что к пасхе кулич...
Эко, что творю!
Полвесны каяться!
Вешним паводком
В сон к пескарю!
Обойму, как ближнего,
Норова тайного...
Не сказать бы лишнего...
Заглянул под воду -
Щука, лебедя
наполовину проглотившая...

Крыльев не простившая...
А тот крыльями
Под водой машет,
Взлететь хочет будто!
Что ж – мешать не буду!
УвАжу!
А вокруг раки бескровные свищут!
Говорят, взгляни на гору!
С крестов праведники осыпаются!
Или дух нищий
Днесь на благо дан?
Или бед тыщи –
На саван отрез?
Помоги, Отец!
Заигрался сын!
В кошельке чужом...
Краденный алтын...

Свят-Береста

За ленивой слободой зарево.
Векша вечность увела за реку.
За барсучий частокол скаредный.
Все то у тебя в долгу, праведный!
Не костлявой кочерги поросли,
А кочевье куличей из печи...
В красный угол – наледь-медь – вора злить.
Смех сорочий и сорочка с саранчи.

Слышишь гром?
Это дядька Бузина до Киева едет,
Пугать медведей!
Страшен и хром!
А доброй снеди
С огнём не сыщешь...
И тот нищий,
Что бренностью бредит,
Считая тыщи.
Свят-Береста,

У моего поста
Края обломались.
Прыг с моста
В душу хвороста...
И сердце до хруста
О хоромы острые!
Не кори, короста,
Что без устали тебя пестовал.
Наросла-то -
Надрывы к нересту...
А перста пятаются.
И щепоть, что храм из воды...
Свят-Береста,
Велят уста
Набрать в рот воды...

Заботливое солнце

Летней гостью
Щедры горсти...
Цвести бросьте...
Почитай постриг...
Мимо масти
К молодой власти...
Рысьи когти,
Медвежьи пасти -
Чужим напасти -
Родным за счастье...
Впору и упасть бы,
А всё идётся...

Межой бескрайней
К заветной тайне...
О нас всяко солнце
Не обожжётся!
А солнца соты
Не подают мёда!
Вкусил покоя -
Вкуси осота!

Уйдёт забота
С большой водою...
С дождём вернётся...
Латайте солнце...

Болотного деда дерево

Заповедной ветошью гать-грешница сдобрена.
Дебри вздорные
Возвели в силу.
Кикимора колесила
Из Полесья в полинялые полосы.
Да взвесь бесья
Росой белёсой на волосы
Лечь просит.
Не морозь поросли слов северных
Умом скользким скаредно уморённых!
Иль путей не придумано, кроме торных?
Всё-то посуху
Муторно!
В озорной роздых
Глянь в сторону хутора –
Сваты-ставни голосить устали –
На Великую Марь Марью манят.
Знать улады стаи сатанеть стали.
Коренись, кровь! Соберись, стая!
А Болотный Дед говорит дело –
Вкушай смело свои страхи сызмала.
Не твоя ли сила сИротью пела
Огням беглым в спину!
Изведи, изморось,
Следы в избу!
То Болотный Дед измором балует.
Чу! За кочкой малой
Корявой тенью зовёт в топи!
Или оторопь тропы топора требует?
Теребит кровь древнюю
Болотного Деда дерево

Обнищавшей веткой.
Алатырь кремнию
Корень верный.
С моего берега
Оберег бережно
Передам к лету.
Сбережёт ежели,
Так с первой векшей
Знать дайте!
А то ставни-сваты
В дом прочат лешего!

Волхва ветвь

Волхва ветвь,
Что большая весть.
А кому несть? Никого нет...
Дорожил сосед
Пылью дорожной.
Вставал чуть свет,
Пылил осторожно.
Неказистой былью боль обвил...
Да волоком стольным вилы стали.
Вали в пыль, пока пыл не остыл!
Да вволю вывали. Усталъ ставен -
Жди поста. А усталъ двери -
Зачастили твари. В Твери ли,
На Днепре ли -
Не знали Устали,
Когда в шею гнали.
А город пылал, да град помог.
Выбил дурь! И валились с ног.
А нагая истина палестины ищет -
Год нести до плотины
Платину племён павших...
Усмирил бодрый дар бояр и нищих,
С малой полтины
Землю бодавших.
И ,поди различи, падающих и подавших

Поровну, исправно –
Страхи снадобья.
Ворона выправи
И сна не добей.
А станешь добрей
Не жалея ладана...
А мне, и подавно,
До дома надобно...

Ленивая тень

Окаменевший град,
Оцепеневший улей...
Где благовест с утра
Сменяет крик горгулий!
Болезнь плоть светил
Балтийского балета...
И ветхий господин
Щекочет окна веткой!

Переходя ручей,
Не грезь о Рубиконе!
Здесь торжество «ничьей»
Застыло на иконе!
Забывший стук дверей
В покинутом хороме...
И в край поводырей
Приходит грай вороний!
И часовой простыл...
И часовщик недужит!
Всё повидавший тыл
Надёжным фронтом служит!

И слов нетленных прах
Мне головы не кружит...
Рождённым впопыхах -
Купель досужей лужи...
И талая вода
Благословляет крышу...

И ты - как сирота -
Чужой, ненужный, лишний...
Прозрение крота...
Почин чердачной мыши...
Всё тщетно, господа!
Я вас уже не слышу...

За затоны тянет корень...

За затоны тянет корень
Вересень Смела Смола.
С нимбом в ссоре. С небом вровень.
С ним бы мне бы колкой кровью
Впрок не окропить крыла.
Хорь ли в норы хворь заманит -
Обелит упорный прах...
Змея тень запляшет с нами...
И знобит знамений знамя
В неразборчивых руках.

У молвы какие метлы?
Всё без устали мести –
СмЕлы Смолы Славы Светлой,
Или судеб стих заветный,
Или птичью жизнь в горсти...

Дорога на мельницу

Зачем вышел вольным?
Зачем выше леса?
Огненным клёном
По пятам беса -
Мхом стелил
На мельницу путь!
Плот смастерил -
Поплывёт пусть.
Чудо ждет где-то,
Беда еще ближе,
Сотой сна лето

Раны залижет...
Вышлет в лес,
Где на мельницу путь
Подо мхом исчез!
Поплутает пусть...

Перемерены годами, твои дни плетутся сонно - вереницею.
Всё в погоне за богами, рвешься в холод законный пестрой
птицею.
Чередую мамок-нянек, рос ребёнок, будто тесто, миром
мешанное.
Что же будет? что же станет? Посмотри, а вот и место, бесом
меченное.
И, давай, вперед из дома, хоть, и место незнакомо... Что там
светится?
Заплутал в лесных хоромах... Подо мхом, под тенью клёна -
путь на мельницу.
Закатилось за кроны алым кругом, полусонно, вышло
месяцем
Твое солнце, словно пламя, обожжёт, не взять руками... Что
ж надеяться?

А как мучить перестанет,
Поубавь, скорее, пламя,
Что светиться перед нами?
Всё в погоне за богами...
Растеряли по дороге
Что имели, позабыли что искали...
Зачинай сон...

А он ходит лесом,
Вольный и смелый!
Повстречаешь если -
Уноси тело -
Где на мельницу путь,
И где страннику упасть,
Хватит тропы гнуть...
Наплутался всласть...

Зимнее зарево

Зарево зарождения... Бережённому мёд.
Возле тихого омута голосит полынья.
За Байкалом чадо участи ждёт.
Не бежит тарбаган от огня.
От дыма чахнет. И зовёт в друзья омуля -
Мол, у нашего тихого омута
Вечность не солонят!
И голову неразумную сломя,
Полымя в пойме полонённых рек пляшет!
Не проси ворона для страшной стражи,
А иволгу зови,
Чтобы у луны молодой в крови
Звёзды-мурашки
Табуном степных жеребят
Заклинали каликов колее не кланяться.
Это жёны обожжённые так говорят!
Что греха таить? С них станется!
Ставни от стаи суеверной
Светочью северной залечи,
И пойдут искорки-светлячки
Оторопь разгонять тропой верной.
Не забудь отворить дверь мне,
Как из омутов-мытарей в вотчину звонарей
Золотой зарёй возвращаться стану.
По усам сану из слобод санных
Этот самый севером сватанный елей?
Не знаю, впрочем...
Но мёд – точно!

Как мы тоньше чудим...

А пока тут - столуются вьюги,
Отправляясь плясать к печенегам...

Лариса Лось

Как мы тоньше чудим и опасней.
Оттого-то и слог деловит.
Отзывается сказкою, басней
На стреноженность наших молитв.
И разлиты по линиям Леты
Наши светы смурным молоком.
И заботы проходят за это
То когтём, то лаптём, то клыком.
Колесом из наскальных исканий
Или искрой встревоженных сов...
Нависает над высями тайна
От Эллады до Брянских лесов.
Ни лесник не поможет, ни леший
Безутешной, но вежливой тьме.
Разольюсь по занозе-зиме
Одичалостью зимних скворешен.
От внимательной тени под снегом,
За сплетеньем способных забав
Всё печали уйдут к печенегам.
Сбежит к половцам наш лисий нрав.
Как ты, преданный страх, запределен.
Как поспешен спасительный яд.
И случайной вины виноград,
Как всегда недоступен и зелен...

От Дерябы

Не межа ли каторжная
Мятежом к мужьям?
Так то воля медвежья
Из берлог вежливых

На погост-порог! Вежды
Дележом застит!
У сарынь-власти
И за сном сныть!
Вот бы смелости онемевшие смыть
Мытаря сивым мерином,
И псарём уверенным
Пеленать след...

Светоч слепый с лета сед.
И во сне во славу слабости
Силы несусветные сватает.
Сатанеть стали от своей святости.
А редьке горькой какие радости?

Аты-баты – связали сваты!
Трынцы-брынцы – в чём там рыльце?
Ясно, в прахе и пуху!
Мчится чудо в чепуху,
В лопухи, с высокой горки.
Мельтешня в мышинной норке
Тешит в тереме зевак.
А без темени никак
Не остаться в этой теме.
Толи покосился терем,
Толи тетерев-свояк
Пособить просил медведя,
Так подправить, и вот так!
Чтоб на зависть всем соседям
Панихида в добрый знак
Спелым злаком обернулась...
Так на старость смотрит юность –
Исподлобья, сквозь дуршлаг...

Соротью ли сосватанному сому
Страшную сотворю обойму?
Стаи ли сиротливой горестей не пойму,
Выходя голосить в пойму?
Зачадили что-то вотчину, человеки!

«Отведите меня к нему...
Поднимите мне веки...»

Не ищи меня в облаке тихом...

Не ищи меня в облаке тихом,
За туманным молочным ручьём.
Я давно в отлетающем крике...
Под надёжным крылом воронихи...
За крадущемся в подпол лучом...

Я уже не касаюсь причастий...
Злого духа чудной разносол!
Новый день, как бубенчик на счастье,
Делит сердце на равные части
И бросает на жертвенный стол...

ОделИ оскудевшим чертогом!
Не пьянящей купелью больной!
Кто осилит по кругу дорогу?
В мрачный цирк заглянувшие боги?
Или списанный конь цирковой?

Поперхнулась усмешкой-морошкой
Повидавшая виды душа...
Потопталась в прихожей немножко,
Улыбнулась чеширской кошкой
И ушла по делам, не спеша...

ВЕРА ЛИНЬКОВА

"Сквозь белые бутоны тишины"

*Сараджи. Музыка колоколов
В контр-октаве Шнитке
В ночное зеркало воды (отрывок)
Если рвётся душа...
Младенческий взгляд на вещи
Вымаливаю солнце из огня...
Зов небесной царицы
К матушке -оберегине
Звездю Бетельгейзе
И Солнце Вакханки...
Маленькая! Прости...
Импрессио непонятых картин
Ворожея Мария Икаса
Мой блуждающий сад
Этот фаянсовый жёлтой лучистости кот
ПОСЛУШАЙ!
Горня Затворница
Прощальное Виденье...*

Сараджи. Музыка колоколов

Сараджи. Музыка колоколов...
Она струилась из чащоб и хрупкости болота...
На сотни голосов, не слышимых людьми, дробилась нота.
Одна, непознанная нота
из бликов солнца, из покошенных голов.
Она крестилась из озёрных партитур.
Одна, людьми не слышимая нота,
в себя вмещала грозовой сумбур,
сток крыльев ангельских, блеск дьявольских натур,
в ней бился прогreshеньями авгур,
и бесноватые сбирались на охоту
в небесный хаос, грозовой сумбур...
И в музыке его как будто плакал Бог,
понять, пытаясь собственность творенья.
Летела музыка колоколов...
А Бог не мог
услышать истину в людских молениях.

Дробилась нота.
Музыку колоколов
всё сотворял в правиденье Сараджи...
Смог человеческой души, как шар оранжев,
в дробленье ультразвуковых подков
рыдала Русь. И ей не ведома была продажность...

Пройдут столетия. Однажды я проснусь
и соберу рассыпанные птицы-ноты.
И вдруг увижу, как сквозь чащи и болота
Сараджи под венец ведёт Царевну-Русь!
Я с колокольной музыкой сживусь.
Вселенский чистый звук проймёт дремОту,
И возрожденьем русичей взойдёт на счастье квота!
Душой в просторы воспарённые качнусь
с моим народом, под божественной заботой
счастливыми словами захлебнусь:
- Веди, Сараджи, под венец Царевну-Русь!
Скрипичный ключ, озвучь вселенской тайны ноту!

В контр-октаве Шнитке

Тот шлейф в удар завёрнутой улыбки
по чешуе истерики несёшь
и на коняжке детской зверски скачешь...
В разбросанности кукольной ошибки
запнёшься о косяк
и разомкнёшь
слепившиеся в кокон неудачи
и дерзкий мячик за судьбу запнёшь
и кактусом заплатишь
ладошке глупой,
пальцам, слитым в кровь,
за то, что раньше, много раньше, им
совсем-совсем не больно и не гадко
вплывалось в расфасованность глубин
обёрнутой фольгой шоколадки,
томящейся на кукольных губах,
играющих улыбчивым обманом...
А будущее, завернувшись в страх,
фольгой шуршало из беспечности карманов
и сладким шёпотом
в разодранных ушах
вскрывало
половицы панораму...
И ты сидел в углу с медведем рваным
и слушал куклы удаляющийся шаг...
Она всё шла...
Она сквозь годы шла
по чешуе
своей
в удар завёрнутой улыбки...
Запнутым мячиком судьба тебя нашла,
шлейф кукольный разобрала по нитке
и над истерикой слегка приподняла,
пустив коняжку детскую
в аншлаг
контр-октавы Шнитке...

В ночное зеркало воды (отрывок)

Раздвигаю полоумие сирени, а там Сад на воде...

Спрашиваю:

- Как ты цветешь без корней, Сад?

А он отвечает:

- Цвету, потому что не задумываюсь... Да, я, не задумываясь, живу в сне Солнца. Разве не видишь, какая солнечная вода поддерживает головы моих цветов. Ведь это трудно быть всегда навесу.

Раздвигаю полоумие сирени, а Сад, оказывается, растет из ночного зеркала...

СОН СОЛНЦА

...Вдруг зеркало ночное

Откинет сумерек течение,

Подбросит к потолку

Переливающийся мячик,

Засмеется

И скажет:

- Кто здесь утонул в колодце плача?

Ты, мой мальчик?

Мой хороший мальчик,

Пойдем в Сон Солнца!

В ЛУНКАХ НЕВЕСОМОГО САДА

Смотри,

В Сне Солнца

Зеленый ветер

Кружит по лункам воды

Невесомый Сад...

Следы

Ящерок, водомеров,

Паучков-серебрянок и шустрых змеек
Так плавно витают
В висящих корнях...
А солнечные улыбки
Сомкнулись кругами
И дразнят Зеленый ветер...

ТРЕЩИНКА НА ВОДЕ

Когда с наивной радостью
Лисьих хвостов, черепах, ракушек,
Несешься вниз,
В Сон Солнца,
Трещинка на воде оправдывается
За то, что вчера у тебя
Была не детская ночь...

ИЗ ПРИГОРШНИ СОЛНЕЧНОГО ВЕЛИКАНА

...Маленький,
Фейерверк смятенных колючек,
Дворец ракушки раскрошенной,
Штопор Ласточки и Журавлика,
Знаешь,
Как всегда не хватает хорошего
Из пригоршни Солнечного великана,
От зеленого ветра не просыпающегося...

ИГРУШЕЧНОЙ МЕЛЕНКОЙ

Смотри – трасса,
Транс оранжевых муравьев –
По оголенным прожилкам
Листвы истлевающей –
Пройденное ТВОЕ,
Игрушечной меленькой
Изнутри ломающей
Механизмы,
Сверстанные в бытие...

К НОГАМ КУПЕНЫ КУПАЮЩЕЙСЯ

...Ветром зеленым из глаз
Неосторожно не засуши
Всхлипы болотца,
Золотарником вызревающего...

Ночное Солнце
Сейчас
Вплывет в вавилоны души
И пропадет,
И припадет
К ногам Купены купающейся...

КРЫЛЬЯ-ФИСТАШКИ

...Мой мальчик, прислушайся,
Как трогательно и тихо
Растение солнечных нитей
Бутонами слез из тебя вызревает...

Вода, дождевая, слепая,
С сирени
Течет
На оборванный ворот рубашки...

Обиды навзрыд и навзлёт
Мелеют...

Сейчас их этот промокший жучок унесет...
Слышишь, как щелкают
Крылья-фисташки?..

В СТРАНЕ ДОЛГОСВЕЧЕНИЯ

Растворяясь в небесном времени,
Ты не верь,
Что есть горы недостижимые,

Что страну Долгосвечения
Не достать
Из ущелий глубоко-царственных,
Ничего не значащих
Без меня...

Это просто,
Как яблоко снять
С одежды коня,
Солнечный ток на бегу
Перекачивающего...

УДАР КОКОНА

Маленький,
Мальчик мой,
Из трясины разомкнутых лет –
Удар
Кокона,
В стрекозу вызреваемого...

Это всегда больно
Выбрасывать смятые крылья
На жесткий свет,
Первые крылья,
Как арбалет
НЕЗАБЫВАЕМОГО
В Сне Солнца!

Если рвётся душа...

Если рвётся душа...
Если рвётся душа
и небесною сломанной скрепкой
с ускользящим шагом простейшего краешка дня
нам её не скрепить,
поднесите ей шар

из вселенского звёздного слепка!
Отпустите её!
Отпустите её за порывом слепящего ветра
стаей птиц обрывать бесконечность насиженных веток
и в обиженность века
оторванно голосить!

Если рвётся душа,
Если рвётся душа
за окружность пластической скорби
вечно любящих свет, но в параде планет - без огня
Разорвите окружность!
Найдите её в грязной робе
И пустите по шлейфу сквозящих комет
и позвольте обнять!
И позвольте обнять
всю её отрешённость в театре заведомо грубых
лицедейных царей
и затасканно важных цариц,
подарите же ей
деревенские тёплые срубы
сень добротных домов
и призЫвность огней
и приветливость лиц!

Если рвётся душа...
Если рвётся душа
Если рвётся душа из всего, где не видно просвета...
подарю ей в Туманность летящий свой шёлковый шарф!
И подам светом лилий украшенную карету
И задолго до восхода бедовых, дворцовых рассветов
оттолкнусь от Земли
и отправлюсь за ней
не дыша...

Младенческий взгляд на вещи

ИВАН-ЧАЙ

Каждый о чем-нибудь думает:
Старик Иван-Чай —
Чтобы ветром дунуло,
Чтобы в воздухе завертеться,
По свету разлететься
И увидеть в одно мгновение
И вершины деревьев,
И города...
А иначе, кому и когда
Пригодится его 'борода?

ПУГОВИЦЫ

Думают пуговицы
потерянные,
Что с землей они травами
сшиты,
Что привязаны к ней растениями,
И теперь им все время
жить так.
И живут они тайной надеждою,
Что покроют землю
одеждою.

СТЕКЛЫШКО

Глядя на то,
как сосульки бьются,
Думает стеклышко:
- Я когда-нибудь снова
стану блюдцем,
Птичьи клювы, как прежде
В меня уткнутся
И склюют кашу пшеничную,
Всю до донышка...

ПОРОГ

И порог деревенского дома
заброшенного
Тоже думает,
Что когда-нибудь
По нему застучат подошвами,
Подметут его...
И стучат по нему подошвами
Ноги тонкие, дождевые...
Ветер старенький
Осторожно так
Из расщелины
Листья вымел...

МАЛЫШ.

И бежит человечек маленький
Мимо стеклышка, пуговиц,
Старика Иван-Чая.
И совсем не о них думает.
Он их просто не замечает.
Он Вселенной бежит навстречу,
Из контекста жизни
вырванный человечек.

Вымаливаю солнце из огня...

Вымаливаю солнце из огня.
Мой Бог, я - маленькая,
Прости меня!
Крылом малютки- крачки-утки, меченная,
ползу из чьей-то лопнувшей скорлупки дня.
Обрыв скалы. Гнездо. Я не замечена
порывом ветра, что снесёт, кляня...
А завтра будет день,
душой не встреченной,
я - белорыбицей, остатками стенаний, кречетом
ворвусь

во всё, где судьбами не легче нам,
сопротивление заплечное
менять...

Вымаливаю солнце из огня.
Мой Бог,
Я - бесконечно маленькая!
С крыла стервятника сорви меня!
И непонятно бледно-розовым цветком
так просто одари
хоть бабочкой, хоть мотыльком,
ну озари
мою вчерашнюю
уснувшую завалинку...
Завалинка - сакральная.
В ней зреют формулой цветов
души порывы и ветров
и в коконах, заранее неправильных,
так долговязо вызревающие
Нон-Богатыри!
А следом - НЮ и НЯ!

Зов небесной царицы

Лицо завесой солнечных лучей закрыто...
Идёт и тихо раздаёт мгновенья сна
Полянам, неосознанно росой умытым,
Душе скитальца, затерявшейся в лесах,
Да ковшичком серебряным разлитой
По косточкам, по горсточкам
На колдовских часах,
Случайно кем-то на сосне высокой
Затерянных, забытых...
Душе, не взвешенной на временных весах,
В незащищённости пронзительных открыток,
Где вся и всё - летящая весна!

Сон ошарашенно встряхнёт,
Покинувшая веточку синица.

- Куда? - отпустишь следом сердце восклицать.
- Ко мне! -
Откликнется глазам Небесная Царица. -
Ко мне! Рождаться небом! Небом умирать...

К матушке -оберегине

Шёпотом... Солнечными ладошками
Кочки болотца оглаживает
Матушка-Оберегиня,
Свет рассыпая морошковый...
В голубичном семействе - княгиня я,
Птицу приветила - россыпь горошковая,
Перья тугие...
Ворон-князь
Охаживает меня ручейками-дорожками
Да поглядывает на служанок моих
В пёрышках заполошенных,
Да выманивает птицу мою
С окольцованной ножкою...
А я всё прошу:
- Матушка Оберегиня,
Помоги среди дня заполошного,
Помоги, помоги, помоги мне
Сбросить наволочь
Голубичной княгини!
И оставь мне птицу мою хорошую,
Князя-ворона
Отведи подальше, к слепящей рябине...
С одолень-травой помоги побороться,
Заглянуть в колоденную тьму колодца,
Вынуть из глубины собственное своё имя
И пройти босиком по солнцу!
Помоги, Помоги! Помоги мне!
Жизнь людская пускай к нам вернётся,
Ворон-князь в человеческой жизни очнётся,
Тальниковый прутик маятником качнётся...
Птица в горошину зёрнышки поклюёт на солнце -

На руках моих ангелочком проснётся...
Терем выстроим на месте кочки морошковой
И судьбу свою заново выстроим...
Выпадая птенцами из прошлого,
Крылами обнявшись,
В Настоящем
Выстоим!

Звездю Бетельгейзе

И всякий раз,
когда шагреневою кожей
сожмётся сердце...
И всякий раз,
когда звезде, так на тебя похожей,
вдруг станет просто некуда упасть,
Душа над горным эдельвейсом
крылья сложит...
Найди её!
И научи взлететь! И не пропАсть!

Пусть мир земных матрёшек обезумит!
В витринах манекены обомрут!
Тебе лишь Бетельгейзе
посылает зуммер -
звезда над эдельвейсом...
Из небесного раздумья
всплывёт.
Коснётся сердца взрывом многолунья -
от пропасти
лучами отведёт...

И Солнце Вакханки...

... И снова хочется - про снег!
Про ель,
растрёпанную солнцем!
Мой скульптор постарел
и разомлел от нег...

Вакханка с маками уже над ним смеётся.
И в деревянном сердце -
молоточками - ручьи.
Бьёт сединой в мозги
раздутая киянка.
- Вакханка! -
он безумствуя кричит,
в горсти сжимая горечность гулянки.
- Вакханка!
Всё возьми! -
в ответ - речитатив
стамески по Любашкиной полянке.
И в пирамидках любок просека скворчит,
так ломко, фиолетово и манко
её фигуркой незаконченной молчит
в углу незавершённости Вакханка...
Ушла, древесный выставя щит
прострелам нитей в жилах перебитых,
так огрубело напоззли грачи
на выпраст рук, дождём серебряно разлитых...
Крестом!
Из украшений бисерных пластом,
из диадемы - на потом
волшебным жемчугом- в простом...
в её счастливой киноленте день за днём
сияние влюблённости расшито...

Так было.
А теперь Вакханка в темноте...
В памятном углу и в отвороте спальни.
Не те цветы, совсем-совсем не те
он по углам души своей расставил.
Вакханки взяли всё и унеслись.
Останком молодость в его висках звенела.
Он сладострастье принимал за высь
в благоуханиях чужого тела...
Часы, минуты - зло переплелись...
Стамеску бросил, и киянка отгремела.
Он плакал в дерево:

- Не серебрись и не лоснись!
Я прЕдал! ПрЕдал! Что же ты хотела?
Девицей из молочного отдела
хотел забить на творческую жизнь...

Так он хотел.
А я хочу про снег,
про творческий порыв на утреннем оконце,
про пирамидки любок по весне,
Вакханку с маками, которая над ним смеётся.
Был другом мне.
Теперь на старом зимнем пне
я расстилаю истлевающее солнце...

Маленькая! Прости...

... жизнь, затёртая до уголочка,
сжатая в мёрзлой горсти...
Как-то беспомощны дни и ночи...
Мёртвая бабочка
на осеннем листочке...
Маленькая!
Прости...

Импрессио непонятых картин

... В пространстве искривлённом, жарко-пряном,
я одинокость Солнца ворошу
тончайшим стебельком из ясноткового тимьяна,
в пластичность круга
веер лепестков крошу...
Крошу листочки мяты,
сны болиголова,
взвесь замутнённого тумана...
У Солнца в одинокой заводи прошу.
Прошу, крошу и снова:
- Создай! - я Солнце с поволокою прошу. -
Создай мне отраженье Великана!
Из одинокости своей создай волшебный шум!

Ну, хоть кругами на воде!
Ну, хоть сомкнувшимися берегами,
Ну, хоть обломками лучей на сломанной волне!
Я буду одарять тебя легчайшими кругами -
то пёрышком по тишине,
а то корабликом из оригами,
ты просто вспыхни искоркой живой во мне!
Ты просто покажи
шаг на воде,
на сброшенной волне,
шаг великаний!
Тимьян из яснотКОвой ткани,
в руке моих желаний не дрожи!
Я за реальность принимаю миражи
на жарко-прянном, покаянном преддыханье!

Я одинокость Солнца ворошу
годами, крОшевами подвенечных перьев
упавших или утонувших птиц...
и водомерками, создавшими маршрут
в кругах неверья,
в стайке пыли от взлетевших колесниц
просить спешу:
- Создай мне образ великана из неведомых материй! -

Лучилось Солнце из опущенных ресниц...
Тимьян глушил разбитое на вОлнышки доверье...
И не взлетал никто. Никто не падал ниц.
И Великан гулял по диким прериям
под фейерверком разыгравшихся зарниц,
где воспарённостью глазниц
вбирали водный мир
непознанные звери.

В кругах, в пластичности воды
уже исчезла одинокость солнца.
Костёр пускает по судьбе прохладный дым,
а из неведомой, холодной глубины, где воздух нелюдим,
растерянной рыбёшкой

сердце нарождающихся льдин,
как и моё,
как в шапочке вечерней тмин,
о рёбра берегов
прогоркло бьётся...
Верю!

Люблю импрессию непонятых картин!

Ворожея Мария Икаса

Ворожея Мария Икаса,
Под рукой длинношея лама,
В полупущенных веках — дрёма.
Лишь чужое откроется ясно,
Только будущее прельщает,
Лишь неведомое прекрасно.

Горбунам, ведунам и гномам
Все отпущено в полной мере.
Три валета, пикет. Ах, манилья!
Этот дивный расклад и туманность
Предсказать тебя за сто милей,
Будто вырвать живым из поверий,
Чтоб душа за тобою бежала.

Три валета, пикет. Ах, манилья!
Ворожея Мария Икаса. . .
Обмани меня, обмани меня!
Ну, скажи, что не сгинул, не канул,
Что идёт в человеческом роде
И что ищет в глазах прихожанок,
Средь небесных цариц и юродивых,
Только синие, только сильные,
Только мной и со мной воссозданные.
Ну, скажи, что с Палладой Афиною
Не сидит в старом парке
под звездами.
Ну, скажи, что он где-то вращается,

Ну, скажи, что он вечно в движении
По земным миражам, и когда-нибудь,
На последней фазе, отчаявшись,
Вдруг услышит мое притяжение.

Ворожея Мария Икаса,
Отверни свои карты и просто
Ощути мое небо пальцами;
Расскажи, как душой возрос ОН,
Расскажи, как в своём скитальчестве
Он познал сиротство отливов;
Что земля его предварила
Заклинаньем своих напутствий.
Только, милая, не говори мне,
Что вода его не отпустит,
Только, милая, не говори мне,
Что в былом королевстве крабов
Спит в кораллах, как тайна незримая,
Затонувший один корабль.

Ворожея Мария Икаса,
Если будущее всего лишь — БЫЛО,
Есть ли смысл в поисках красок,
Чтобы дивное,
Вечное,
Сильное
Через смерть свою заговорило?

Мой блуждающий сад

... Мой сад из детства,
Всё идёшь за мной незримо,
Раскинув ветви и залиvisto смеясь
то золотым ранетом, то малинником и сливой,
Китайской райкой - королевой, примой
Среди расплыва белого налива
Прозрачной розоватостью искрясь...
Заглядываешь в жизнь мою из-за стены белённой
И спрашиваешь:

-Как же ты сейчас?
Моя садовница и королевская гулёна
Прогуливаешь каждый день и час?
Печёшь ли пирожки с паслёном?
Балуешься ль с крыжовником зелёным?
А терпкость тёрна с кожицею запылённой
По-прежнему притягивает глаз? -

Как я скажу ему:
- в разрухе королевство! -
Как я признаюсь:
- в радиусе стрел
остался ты один. Один идёшь за мной из детства...
И нет китайских раек по соседству,
А куст терновника в дороге облетел...
Как прокричу ему:
-Возьми меня обратно,
В твой массахан ночной, в стрекочущую тень!
Я в городе по имени Безбратный!
В пути с одним названьем - Невозвратный!
Нет джигиды, упавшей на плетень!
Нет маленькой меня на шиферных листах
Среди сушёных вишен...
Нет лестницы серебряной к твоим плодам,
Свисающим над крышей,
Нет лестницы к восторженным годам
И к облакам в твоих цветущих кронах...
Мой сад, любимый мой!
Под солнечной короной
я вижу абрис твой за небом отдалённым.
Там и сейчас гуляю за руку с тобой...

В сон уходя, я слышу,
Сад мой в сокрушение шепчет:
- Росла, цвела, а вызрела в беду...
Ну, ничего, по-прежнему, держи меня за руку и покрепче
Держись меня!
Держись и вот увидишь, станет легче.
Я золото ветвей спущу тебе на плечи

И детство вечное за облаком найду!
И спелым яблоком доверчиво-доверчиво
в твою ладонь, как в вечность,
упаду...

Этот фаянсовый жёлтой лучистости кот

... Этот фаянсовый желтой лучистости кот
Входит в фаянсовый
желтой лучистости сад.
И, как ни странно, средь блага парящих цветов,
Где ожерелья фонтанов
в отдушину неба летят,
Видит всего лишь отбитую лапу у льва,
В мраморной глыбе страдательно замкнутый
взгляд,
И как в разорванность встряла живая трава,
И как изысканно стебли на мраморе спят...

... Этот фаянсовый желтой лучистости кот
Входит в фаянсовый
желтой лучистости сад
И припадает к прожилкам, где небо
течет,
Где сиротливо откинута вверх голова,
В месте отрыва зализывает восход,
Лапу зализывает
мраморной вечности льва..

.. Этот фаянсовый желтой лучистости кот
Входит в фаянсовый
желтой лучистости сад.
Мраморный лев -
над осколками лапы в цветах
слезы прольет.
Слезы прольет.
Молнии сонных фонтанов в подглазьях заломанно спят.
Лапой расколотой
можно ль водою плеснуть?

Можно ль водою плеснуть на запекшийся в вечности рот?..
Вот и подходит к нему раззолоченный кот...
Лапу залижет у мраморной светлости льва,
Жилку восхода фаянсовым боком потрет. -
Светом
зальется фаянсовый ласковый сад,
Желтой лучистостью
в львиных глазах оживет...

ПОСЛУШАЙ!

Ничто не бывает ни меньше, ни больше...
В высоких гнездовьях над океаном
Крик Ворона горше...
Крик Голубя тоньше.
- А я тебя - НЕБОМ!
- А я тебя - ХРАМОМ
В сиянье воздушном без лестниц на берег!
- А я тебя - СЛОВОМ,
В которое верят...
- А я тебя СОЛНЦЕМ!
Как в пламени рваном,
Сверкая браслетами в гром океана,
Стихийно ворвусь обжигать твою душу...

Крик Ворона горше...
Крик Голубя глуше...
Два крика волнами уносит на сушу
Грядой, кораблями... Послушай...
Послушай!.

Горняя Затворница

...В друзьях теперь -
по окнам ветки-скрипачи,
притвор лица и звёзд трескучих звонница...
Всё ищет след у льдистого крыльца

дворецкого, забывшего ключи,
ключи за небом скрытого дворца,
с орехом грецким
светская
Затворница...

И визг по стёклам -
ветки-скрипачи
играют жизнь листа, прогорклую, промоклую...
Ложатся горкой у порога кирпичи,
скрипичные ключи за горкой нотною...
И след дворецкого
за наледью трещит...
В дворцы заоблачные мчится Света конница...
Душа сверчком тревожно верещит...
Но всем навстречу выставляет щит
лицо своё забывшая
Затворница...

Смычки бросают ветки-скрипачи.
И - в ноль крыльцо!
И лёд заплечно ломится...
Среди пустот ищи себя, ищи!
Среди высот
шепчи себе, шепчи!
И в минесоты неба сбрасывай ключи!
Жемчужиной за створками молчи -
дворцом в песке,
ледышкой-заоконницей!
И пусть дворецкий древностью скворчит,
Орехом грецким в душу град стучит,
сожмёт ладони ветер без причин,
а ты молчи -
деля скрипичные ключи,
высот забытых,
горняя
Затворница!

СОН О ДОЖДЕВЫХ ЧЕРВЯХ

1. День в примерочной

Кольца северного сиянья
На себя примеряют
Дождевые черви.
Ибо
Уничтожение - паче гордости.
Чем их бледно-прозрачное
Утонченное тело
Не достойно светящихся обручей?

Ну, а кто же еще осмелится
Тлен земной беспрестанно рыхлить
Кольцами северного сиянья?
Пусть земля изнутри светится,
Переполненная червями!
Так что ли?

2. День у зеркала

У зеркала
В колодине лесной
Серебряно-спокойной
Червь с отражением, с самим собой,
Как с миром, говорил:
- А что я есть такое?
Обычный червь?
Или прекрасное земное
Творенье?
Червь земляной творит прекрасное земное!
Дарю я землю перегну,
Дыхание корням.
По значимости я - сродни деревьям...
Я, значит, Царь земной...
Я - Царь дождей!
Властитель неба. Тать!
Сияющие кольца мне под стать!

И, если зеркало немного подлатать,
Какое царское в нем будет отраженье
Червя!
А мысли - это бред.
А солнце - это вздор!
Цветы? - какая глупость,
Болтаются все время на виду
И никогда не просятся под землю,
Живут в пустейшем солнечном бреду,
То в усыхании, то
в просветленье...
Им Бог подаст и воду, и еду...
Ну, ничего.
Я и до них дойду!

3. День цветочный

Здесь, на сонной поляне,
Цветы поливают бальзамом.
Говорят, недостаточно сладок
Их естественный запах.
Здесь, на сонной поляне,
Над каждым цветком по лупе
Червь земляной держит,
Чтобы огромное виделось

Величиною в скорлупку
Лесного ореха.
Чтобы выделились
Скрываемые изъяны
И стало невидимым все остальное
Большое.
Вот в лупу вместилась тычинка одна
С ноготок.
Спишите! Она не нужна:
В негодность пришел цветок.

4. День лиственный

...Я ходила и примеряла листья
И ничем не светилась
На этой дождливой дороге.
И ничего у меня не было.
Рубаха ночная из листьев серебряных
С оборками из палевых листьев
И глеевых горизонтов.
Был из охры осиновой зонтик
От дождя из рассыпанных в небе
Кистей рябиновых.
Был флакончик духов
Из клейкой листвы тополиной
Тополиных смолящихся почек...
И совсем незнакомый листочек
Я с земли подняла,
На нем ночевал
Червь дождевой,
Свернувшись в горящий комочек.
Я его за звезду приняла,
За искорку от летящей кометы.
Здесь, в осеннем саду,
Кометы летали без отдыха,
Как прозрачно-зеленые рыбы,
Или выжившие из ума фейерверки,
Или оторванное от птиц оперенье...

Я червю дождевому сказала:
-Не хочешь вернуться
К улетевшим своим кометам,
В фейерверках уснувшим рыбам
С оперением на хребтах?-
Он сказал, что он - Царь дождей.
Их полно на земле.
И ему улетать ни к чему
От проложенных спутанных длинных ходов,
Там, где тоже есть он -

Царь сиянья, царь листьев.
И что в этом саду
Мы в замкнутой лунке впишемся
Совместным свечением мысли.

5. День смещения

Червь с ладони моей спрыгнул,
Стал высоким и стройным.
Что-то вроде серебряной рыбы
В полосатой короне
Из крапинок ила...
Он сказал, что давно уже было
Нам из радуг знаменье
И пора уходить в голубую пещеру
Под проталинку в центре дороги.
Он изящен, как струйка дождя, длинноногий.
Я не видела, как уменьшаюсь
До червивого лаза, подземного хода
Отверстием в ёлочную конфетинку.
Он воскликнул таинственно:
- Ползай!
Он воскликнул:
- Светись под землею!
Чтобы всякие там столбы шагающие
Или окна каменных тварей
На тебя не смотрели загадочно,
Задумчиво разгрызая травинку.
Чтобы землю тайком за тобой не топтали.
Лучше меркни
Под светом его тонкоструйного лика,
Величества в ярком сиянье -
Червя дождевого.

6. День пещерный

Отчего я дрожала?
Глаза затворялись глиною,

Руки кольцами обвивали
Мое напружиненное
Проволочное тело.
Ноги стали единым колец продолженьем...
Мой взгляд заслонила пещера -
Колеса воды
На осклизлых камнях многоножатся.
Глядят на меня многоножек
Копченые стекла
Без признака глаз.
Они мутят воду пещерную
С утра и до ночи.
И кричат, что во всем этом -
Предвосхищение
Творческих домыслов.
И какой-то рачок-бокоплав
Превращается в глыбу гигантскую
И включает протезы-глаза
Ослепительных красок!
Превращаются в горы ежей
Камни с копьями сталактитов.
Все кричат на меня:
- Уходи ты!
Не толкись <очервивленной негляже>!
Я рыдала:
- Червива! Паденье!-
Червь какие-то песни писал
О высоком земном восхожденье.

7. День невероятный

Все душило меня.
Хоть какой-нибудь солнечный звук!
Сырость, прыгая, горло тушила...
Я бы руки в тот миг на себя наложила,
Только не было рук.
Я, безумствуя, ноги просила:
- Унесите к земле,
Чисто-чисто взглянуть на листок...

Знаю, ноги меня унесли бы,
Только не было ног.
Я без памяти свету молилась...
Вдруг случилось - в пещере испуг.
Стая листьев, как сто альпинистов, спустилась
В заколдованный круг.
По экранам камней поплыло:
Золотое весло, в лепестках помело,
Солнце, вихри и в горсточке звук...
Многоножки вопили, что все это - ложь!
Стаю листьев не видят они,
И вообще, листопад на, себя не похож,
И вообще, существуют ли дни?
А рачок-бокоплав без умолку твердил,
Все по камню твердил:
-Вот те раз!
Я всегда говорил,
Я всегда говорил -
На земле - никого, кроме нас!
И мой червь, так светло породненный со злом,
Молчаливо на кольца примерил излом,
Завязался зачем-то узлом,
И на центр Земли пополз,
Где за толщею эр и слоев
Он покажет сиянье свое,
Где единственным будет носителем светлых частиц.
Он оставил меня, как отжившего жизнь червя.
А под сводом Пещеры, легко шелестя,
Плыли листья в рябинках живого дождя.
Даже туча в пещеру вползла, как цветок,
Гордо в камень всадив световой стебелек
Озарённо танцующей молнии.

Черви, мошки, улитки...
Да что мне они!
Лучше глиною мозг забивать,
Чем слова их не забывать.

8. День памяти земли

Я прошита травой.

Глядя в хрусткие льдинки - окна подземные,

Переходит в меня с середины Земли

Извержение.

Многоножки - плевки от сгущенных огней,

Словно семечки, в море кипящем посеяны,

Жгучий каменный суп

Варят реки подземные.

Извержение! Извержение!

Бокоплавы-рачки, ковыряясь в скалистом носу,

Все гремят убеждениями...

И сама мокрота в непрерывном скольжении

Говорит о высоком земном продвижении,

Только в центре Земли

Червь дождевой царство хранит,

Чтоб однажды живым в сад свой вползти, выйти!

Прогудев изверженьем земным,

Стать героем событий!

9. День-пауза

Тихо,

Окна подземные ватой забило.

Лихорадка на поле шалфеевом

Тело мое дробила.

А потом ублажала снегом -

Вечно холодной, но страшно красивой паузой...

Все старалась я землю голую

Засадить в горящую голову.

Только где там!

И слава Богу!

Сквозь долгую паузу я видела Землю прежней,

Еще до царства червей.

Слава Богу!

Цветы поливались дождем, не бальзамами:

Запах естественен.

Слава Богу!

Все лупы сломались да покрылись плесенью...

Слава Богу!
Земля изнутри не сияет червями...

Только, чур!
Посмотри!
Жук навозный под шум и под крик
Примеряет с особым старанием
Кольца северного сиянья
На усы.
Закричи! Отбери!
Я в движении - камень.
Я в голосе - скрип.
Камень и скрип и на поле шалфеевом.
И еще есть клочок маломальской земли моей,
Занятой тенью.
В полдень он уменьшается,
На закате растет.
Вот и все.

10. Свершение

Но нет. Не все.
Разверзся океан.
Гигантская труба, надменно извиваясь,
Вдруг вывалилась,
Смяв траву, деревья, берег,
И все узнали - ЧЕРВЬ!
Как вырос! Как высок!
Насытился землею...
Земля, сжимаясь в крохотный клубок,
Была готова
Рассыпаться от силы
Поевшего ее червя.
Сухая пыль внутри земли бесилась:
- Хотя бы капельку дождя!..
Земля, в пыли метаясь, засыхала,
Земля Червя кричала:
- На-по-и!
Труба давила землю, наслаждаясь:

- Я - Царь!
И все дожди - Мои!

Прощальное Виденье...

... Болиголов, бессмертник, чабреца чепец,
чертополоха вздох пирамидальный...
Мой золотарник - иллюзорности венец...
И где-то рядом, рядом, наконец,
пушицею крадётся дух сакральный.
Я в нём текучесть мыслей узнаю,
мышей летучих магнетическую стаю...
Творец!
Не представляешь, как люблю,
мелодию твою, что на краю
высотных скал под вечер замирает.
Рубахи графской кружевные рукава
и абрисы усадьбы с небом слиты...
Здесь снами дышат камни и трава...
Здесь луны, как гигантские софиты...
И прозорливо движется листва
в слова - кувшинками по озеру разлиты...
Синицею кружился мой удел,
В кусте смородном - золотым сеченьем,
я птичьим клювом тронула предел
необъяснимого тягучего влечения
к паденью дробному на истечение тел
и сна болиголовного, в прочтении...
Пусть кружевные рукава - не мой удел,
но граф, скалы хозяин захотел,
чтоб я листком кувшинки, звёздочкой почтения,
хозяйкою озёр, царицею волны
вдруг оживила ожерелье тишины,
в котором грезилось ему сквозь сны
моё астральное, на отзвуке струны,
в возникновении
прощальное
Виденье...

ЛАРИСА ЛОСЬ

1. Откроет время миг
2. Мгновенных жизней тёплые дожди...
3. К вратам времён спасительный ковчег
4. Нет белых пятен у любви.
5. Отец – Вселенский Разум.
6. Миг общих истин разных измерений
7. Привередливо время над веером снов
8. Вуально-облачная паперть
9. Биения сердец заплачут, позовут
10. Теперь, когда мне хочется летать
11. Печалей моль съедает нам сердца
12. Какой ты всё-таки смешной
13. Как тьма и свет, так страх и вера
14. Подарком - ночь несметных звёзд
15. Легко уплыть за солнечным лучом
16. От лета к лету всё короче
17. Бархат для осени чувственно соткан
18. Сбежала веточка сирени
19. Остров гранитный тоскует над морем
20. Есть камень чёрный, серебрист
21. Творить миры и оживать в мечтах
22. Мы были...
23. Мы все – проекции?
24. В огонь смотреть люблю поныне
25. Давай помолимся не за себя,
26. Вы никогда не смотрите на небо?

*Милая, верная, от века Суженая,
Чистый цветок миндаля,
Божьим дыханьем к любви разбуженная,
Радость моя — Земля!
Зинаида Гиппиус*

Откроет время миг,
Где стрелки совпадут,
Где за крестом возник
Неведомый редут:

Дом — зАмок, ночь — кино.
Дух, — мельник на пруду,
Метёт от жерновов
Всех жизней череду.

Дым застит очи мне,
И с искрами костра
Из праха на огне
Взойдёт заря с утра

И шестерни планет,
Как пальцы на смычке,
Миллениумы лет —
Колечки на руке.

Созвездия гирлянд
Просроченных миров
Петардами палят
Над чёрною дырой,

Рождая новый круг -
На радость и печаль,
Натягивая лук
Со стрелами начал...

Мгновенных жизней тёплые дожди...

И в каждой капле скрыты мегатонны
Любви,
Чтоб нас из праха вновь взрастить
В ладонях ласковой святой мадонны...
Круги от капель... музыки времён...
Сплетенье рук, -
 как вечность
 воскресенья...

Холмы забвенья... тождества имён...
И Дух один – для общего спасенья.
Дождём и светом.
Солнечным теплом.
Полётом стай.
Закатом и рассветом. –
Крещёные таинственным огнём,
Сольёмся в Боге.
Многие нам лета!
Вот так.
Сегодня.
С Ним. О Нём. И – в Нём.
Свеча. Молитва.
Стало храмом тело.
Душа,
Как зеркало туманясь, не успела
Себя увидеть
Будущей в былом,
Куда отправить упросить хотела...

К вратам времён спасительный ковчег

С реки, несущей жизнь по перекатам,
Спешит, бесстрашно ускоряя бег
На стрежне одиночества закатном...
Листочек смятый... близкой нет руки, –
Ладонь подставить на пути к оврагу,
Беги, беги, бумажный, от тоски
Туда, где все кораблики полягут...

Неси, неси обрывки парусов, –
Рассветной птицы розовые перья,
Над тенью мачты солнечных часов
Растай в зените, в будущее веря
И в притяжение звёздных полюсов...

Нет белых пятен у любви.

Она – объём,
Она – пространство,
Она – закон
И постоянство,
Космическое визави.

Она-
Исток полей
И тверди,
Причина следствий
Всех причин.
К наукам –
Тайные ключи
Всех вдохновений
Круговерти.

Она зовёт, ведёт
И губит,
И воскрешает, и казнит.
Она и – лазер,
И – гранит,
Что было,
Есть,
И то, что будет.

Всё – от энергии любви! –
Любви,
Чей подвиг долог, труден,
Пока нас сделает людьми.

Отец – Вселенский Разум.

И наша Мать – Вселенская Любовь, –
Из жизней прошлых складывают пазлы,
Собою омывая нашу кровь...
Вселенная внутри рождается не сразу.
И Чело-Век её нести готов,
Свет Сердца излучая гранями алмаза.

Миг общих истин разных измерений...

СлабО смотреть
Мирам –
Глаза –
В
Глаза?!
Уйдёт в разряд, как первая гроза,
Душа, когда в любви, как плод, созреет
Паденьем дробным капля благодати...
Костров дымы, – чтоб снова падал
Свет
Цветением живых невиданных планет...
За жизнью жизнь, – как маленькое
Платье, –
С витками сари
И –
Вселенский шлейф
Взлетит в огнях, очерчивая шельф,
Открыв замки, замкнув на миг объятья
Вокруг дождей и хлада белых вьюг,
Вокруг не-до...
На новый, высший, круг
Не-
До-
Любви вселенского проклятья...
И порох, –
Бисер россыпи наитий,
Возносит шурф окна до самых звёзд,
Туда...туда, где все мечты – всерьёз
И –

Обещания в сиянье солнца слиты...
И все замки одним ключом открыты:
Там снова – лето... море... мокрый плёс...
И предо мной мольберт и чистый холст
В проёме линий будущих событий...

Привередливо время над веером снов...
Живописец прощально лессирует дали,
Отпивая по капле печали вино,
И пульсаром вращает сердечко мандалы.
Поскользнулась на боли...
Очнулась, –
Жива!
С удивлением смотришь на шрамы от кисти:
Эпилог?
Или –
Первая это глава, –
Где молитвенный шёпот любви –
бескорыстен?
Поверяя себя силой Скарлетт и Фай,
Между Фата-Морганой и храброй Алисой,
Воскресает от шёпота: –
«не угасай!»
Растревоженным пульсом биения мысли:
Радость жизни Матисса – простая, как хлеб.
И везенье, и счастье, –
обнимку с печалью,
Возвращаются вместе напомнить тебе, –
Начинается завтра, –
и смерть, и начало.

Вуально-облачная паперть,
Где осень в сумраке дрожит.
Как этот мрачный день
Абстрактен,
Как перечёркивает
Жизнь...

Умолкли все былые страсти
В тумане сонной тишины
Осенне-сладкой терпкой масти
Мартини с привкусом вины.

Луны – летящие просветы,
В них жадность серых туч крадёт
Созвездия – кабриолеты,
И гаснет соло светлых нот.....

И пусть зальётся сердце болью,
И уплывёт
Рекой тоски –
По безоглядному приволью –
Осколком зеркала с руки,
Туда, где дни, как сны цветные,
Туда, где ночи горячи,
Где полынья любви не стынет,
Полынным вкусом не горчит...

Биения сердец заплачут, позовут,
И волны сфер умножат эти звуки.
Порой они, не ведомы науке, –
Эмпатий руки,
 держат наплаву...
И от меня к тебе дожди идут,
В стекло стучат,
 качая лики,
 розы,
И звёзды, сея синий сон в саду,
Крылом Персея греют наши гнёзда
Для самых сладких, самых грустных грёз.
Подставь холсты цветам из всех галактик!
И пусть рисует сердце всё всерьёз:
Господь – стратег,
 но бросил
 жизнь
 на карту...

Когда весь космос струнами прошит,
Смычок – пульсар, сжигающий нам вены
Желаньем жадным жить

и жить,

и жить,

Не умещаясь в собственные тени, –
Услышать Бога так, как слышит Бах!
Или Ван Гог, при жизни этой – нищий.
Они живут на вечных островах,
Я без тебя, –
как печь на пепелище...

Теперь,

Когда мне хочется летать,
На мир смотрю с высокого балкона,
Излишек чувствую прозрачного озона,
Вдыхаю сигаретный дым.
Теперь могу мечтать,
И пепел –
В розовый застывший зев ракушки...
Люблю тебя, балкон,
Как море и прибой,
Как неба высоту.
Спасаясь я тобой,
Забыв про мягкий деспотизм подушки.....
И на моём балконе – вновь зима...
Кружится снег,
Вокруг белеют крыши,
И голубь прячется, ища сухую нишу,
Вороны обживают дом – седой платан.
А снег идёт,
Струится где-то дым,
Жакет намок, я складываю крылья...
Я прежним – тут, когда-то молодым,
Но выйти на балкон – немалое усилие....
И снова будет ждать любимый мой балкон.
А я - его.
Нам, право, - нелегко...

Какой ты всё-таки смешной,
.....большой малыш!
Какая я –
.....наивная и глупая девчонка!
Зачем рисуешь мне ромашки,
.....выше крыш,
Ночами врёшь
.....и веришь увлечённо,
Что ты в лесах –
.....заядлый следопыт,
Что небо плавает
.....под нашими ногами,
Осыпав утром травы
.....жемчугами...
Что можно из цветка
.....их утром пить.
И если в росах
.....искупаемся нагими,
Венки ромашек заплетём -
.....с твоих картин,
То станем мы с тобой
.....совсем другими:
Как эльфы
.....над цветами полетим...
.....
.....
Теперь мы – гномы!
.....Не такие, как другие!
И скрипка с флейтой только
.....знают наш язык,
И нотки в нём,
.....как бусинки тугие,
Что катятся
.....в родник
.....моей
.....слезы...

Как тьма и свет,

Так страх и вера
Теснят пустоты и углы
Тюремной душной атмосферы,
Где жизнь – на кончике иглы.

Колите дырочки под серьги.
Буравьте форточки до звёзд.
В себя, как в будущее, верьте,
Горя – до кончиков волос!

И – будь, что будет!
Бога ради!
И над обрывом конь хрипит
Пегасом –
Над бескрыльем стада,
Летит огонь из-под копыт!

Подарком - ночь

несметных

звёзд,

Как нежный плен из ожерелья,
Когда, ступив на лунный мост,
Весь мир украл.
Украл и

веришь:

Сегодня. Здесь. И –

навсегда

Господь венчал нагие души.
И можно жизнь

за ночь

отдать,

Чтоб эту сказку не разрушить...

Легко уплыть за солнечным лучом,
Прикрыв ладонью лунный диск упруго,
И вольный ветер чувствовать плечом,
Танцуя под финал органной фуги,

С разбега оттолкнуться от скалы,
Закрыв глаза, бесстрашно разминуться,
Узнать, что так все космосы малы,
Что не вместят воспрянувшие чувства,

И смотрим мы с тобой со стороны,
И мелки нам галактики вселенной,
В сравнении с нами так они юны!
И мы творим гармонию мгновенно,

Когда мы – центр, и брызги vis a vis –
Сияющие расплавленные солнца,
И можем мы весь мир благословить,
Давая свет, что Богом назовётся.

Пусть этот мир научится любви!

От лета к лету всё короче

И тем дороже нежность лет,
Привыкнуть сердце не захочет
Жить без любви. И тёплый свет

Душа упрячет внутрь лучинкой,
Лампадкой, угольком я – гори!
Живым зародышем-личинкой,
Что чудом расцветёт внутри,

Когда вернётся луч весенний,
Жар солнечный вольётся в кровь,
Вулканом вспыхнет вдохновенье,
Растает ледяной покров,

И возгорится жажда жизни,

Пока ты дышишь, ты – влюблѐн
В мир переменчивый, капризный,
Быть может, явь, быть может, сон....

Бархат для осени чувственно соткан:

Шарф –

паутинка,

и лиф –

из парчи,

В росписи брошей рябин одиноких

Красное лето прощально горчит...

Осенью щедрой из бабьего лета –

Каждому в дар -

доброты туюсок...

Солнце с подушкой –

малиновым цветом -

Кануло в море, забыв поясок...

Катятся по небу звёздные конницы,

Факелы жгут,

над землёй разбросав,

Точно желания те, что исполнятся,

В небе родятся, как божья роса.

Ах вы,

Желания,

с грустью осеннею! -

Слёзы – сквозь радость,

как дождик грибной...

Надо успеть загадать настроение,

Чтобы желал ты со мной заодно...

Сбежала веточка сирени,

Вдохнула ветра,

Ожила,

Стряхнула брызги волн с коленей,

Рассыпав пряди.

Два крыла,

Как рукава на бальном платье,

Батист –
 сиреневый туман,
И парус манит...

Блеск глазам
Придал венчальный луч закатный;
И сорванец –
 весёлый ветер –
На руки поднял и унёс...

Когда очнулась на рассвете:
С ней только –
 море и утёс...

Остров гранитный тоскует над морем,
Многие лета стоит, одинок,
С ветрами дерзкими стойкостью споря,
Преданный зорьке, глядит на восток.

Частыми бурями бесится небо,
Низкие тучи скрывают зарю
Ветры с утёсом играют свирепю,
Словно ему панихиду поют,

Крепкий утёс, закалённый в невзгодах,
Тянется к выси седой головой,
Ждёт, когда сжалится небо, и звёзды
Встречу подарят с красою живой

Солнечный вечер закатом из радуг
Море смирит, защищая утёс,
Буря уймётся...ночная прохлада
Ляжет к подножью, как преданный пёс....

В недрах гранита забьётся мятежно
Сердце, сжигаемо голодом чувств,
Утром заря, осторожно и нежно
Лучиком тёплым приляжет к плечу...

Есть камень чёрный, серебрист.

И Зодиака в небе - знаки.

И через сердце —

в мозг —

атаки,

Что пишут символы на лист.

Меняет мысль объём и вид...

То демоны, то ангелы, то люди...

И всё — затем, чтобы явить

Значение того, что с нами будет...

Творить миры и оживать в мечтах —

Среди зимы умчаться снова в лето,

Увидеть кисти на сиреневых кустах

И сбросить с ног на пляже пантолеты,

В саду слышать соловьиный свист,

И пригласить к костру цыганский табор,

И жизнь открыть, как будто чистый лист,

Позвать свою любовь с небес обратно.

Пусть — то же море, тот же небосклон,

И тот же сад, и дом, и — маленькие дети,

Любимый пёс...Мой бывший Авалон,

Мой остров жизни, затонувший где-то...

Земному счастью - неземной поклон!

Мы были...

Мы есть...

Мы когда-нибудь будем...

Главное то, что мы любим и помним

Все идеалы, заветы, каноны

В золоте вечном — нетленные руны, -

Крепкие корни ветвящейся кроны...

После, но -
Здесь,
На могилах нас, прежних,
Мы именами своими былыми
Миру напомним, как позывными,-
Мы – неизменные, там же и те же, -
В мудрых сединах космической пыли...

Солью земли
Становясь,
Мы взлетали
И не считали парсеки и мили,
Не предавали и - не забыли,
Время меняя, собой оставались,
И знали причину: - мы крепко любили.

Память бунтует...
Крест и сияние...
Лебедь и ковш, и двуглавый орёл...
Гербы для замков, наш код и пароль,
Знаки на память для неугасания...
Если уйдём, то мне первой позволь...

Мы все – проекции? Но чьи же,
Коль верим в Воланда и в Бога
И платим днями наших жизней
Исправно - общие налоги?!

Горят пульсары вдохновений.
Миры вращаются, как сцена.
Сердечный ток прикосновений,
Как шоковая панацея –

Вернутся рыцари с пажами,
Инспектор – справедливый Воланд.
Найдутся вечные скрижали
В пожарах чумного застолья.

На нитях бус тысячелетий
Мельчатся в бисер камни-чётки.
Лишь мастер, в шапочке надетой, –
Бессмертен во вселенских сводах.

Цивилизации остынут,
И оси сменят направление, –
Не склонят перед тьмою спину
Алмазы- Флойды просветленья.

В цепи подвижников-пророков
Всегда есть место для живущих, –
Кресты. Костры – для одиноких
Орфеев, - о любви поющих.

Всегда есть место Маргаритам,
Лелеющим в ладонях ветер,
Вздымающий огонь, сокрытый
В возлюбленном её поэте.....

В огонь смотреть люблю поныне...

Люблю осенние костры,
Когда слеза, смешавшись с дымом, –
Как детонатор для игры
Колючих искр огня прозрений;
Душа – растаявший дымок –
Уйдёт сквозь плёнку измерений
В обратный временной поток.
Играя в бисер планетарный,
И зная тайны волшебства,
Не выучиться было б странно
В деянья обращать слова,
Вращая лопасти всех мельниц
На знак любимый – Водолей,
Дробясь на капли Авиценны,
Будить добро в сердцах людей...
Парис прекрасен, безусловно.

Елены – поводы для войн?
Ваш ход конём, мой милый
Мёрлин?
А тишь и гладь, где Авалон?
Латая клетки наших шахмат,
Я вышью бисером куплет,
Конверт Versace Crystal пахнет,
Как праздник наших лунных лет,
И в нём привет Вам от Морганы.
И даже с росчерком её:
Герои мифов – интриганы,
И птицу бьют охотно влёт.....

Давай помолимся не за себя,
Не за себя у неба спросим.-
За флажолеты соловья,
Что провожает в зиму осень.
Молитва послана.
Я жду.
Без страха,
Как освобожденье,
Подставив хладному дождю
Горячий лоб
От наважденья.
Жизнь сломана.
Часы идут.
Живая птаха
Льёт прозреньё,
На тонком касталийском** льду
Рассыпан
Бисер вдохновения -
Песочный пряник на меду,-
Глазурь и Дух проникновения...

Пошли, мой Бог,
Весны!
Средь осени! В его саду!
А мне – от игр отдохновения!

Моргана* сослана.
В аду.
И шаг – до краха.
Откровение.
Орфей, дай руку. Я иду.
Взойду, как песнь поминовения.

*Моргана – фея, мать всех фей

**Касталия – страна игр(Игра в бисер. Герман Гессе.)

Вы никогда не смотрите

на небо?

Налево от Большой Медведицы есть Безымянная звезда...

далёкая, незримая...

и где бы

не отказалась я бывать хотя бы иногда.....

живут, конечно...многие из тысяч

в безвременьи...

не видя звёзд, не поднимая глаз

в падении...

их можно из живущих сразу вычесть,

они мертвы не завтра, а сейчас...

Огни мелькают светом полустанков,

летя к обетованным небесам...

Сорву стоп-кран. И подберу подранков,

Увидев журавлей, покинувших леса.....

МИХАИЛ ПРОСПЕРО

ИЗБРАННОЕ ИЗ ИЗДАННОГО

Из книги «Ребенок Сердца Твоего»

- **Обрученные августом**
Осеннее Твоё Miserere
Октябрьский сахарный блюз
И сны шли, как слоны
всю ночь корявый старый флюгер
скрижали у порога зазеркалья
- **День рождения Маргариты Николаевны**
(неожиданный полёт в мир Михаила Булгакова,
тема три года ведется на Ковчеге с Ларисой Лось)
- **Из стихов в «Мистерию для Маргариты»:**

Опять лечу во сне глаза замурив
И, значит, я не умер во сне
На сердце ожиданье Маргариты
Березовое утро, синева
Арабский сон Маргариты
Акро - МАРГАРИТА
Мистерия мимов для МиМ
Смех Маргариты
Мантра метронома
Ворон от Воланда
Иммортель-верлибр над горящей рукописью
дворец дождей
Блаженна тяжесть жадных струй.
Есть некая жестокость мастерства
Маргаритки на черно-белом
Маргарита уходит
Отчего же печальная чаша Твоя

Из книги «Ребенок Сердца Твоего»

Мой музыкант негромких слов
Учитель робкого ребенка
о чем, о чем лепечет тонко
среди серебряных снегов
чей колокольчик ручейков?

Мы повзрослели невзначай
так из лесу выходят в поле
а ты все окликаешь с болью
и отвечай, не отвечай -
соль по щекам, снег по плечам

Ребенок сердца моего
болит, а вымолвить не может
молитвой сонною тревожит
а не расскажет ничего
ребенок, только и всего

И путь молитвы в тишину
посмею ли теперь нарушить?
я просто отпускаю душу
как напряженную струну
в благословенную страну

я не заплачу, я усну

Там будет стол, там будет кров
там не одни на белом свете
сердец рождественские дети
среди рябиновых костров
на музыку негромких слов

• **Обрученные августом**

...мы держимся за руки, мы словно переливаем из рук в руки
среди застывшей ночной жары поток прохладный и

прекрасный - тысячи ночей это снилось бы и все не устать устами моим...

Ветер, горячий ветер. Второй раз расцвела акация. Это бывает. Это к раннему приморозку или к радуге после дождика в четверг. Мы ведь забыли приметы дыхания земли, мы закрылись асфальтом и железобетоном, мы включили бледные лампы дневного света - бесполезно. Второй раз цветет акация.

Это август, это черный, бархатный густой ветер ночного Причерноморья. В потоке этом и морская соль, и медовый дух, и звезды падающие. Говорят, это детские души людские падают на грешную землю - верить ли?

Пыль городская не пристает к гроздьям акации, а может это дождь был, пока я спал, а может быть, я все еще сплю и не хочу просыпаться, потому что здесь мне и пятнадцати лет еще не исполнилось. Молоко горячее ходит по всему телу, до дрожи, до шума в ушах и до хруста в суставах, мощно бьется вокруг пульсирующий ветер. Жарко мне изнутри и снаружи, все вокруг не так, не так, как вчера. Особенно они, женщины, они мерцают жемчужинами, они притягивают и уходят тут же, они...

Вчерашний жемчуг осыпается с акации, жухлые, желтоватые по краям сумочки летнего запаха, легкие и пустые - живы ли еще? Но это же сон, здесь смерти не бывает. И я иду дальше, чем вчера, и даже, если я захочу, то снова поплыву корабликом по океан-луже посреди широченной улицы Шолом-Алейхема, под высоченными кронами тропических акаций, по ручейкам босоногой радости - не хочу!

Неправда. Нельзя убежать, проскочить этот водоворот памяти, ибо боль моя и сильнее и слаще детской радости, и тянет, тянет - и затягивает меня горячий августовский вечер...

...мы держимся за руки, мы словно переливаем из рук в руки посреди застывшей ночной жары поток прохладный и прекрасный - тысячи ночей это снилось бы, и все не устать устами моим лепетать нечто несвязное, ибо - неуловимое, ибо - как ты можешь уловить течение ручейка под серебром ледовым, под тонкой хрустальной защитой от постороннего

сглаза? И было, было, было, все это, и - осталось навсегда. И никогда не было реальнее страсти любовной, чем это неуловимое мгновение.

Дело было на футбольном поле, на брусчатой мостовой, на углу улиц Шолом-Алейхема и Белинского, где одной штангой ворот был у нас фонарный столб, старый, дореволюционный еще. А второй штангой была совсем старая акация, на которой еще моя мама щелкала когда-то семечки с папой худого Валерки из соседнего двора, так что я вполне мог стать рыжим, как Валерка, но, слава богу, мама распорядилась иначе. Не скажу, чтоб намного удачнее, но вот именно сегодня этот экземпляр человеческой породы, который ежеутрене появляется в заспанном зеркале, сегодня мне эта личность начала даже нравиться. Под зорким женским оком это произошло, если нужны подробности.

Если нужны, ведь каждый тоже был угловатым кузнечиком, на котором вдруг лопнул серый, вытертый на локтях панцирь, и вышел оттуда кузнец-молодец - удалец-красавец. И тело его пело, как натянутая скрипка. Где-то так, но намного проще сказала сегодня об этом ответственная квартиросдатчица тетя Клава. Притом сказанула не мне, и не для моих ушей, и не в похвалу хорошему мальчику, а во дворовую ругань, да еще и за глаза, так что этому, безусловно, стоит верить.

Сначала она задала дежурную вздрючку своим восемнадцатилетним деревенским "бэгэймам"-квартиранткам. За то, что мы боролись на перинах, которые заботливо прокаливались хозяйками под августовским солнцем на крышах сараюшек. Потом моя бабка вписалась в скандал, исключительно буденновским матом обеляя свою "дытыну, котра ни пальцем не торкнула ваши кляти перыны". Но исключительно интеллигентная тетка в запале ответила такой очередью аргументов и фактов, что даже моя боевая бабуля аж отпрянула, а я сам чуть не упал с акации, откуда наблюдал за спектаклем.

Уж и красочно я был описан. От голубых глаз до твердых пяток с приостановкой на уровне вытертых джинсов. Строгая старуха моя только и порекомендовала сорокапятилетней красавице так же внимательно изучать

своего мужа, как чужого внука. На что та вздохнула и сказала: "...чертив бузивок..." - и звучало это скорее нежностью, чем руганью.

Такие переливы не дает ни один язык в мире, кроме моего материнского, украинского. Где еще "бузок" - сирень - так прочно созвучно деревенски грубому "бузивок" - теленок-полубычок - ?

Скандал потух. Бабка моя пообещала соседке принять меры, чтоб такового спорта на перинах более не повторялось. А я, красный как рак, тихо переполз по ветке на крышу соседнего двора и скатился в песок перед Валеркой. Облако пыли оседало плавно на его белую нейлоновую рубашу и на бриолиновый пробор, прямолинейное украшение огненно лоснящейся головы. Дружок покрыл меня матом и без промедления заехал по уху. Однако попал в плечо, потому что я выпрямил уже ноги после прыжка и росточком мой вражина оказался мне по грудь! Вот так. Мы ведь не видались месяца два, все каникулы. И оба были настолько ошарашены этой переменной мест, что и драться не стали. Валерка буркнул, так сказать свысока, что-то обидное про пацанят, с которыми недосуг вошкаться перед танцами. Мне тоже было не до него.

Что мне чьи-то обиды и удивления, когда я вхожу в изменившийся мир, и живые жемчуга сыплет мне под ноги дождь акациевый, и ноги сами несут меня вниз к Днепру по раскаленной булыжной мостовой, что мне - ?

На мосту у судоремонтного завода я остановился. Оглянулся по сторонам на предмет милиции и легко, рыбкой перемахнул через перила, и пока мое тело летело с высоты тридцати метров, как же пела душа и смеялась - до чего легко и бездумно уходит страх! Черная вода в глубине фарватера обжигала холодом, зеленое стекло прочеркнутое линией заградительной решетки было далеко вверху, я замедленно, с наслаждением, всплывал в запретную зону.

Закат угасал, а я все сидел, сложившись, под пушкой на высокой гарпунной площадке на носу китобойца, океанского промыслового крутобокого кораблика, пропахшего и солью, и маслом, и свежей краской. По морям, по волнам - река

уплывала туда, откуда пришел китобой, и оба мы были не здесь, а где-то там.

Пропечатывая шаг, прошла по пирсу военизированная охрана, ночью они могут стрелять. Береженного бог бережет. Я натянул просохшие джинсы и прыгнул ласточкой с гарпунной пушки, глубоко нырнул и, почти не двигаясь, лежал под водой долго, покуда хватило дыхания, а потом винтом вылетел на поверхность и сразу же лег на спину, только лицо и виднелось, и река еще минут двадцать в тишину меня несла, в ночное небо. И сорок сороков звезд говорили друг с другом, будто бы не для меня:

"- искать единственную - вот он смысл извечный, вращения галактик, драк на танцах, возвышенных стихов и потных анекдотов..."

- всю дорогу я крутил в уме эти три строки, но они не давались в обработку, но они отказывались продвигаться, приоткрывать завесу тайны выше уже сказанного. И они не позволяли мне потом много раз опускаться ниже, чем подсказывали самые гнусные обстоятельства, потому что я уже открыл свою единственную, и случилось это, как я уже неоднократно пытался рассказать, на углу улиц Белинского и Шолом-Алейхема, где осыпала вчерашним жемчугом дворовое футбольное поле старинная акация...

Она вдруг появилась в круге света. Они шли снизу, с набережной. Витька-Дед, Тамара, моя соседка по парте, Валерка, и - Она.

Футбольный мяч я остановил в песке прямо перед ней, я прыгнул, я успел, ведь мяч был пыльным и грязным, а на ней светилось жасминовое платье, и нитка жемчуга белого на шее светилась, и влажная улыбка светилась, и гроночка акации светилась в руке, которую она выставила гневно перед собою, брови сдвинула чаечкою грозовой - ну прям барышня перед хулиганом.

Узнала. Удивленно брови пошли вразлет, смех зазвенел, руки мои схватила в свои, встряхнула, и все остановилось.

Было это, как ручей подо льдом, как ток талой воды под белым кружевом, как земная боль... - да ты понимаешь, ты знаешь, о чем я не могу, не смею заставить себя сказать, чтобы не отдать навсегда.

А тогда Валерка промышчал завистливо: "ну ладно, хватит вам влюбляться". И дверным скрипом обрезало пение скрипок. Я повел взглядом по их компашке, я понял, что они гуляют после танцев вчетвером, что я вписался некстати, как говорится. Тома, моя соседка по парте, почему-то заерзала, высвободилась из-под дедова хозяйского обхвата, зацвела пунцово. "Ты чего?" - улыбнулся я. По Валеркиной ничтожной зависти я понял, что "моя не его". Триумф мужского тщеславия. Это крутая такая штука. И я великодушно молвил: "ладно, гуляйте".

Лучше бы я умер тогда, Господи! Лучше бы мутный водяной вал прокатился по улице Белинского с поворотом на Шолом-Алейхема, пожар, война, что угодно - лишь бы не отрывал я рук своих от нее, но наоборот - пес бы Любовь свою и выше небесных вод и дальше земных огней...

Почему это так легко разбить и не только в первый раз? Чтоб не забыть потом? Но потом, это уже совсем другой поток из других губ и рук. Льющийся пусть даже всю оставшуюся жизнь поток – зачем - "потом"?

Никто не плачет по ночам. Пусть даже тысячу второй раз цветет акация в августе, но сух и желт вчерашний жемчуг, и если б это был не сон, я бы все же умер на мгновенье раньше, чем увидел недетскую обиду и боль в Ее глазах.

....и вспыхнула наша любовь не в тот августовский час, и сгорела много позднее, но отчего же именно этот миг случайного соединения наших рук, именно этот легкомысленный разрыв, так накрепко и конкретно выпаялся в цепь моей жизни?

Глядит полуголый оборванец вслед жасминовой барышне из хорошей семьи, для которой давно уже выбрали хорошую пару. Ничего не случилось. Никто не плачет по ночам.

Неужели и твоя душа обречена, обручена акацией и августом?

*

- Осеннее Твоё Miserere

Помилуй, Боже, взрослое дитя
Я слышу, как шаги Твои хрустят
И утром чистым о Тебе я мыслю
Спасенье осенью хрустит на мерзлых листьях

Не знаю, был ли я в любви зачат
Об этом, Господи, пожизненно молчат
И лишь Тебя спросить могу - любим ли истинно?
Спасенье осенью хрустит на мерзлых листьях

Дождинки пахнут синим зверобоем
Грудным Иссопом сила тело моет
И сладок иней на рябинке красной кисти
Спасенье осенью хрустит на мерзлых листьях

О, дай мне радость Духа Твоего!
О, дай мне милость Сердца Твоего!
И Волею Твоей верну я к Чистоте Твоей нечистых
Спасенье осенью хрустит на мерзлых листьях

Я помню, Ты не любишь жертв сожженья
Но мой костер - иное возношение
И догорает рукопись моих телесно сладких мыслей
Спасенье осенью
ГОРИТ
на мерзлых листьях

Помилуй, Боже, всё, что здесь ничтоже...

- **Октябрьский сахарный блюз**

опять на солнце теплый плюс
и счастья большего не надо
осенний сахар, сладкий блюз
на мерзлых гроздьях винограда

и эта сладость и прохлада
и сердцу тяжесть и отрада
и золото упало сада

и слышен льдистых листьев хруст
и опьяняющая грусть
осенний сахар, сладкий блюз

зачем лить мёды мимо уст
и верить, что душа невинна ?
осенний сахар, сладкий блюз
но это так неочевидно

и может быть душе обидно
и девочке легко и стыдно
и хочется открыться ритму

и слышен льдистых листьев хруст
и опьяняющая грусть
осенний сахар, сладкий блюз

опять на солнце теплый плюс
и винокур идет по саду
осенний сахар, сладкий блюз
не выбирая в звездопадах

на мерзлых гроздьях винограда
и это все-таки награда
и счастья большего не надо

и слышен льдистых листьев хруст
и опьяняющая грусть
осенний сахар, сладкий блюз

*

И сны
шли, как слоны,
как снежные тучи.
И снег
шел, как человек
по минному полю.
И смысл,
как чеширская мышь,
под полом скрипучим
Царапал скрижали.
Ходил по хрустящей соли.

Отчаянный чайник свистом согнал слоновое стадо.
Однако проснулся.
Один.
Остальные спали.
Серебряный снег не шел,
вертикально падал.
Как бабочки с баобаба.
Как тень паутинки-шали.

И сам ли
испел я
из этих теней кольчугу?
И ангел ли белый учил разделять
Икарову карму?
И таяли тайны айнов,
и выюга, ночи подруга
Легко растворялась,
как сливки в кофе «Черная карта»

И сны
шли, как слоны,

по краешку блюда
И сны
шли, как слоны,
спрятав в хоботы хохот
И сны
шли, как слоны,
и дом деревянно охал

*

всю ночь корявый старый флюгер
просил как милость горстку влаги
и плыл по кругу над округой
скрипучий ржавый черный ангел
и бился бабочкой железной
отламываясь от оконниц
скрипучий кашель бесполезной
визгливейшей из всех бессонниц
и нудной мухой лезли в ухо
отскакивая в сером мраке
от спички выстрелившей сухо
ночные нехристи и страхи
И вдруг всё стихло. Просветлело.
Плащ черный лопнул, заалел.
И выпал снег. Наивный белый.
Единственный на всей земле.
К такому просто прикоснуться -
что бросить камень в детства песню.
И думалось, что все проснутся.
Увидят. Выйдут. И - воскреснут.
Да будет мудрым это утро
и снег белее снежной вишни!
И горло в белый шарф укутав
уснувший ангел плыл над крышей

*

разбились ли стеклянными стрижами
скрижали у порога зазеркалья?

рассыпались нефритовые четки
на чёт и нечет неизвестных рун?

разрезал медный щит стрелы корунд
и коршуны над степью закричали

и врос я в пламя желтых звезд-аяний
и океан вновь принял Градиньян

и корабли плывут над Аквитанией
и это не оптический обман

на грани у порога зазеркалья

• **День рождения Маргариты Николаевны**
(неожиданный полёт в мир Михаила Булгакова,
тема три года ведется на Ковчеге с Ларисой Лось))

***ТРИАДА ЭПИГРАФОВ**

*В малейшем ты найдешь Мастера, которого глубочайшее в
тебе не сможет удовлетворить.*

РИЛЬКЕ

*Философски я могу познавать лишь свои собственные идеи,
делая идеи Платона или*

*Гегеля своими собственными идеями, то есть, познавая из
человека, а не из предмета,
познавая в духе, а не в объективной природе.*

БЕРДЯЕВ

*Если пассивный всеохватывающий женский принцип, из
которого каждая вещь происходит и к которому каждая
вещь возвращается, объединяется с динамическим мужским
принципом активной Божественной любви и сострадания,
которая представляет собой средство для реализации того,
к чему ты стремился, то делается один малый шаг,
который есть начало пути.*

(Записная книжка художника Д)

**

..ЕСЛИ ТЕБЕ НУЖЕН ДРУГ -

пусть это будет большая белая собака по имени Джонатан Джеремия.

Ты устал, распростер свои ржавые крылья над тобой черный железный ангел. Ты устал быть Вороном, ворующим неведомое, и пойманным, и наказанным тем (всего-навсего!), что в твой разинутый клюв бьет мутная тугая струя нечисти, подобно тому, как в обратной съемке струя грязной дождевой воды изо рта химеры водосточной на шпиле громадного католического храма — но — наоборот, вовнутрь! — и разница эта очень ощутима, и, чтоб не захлебнуться, ты все шире разеваешь свой клюв, но горло уже не в состоянии пропустить взбесившийся поток, тебя заливают, затягивает, — и держит тебя на поверхности болота только слабая тонкая перепонка между пальцами вороньей лапки.

Но — хватит об этом, потому что ты давно вышел из оранжевого теплого дома и бредешь медлительно через мрак и изморось нудного северного дождя, спотыкаясь о корни, об поваленный ветрами сухостой — и городок далеко уже позади, за спиной где-то.

И вот ты уже на месте. На Лысой Горе. В самой высокой точке посреди блюда окрестности. И ты прислоняешься спиной к косо-поваленному стволу недоупавшего сухостоя, рука ползет по скрюченной старушечье коже-древесине, холодной мокрой снаружи и сухой теплой внутри и снизу, где не достает мокрая морось; ладонь обхватывает теплый сучковатый спокойный ствол — дождь. Ждешь. Ты — ученик Слуги. И непонятны тебе ею прихоти и забавы, а уж страшные в своей ирреальности деяния дона.. — но ведь приоткрыл же он тебе нечто, хотя и не возжелал взять в ученики — ученика — ха! кого? — собственного взбалмошного?

Ты не доверился любви к нему детей и собак, так жди же один теперь — но, вдыхая, как прежде, упругую силу встречного ветра!

Тиш-ше. . . — он уже здесь? И, действительно — в грудь твою голую уткнулся знакомый мокрый нос, и большая кудлатая голова трется сырой шерстью о живот твой — он здесь! — но ты понимаешь вдруг, что пес забежал явно мимоходом, ему — «извинитенедовас-с...»

А — куда?.. Ах, к Маргарите Николаевне, на день рождения... да? — а меня вот не приглашали, но...

Но спросить уже не у кого — только белое пятнышко мерцает еле-еле где-то над серединой дымчато-сонного озера Ханто...

И тебе хочется идти за ним, взлететь, и потому что за спиной ночь, а там там должен же где-то начинаться

ДЕНЬ?

ДЕНЬ этот в маленьком, увитом плющом домике из замшелого красного кирпича, начинался как обычно. Маргарита Николаевна стремительной легкокрылой птичкой порхала по комнатке, доводя до идеального блеска и без того замечательный порядок, тихохонько, чтоб не потревожить Мастера, работавшего в огромном старом кресле над громоздким хрупколистым фолиантом, напевая себе под нос нечто, напоминающее апрельскую капель и июльское утро одновременно. Вот она приостановилась посреди комнаты, скептически подбоченилась — надо ли? — и, по-матадорски взмахнув полотенцем, легонько толкнула пальчиком тяжелые створки, свинцовые переплеты стрельчатого окна. Полотенце пробежалось по мелким слюдяным окошечкам, в которых тотчас же с неправдоподобной яркостью заплесало белоснежное кипение вишневого сада. Маргарита радостно засмеялась, любуясь отражением расцветающей девятнадцатилетней красавицы, но, тотчас же прикрыла губы ладонью, оглянулась, и кинулась к следующему окну, металлический переплет которого был настолько раскален воспаленным приморским солнцем, что, казалось — открой это окно — и по комнате прокатится иссушающее дыхание черного самума, но она-то знала, что волны ласковой

средиземноморской «талассы» играют свои дельфиньи игры почти возле самого фундамента из тяжелых круглых валунов, поэтому смело развела створки обеими руками и замерла, закрыв глаза, вливая теплое прикосновение солнца всей кожей, глубоко вдыхая крутые горько-соленые запахи полосы прибоя. Возле третьего окна Маргарита капризно выпятила нижнюю губу, прикусила ее, зябко повела плечами — но все же высунулась почти до пояса в зыбкий серый туман и, быстро смахнув прилипший к слюдяному стеклышку корявый черно-бурый лист, нырнула обратно в комнату. За четвертым, заиндевелым окошком, в этот час была ночь — а кто ж ночью протирает окна? — поэтому Маргарита только вытаяла посреди белых джунглей на стекле глазок, чтоб взглянуть на скучно стынущую среди волнистых туч луну. Она прильнула к глазку, и — ! -- тут уж от громкого возгласа изумления удержаться ей не удалось: луна кипела!

Мастер встревожено поднял голову в своем кресле, но спрашивать ему ничего не пришлось — в дверь постучали, потом послышался смех сдавленный и шум какой-то возни, веселый такой шум

— наконец дверь открылась, и на пороге возник во всем блеске потертого кургузого клетчатого костюмчика — господин переводчик с иностранных языков Коровьев-Фагот! Он сделал шаг в комнату и тут же упал, споткнувшись об выкатившийся у него из-под ног черный шерстяной клубок. Клубок развернулся посреди комнаты в обыкновенного черного кота. Кот чихнул и церемонно вытер лапою усы.

— Будьте здоровы, Бегемот! — кинулась с радостным смехом к гостям Маргарита.

— Ну, вот, так и всегда. . . — обиженно забурчал клетчатый, шаря по полу в поисках упавшего на ковер пенсне. — Просил же я Мессира посылать к дамам одного толстого Бегемотища...

— Ой, что вы, дорогой Фагот! Я так рада вас видеть, — запротестовала Маргарита Николаевна, стала коленками на ковер и протянула Коровьеву пенсне.

— Вы, королева, передо мной, на коленях?..— изумленно-испуганно запричитал тот.

— Па-азволь-тэ прэдложит тэбэ руку! — церемониальным шагом подошел к ней Бегемот, но уже не кот, а стройный кавказец в полуопереточном обмундировании «грузинского князя.

— Ах! — томно опустила ресницы Маргарита и, прикоснувшись к расшитой серебром перчатке, легко вскочила на ноги. — Какими ветрами к нам, князь, простите?..

— Бек де Мот! — звякнул шпорами восточный красавец, упал на одно колено и припал усищами к ручке дамы.

— Вот-вот... Чики-чирики, а дело, всегда, мне одному... — продолжал бубнить Коровьев, хлопывая карманы тощего пиджачка. — Бумажка-от, записка-то — где-кося она? Опять за подкладку завалилась, што ли?

— добрый день, господин Коровьев, день добрый! — радушно произнес Мастер и, успокаивающе добавил:

— Если не особо существенно Вы своими словами...

— Нет! Существенно! — вскричал Фагот. Наконец вытащил из кармана мятый засаленный листок календаря с красной датой и, торжествуя, поднял его над головой: — Вот! С ДЕВЯТНАЦАТИЛЕТИЕМ Вас, значит, Маргарита Николаевна, и всех благ! Фу... Индо, взопрел...

- Ах «сэтгот комильфо» Фахотс, прэ нон, трэз нонсэнс! С бухты-барухты — а где же суприс? — с французско-замоскворецким изяществом разочарованно протянул Бек де Мот.

— Стол накроем в саду! — захлопала в ладоши Маргарита и выпорхнула за дверь. — Мастер, Мастер! Нет — вы только взгляните — что за чудо!

— летел из сада ее восторженный голосок.

- САМ придут...— значительно сообщил на ухо Мастеру господин Фагот,

И грянул пир!

Невидимый оркестр вспенил лепестки цветущих вишен, сумасшедшей прелести вино заискрилось в высоких хрустальных фужерах, почерневшие доски дубового стола закрипели под тяжестью лебедей и павлинов, устриц и

кокосов, винограда и ананасов — да стоит ли перечислять все, что можно увидеть на столе у силы, тем более — нечистой? Один только перечень сыров, да не наименований сортов, а стран-производителей. Этого продукта, занял бы больше времени, чем потребовалось гостям и хозяину, дабы подойти к столу, за которым уже восседал Воланд. Азazelло широко осклабился за его спиной, Гелла хлопотала, поудобнее устраивая на деревянной скамеечке больную ногу Повелителя Тьмы, — Любезнейшая госпожа Маргарита Николаевна! — сусальным петушком пропел Коровьев. Все встали, взяли бокалы. Маргарита, возбужденно дыша, как бы случайно, мимоходом, прижалась к плечу Мастера. — Э-ус... от имени и по поручению кхс.. — Коровьев поперхнулся и отпил глоток вина. Волайд шевельнул бровью удивленно. Раздался звон бьющегося хрусталя и гомерический хохот Бегемота, показывающего пальцем на прислоненный к стулу фагот, возникший на том месте, где только что стоял г-н Коровьев. — Позвольте Бегемоту, Мессир? — изогнулась над столом лебединой шеей Гелла. Воланд кивнул, с некоторым еще раздражением и Гелла слегка укоротив шею, свысока оглядела стол и плавно наклонила голову: — Просим вас, Беге мот...

— Самая прекрасная обезьяна, — сказал Гераклит, — безобразна по сравнению с родом людей. Самая прекрасная женщина — это говорю я, Бегемот! — не подлежит и сравнению с Вами, виновницей нашего сегодняшнего торжества! Виват абсолютной Красоте Вечной Юности! Виват!! Виват!!! Гости заулыбались, Маргарита Николаевна порозовела от смущения, Мастер поклонился и поднес к губам вино, но из-под стола раздалось, словно кто-то скреб ногтем по фаготу:

— Виват Непреходящему Абсолюту... Виват вовремя умершему, дабы открыть дорогу беспредельному росту своего внутреннего «эго» — будь то красота души, или тела! Воланд хмыкнул. За столом появился Коровьев. Все вышли. — Благодарю, я так рада... — Маргарита запнулась и беспомощно повернулась к Мастеру, повела рукой неопределенно — и он пришел на помощь:

— Господа наши, дорогие гости, благодарим вас за этот неожиданный праздник, который, будь он даже традиционным, вряд ли доставил бы нам с Маргаритой меньшее, большее ли — наслаждение... — Мастер понимал, что говорит что-то не то, что звучит его спич вроде как «дорогие хозяева, а не надоели ли вам гости?» — но... И тут Бегемот, сглаживая возникшую шероховатость, заорал:

«Мессир! Какова идея — традиционные девятнадцатилетние Маргариты Николаевны!» — однако никто даже не улыбнулся. Тем не менее, Мастер благодарно взглянул на Бегемота и, слегка склонив голову в направлении Воланда, смял речь следующим образом: — Как вам будет угодно, Господа, всегда рады. А по дополнению господина Коровьева — оно справедливо, спасибо... Виват!

Воланд благосклонно кивнул, и все выпили и разбили бокалы оземь, и зашумели, заплескали вновь шампанским, заугощались закусками. Коровьев и Азazelло набросившись на главное украшение стола - торт с павлином - наперебой предлагая имениннице лучшие кусочки, но хитрый кот Бегемот и тут успел:

— Вы позволите, Мастер? — галантно осведомился он и, словно грациозная птица взмахнула черным крылом его бурки и белым крылом воздушного шлейфа Маргариты, под томительную венскую мелодию.

— Не свежо ли Вашей ноге здесь, Мессир? — озабоченно спросила Гелла. — Может быть, соизволите послать к Абадонне, за квартой свежей крови?

— Нет. Мы пройдем о Мастером к камину, и там я подарю ему свой подарок. Если не ошибаюсь, дорогой Мастер, "Игру в бисер" придумали на Земле несколько позже Вашего отбытия сюда?

— Вы, разумеется, никогда не ошибаетесь, — поднялся Мастер из-за стола вслед за Воландом. Они шли, а черно-белая птица пролетала перед ними, упоенно кружась. И Маргарита хохотала, а Бек Бегемот, топорща, в неимоверно ужасной гримасе, восточные усы, надрывно декламировал:

«орет продюсер, пирог уписывая: вы просто дуся! Ваш лоб — как бисерный! А вам известно, чем пахнет бисер? Самоубийством, самоубийством...»

Мастер предложил Воланду свое кресло у камина, а сам хотел присесть на скамеечку Маргариты, но под руками услужливого Азazelло скамеечка выросла в тяжелый резной палисандровый трон. В камине затрещали березовые чурки.

— Итак — «Игра в бисер», — сказал Воланд. — Игровое поле — Вечность, распростертая во Вселенной. Фишки — девять Муз с Философией во главе, а также все прочие известные вам проявления Пронизывающего все сущности и сути, все помыслы и идеи. Правила? — всего одно: Гармония. Цель — Катарсис. Я намеренно изъясняюсь в терминологии древних греков — любимой вашей ступени детства человеческого сообщества...

— Я начинаю догадываться, Мессир! Как Гераклит Темный, я могу играть сочетаниями, образующими «целое и нецелое, сходящееся и расходящееся, созвучие и разногласие, из всего одно и из одного — все».

— Полагаю нашу Игру начатой, — усмехнулся Воланд.

— Да, если угодно. И, добавлю, что «расходящееся сходится и из различных образуется прекраснейшая гармония, но все возникает через борьбу».

Авторская ремарка: Здесь и далее я вынужден опустить имена авторов цитат-фишек этой любопытной игры — к сожалению, книга академика А. Ф. Лосева, подарившая мне эти крупницы древнегреческой мысли — сгорела в 1988 году, 28 октября. Там же осталась и книга К. Бальмонта «Костры мирового разума» и др. Рукописи не горят — но авторы порой, да...

— Не сомневаюсь, что вы преднамеренно ошиблись, цитируя Аристотеля. Ведь не зря сказал Ипполит: «Скрытая гармония сильнее явной».

— Да... Демокрит полагает, что скрытая гармония сильнее... То есть, нет, не так! Что «гений счастливее жалкого искусства — и он исключает здравомыслящих из Геликона...», — грустно сказал Мастер.

— «Прекрасна надлежащая мера во всем», — заметил Воланд.

— .. «часто я слышал, что никто не может быть хорошим поэтом (говорят, что это сказано в сочинениях Демокрита и Платона), без душевного огня и без некоторого вдохновения, своего рода — безумия...»

— . . .»если перейдешь меру, то самое приятное станет неприятным...»

— "Человек — есть мера вещей существующих, что они существуют, и несуществующих — что они не существуют...»!

— . . .«у кого есть ум, для того мерою слушаний и рассуждений является целая жизнь".

— Простите, Мессир! Но кто же из земных философов имел в запасе не жизнь, а эту проклятую бесконечную Вечность?!

— вырвалось у Мастера.

— «И - », — торжествующе загремел Воланд, — «этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал ни один бог и никакой человек, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим!» И все рождено Великою Матерью ТЬМЫ !!! Мастер порывисто, быстро, скользнул взглядом по подбородку Князя Тьмы и, зажав рот ладонью, уставился в камин. Воланд не торопил его.

— *Кто горел — того — не по-дож-жешь...», — провыл под окном Бегемот, брэнча на гитаре среди «веселящейся молодежи».

— Наташа! Наташа! — закричала, захлопала в ладоши Маргарита.

Действительно, в саду появилась ведьмработница Наташа, но уже не верхом на хряке, а, правя целой тройкой этих неблагородных животных, причем коренной был во всем "хилтоннс-диор», правый пристяжной — в "пума-адидаc", а левый — вообще в какой-то причудливой сбруе, разукрашенной пластмассовым и металлическими бляхами с черепами, молниями, пауками и малоприличными надписями на английском языке.

Подруги расцеловались. Наташа преподнесла с поклоном Маргарите большую коробку, перевязанную розовой ленточкой, предупредила:

"осторожно, тяжелая..."

— Ах! - вскричала Маргарита. Конечно же, это были журналы мод, каталоги супермаркетов и прочая, прочая, прочая...— Какая прелесть! Какая прелесть...

— Теперь говорят шарм», — поправила ее Наташа.

— А самый модный возраст? — спросила Маргарита, приглядываясь к облику подруги с некоторым удивлением: «Парижшюр шарм и свекольная раскраска?..»

— «Девочка сегодня в баре, девочке пятнадцать лет», — снова забренчал на гитаре Бегемот, приглашая всех пить и танцевать, *гудеть и отрываться».

— Сейчас, сейчас! — ой! — откуда это? —

Наташа достала из коробки букет отвратительных желтых цветов, мокрых, земных...

— Дай сюда! — резко вывихнув ведьмработнице руку перехватил букет Коровьев, встряхнул. Выпала бумажная трубочка. Он развернул ее, прочел, сидя на корточках, протянул снизу, медовенько промолвивши: — Это никак вам, хозяйюшка, письмецо...

Маргарита пробежала глазами записку, нахмурилась, скомкала ее в кулачок: принужденно улыбнулась гостям:

— Странная прихоть. Фрида просит, чтобы ей опять подавали платок. Мессир! — повернулась она к окну. — Я, право, ничего не понимаю — она отказывается от вашего милосердия... Нет, право

— странно — платок! Какой-то самосадиизм, мазохизм... Это что — тоже сейчас в моде? — повернулась она к Наташе.

— Мадам! Чес-слово, я даже не в курсе, кто такая есть эта Фрида! — испуганно замахала руками та, делая заученно-честные глаза, как прежде в домработницах по случаю неприятностей с хозяйской мелочью.

— Это тот самый платок, — улыбнулся Коровьев доверительно, погладил Наташу по руке и вдруг сильно сдал ей ладонь, дернув на себя, — тот самый платок, которым наша Фрида удушила своего байстрюченка...

И вытянулся во фронт перед окном:

— Мессир! Позвольте нам с Азazelлой быстренько, мухой слетать! Мы подадим ей — раскопаем и подадим — трупик дитятка — ха-ха... — и попятился Фагот от окна.

По саду прокатилась удушающая волна серного ангидрида. Голые деревья протянули черные обрубки рук к свинцовому небу.

— С кем приходится работать..— железом по стеклу резанул голос Воланда. — Гелла — глобус!

Все гуськом потянулись в дом, только Наташа бочком отступила к своему свинячьему экипажу и тихо испарилась. Глобус медленно вращался перед Воландом. Багровые сполохи войны то тут, то там озаряли его серые бока, словно засиженные металлическими мухами. В некоторых местах цвели бархатные черные маки, излучали мертвое синезеленое сияние. Азazelло завистливо защелкал языком, его желтые клыки прямо на глазах выдвигались из нижней челюсти. Казалось — сейчас с клыков закапает слюна.

— Мушек стало меньше, Мессир, — заметил Бегемот.

Воланд ткнул тростью в подставку. Глобус остановился, и из облачного тумана возникли дымчатые очки Абадоны и его пробковый плантаторский шлем.

— Что происходит, Абадонна? Почему уменьшилось количество мушек? — сухо спросил Воланд.

— Мессир! Есть мизерный демонтаж устаревших установок, не более того. Но, обратите внимание — они вышли в околоземное пространство

— скоро рои металлических шершней загудят вокруг этого переспелого яблочка. Они бредят «звездными войнами», грезят часом, когда железные звезды посыплются с черных небес. Должен отметить также, что оставшегося после демонтажа ядерного потенциала вполне хватит на десяток таких планетишек.

— Хорошо, хорошо, достаточно... — пожевал губами Воланд и равнодушно спросил: — а что там поделывает моя освобожденная Фрида?

— Ищет лесок, в котором закопала когда-то дитя. Не беспокойтесь. На том месте сегодня — колодец для пятидесятигигатонной межконтинентальной «мушки».

— Благодарю вас за информацию, Абадонна. Работайте, работайте, любезнейший. И побольше фантазии. Планетарный взрыв — это мы уже видели с Фазтоном — подготовьте более оригинальную версию. Конец связи. — Воланд отнял трость от подставки, глобус вновь завертелся, уменьшаясь в размерах и, чем мельче он становился, тем заметнее было роение над ним реденького облачка металлических «мушек». — Учитесь, Коровьев — сухо бросил Воланд, поглаживая трость.

— А то — «дать ей платок, да еще и трупик» — детские игрушки. Нет! Она сама выбрала нож моего милосердия, и оборвана связующая паутинка, и теперь так будет вечно и бесконечно, и не только в час, когда самоубийцы восходят на мосты!

Настроение Главного Гостя явно улучшилось. Деревья в саду зашевелили ветвями, словно усталый пианист пальцами, под чуть слышимый перезвон лопающихся от сока почек.

— Продолжим игру, Мастер! - "Кто хочет в произведениях своих облететь мир, должен долго оставаться в своей комнате; и кто хочет жить в памяти потомства должен как бы умерев для себя самого, покрываться потом и дрожать не раз.. Это крылья, на которых писания людей взлетают к небу...»

Маргарита подала Мастеру его черную шапочку с вышитой буквой »М«. Он благодарно улыбнулся ей, но не надел шапочку, а держал ее в руке, смиренно отвечая:

—я не нахожу удивительным, что воображение причиняет горячку и даже смерть тем, кто дает ему волю и поощряет его».

— Позвольте и мне? — улыбнулась лучезарно Маргарита, — »...чем больше заполняется наша душа, тем вместительнее она становится, и...»

И тут Мастер вскричал:

— довольно игры! Мы проиграли, Мессир... Отпустите нас туда, на Землю... Пусть мы не умерли для себя, а только для других, но ведь для них-то, этих самых чужих, соседей по коммунистической коммуналке, жил я и писал, оказывается, свою книгу о пятом прокураторе Иудеи!

Воланд улыбнулся леденяще-ласково:

— Милейший.. — процедил он, и в воздухе запахло новой волной гнева. — Добрейший Мастер... Вы — "лакомка", опять хотите стать "травоядным»? Дабы предотвратить недопонимание близкими, - сообщу открыто даже — да! — вашу Книгу там уже читают, ибо многое и многое из вашего времени уже в прошлом, но не обольщайтесь: нет, и не будет, ни времени, ни человека, желающего слушать ваши речи. Выпейте лучше со мной в честь вечно несвоевременной и бесполезной правды - да вы просто

ничего не разглядели на глобусе! Напомню вам прекрасные строки древнего индийского поэта: "Гуляй спокойно, о благочестивый! Ведь свирепый лев, засевший среди лиан на берегу реки Годавари, растерзал сегодня эту злую собаку!"»

— да, я знаю...— Мастер взял в руки лежавшую на столике у камина старинную книгу. — Вы бьете меня тем, что я с восторгом читал сегодня, перед вашим визитом: (читает) — "Три льва пришли к отшельнику. Он сказал каждому: Ты только что умертвил путника, спешившего к семье». — Ты похитил единственную овцу у слепой». — »Ты уничтожил коня у вестника важного». -

— Можете, львы, стать людьми. Наденьте страшную гриву и начните войну. Не удивляйтесь, что люди окажутся более жестокими, чем вы.

- Х—м, "насмешки вечные над львами, над орлами, — засмеялся Воланд. — "Почему вы не прочли описанное выше? Потому что там не львы, а мелкие мыши? Будьте любезны...

- ...мыши приблизились к отшельнику, привлеченные его недвижимостью, - читал Мастер, и яркая краска пылала на его щеках. — Он сказал каждой из них: «Ты поселилась в муке, хотя ее хватит на весь род твой. Но от этого ты не стала добрее. Ты избрала местожительство в книгах и перегрызла немало их, но не стала образованнее. Ты поместилась среди священных предметов, но не стала возвышеннее. «Право, мыли, вы можете стать людьми, Как люди вы посрамляете данные сокровища».

— Напрасно ваше смущение, Мастер, эка красна девица, — улыбался Воланд. - Это — не о вас, улетевших из царства пирующих крыс на облаке багрового огня, чтобы —?

«...прилепиться к чужому храму...», — прочел Мастер и тихо закрыл книгу. Все молчали. Праздник был безнадежно испорчен. И тут, как нельзя некстати, раздался грохот в каминной трубе, посыпалась сажа, покрыв пушистой кучей пылающие поленья, сверху на куче лежала коньячная бутылка, она зашевелилась, забулькала, куча встряхнулась и завывла голосом самого пьяного из всех черных котов в мире:

— Мессир, я виноват, я испортил вам сюрприз...— Бегемот рыдал, растирая по морде потеки светлой сажки.— Я...хрю...я

проболтался очаровательнейшей Марго об увеселительной прогулке, завершающей программу ее дня Рождения...

— Коней и ладью, — сказал Воланд.

И вот уже Всадники Ночи летят над бездонным омутом Вселенной. Чуть поодаль плывет ладья из зеленовато-лунной латуни, скользит по гребню стремительного космического течения. На носу ладьи стоят Мастер и Маргарита. Скорость потока нарастает. Цвет его из черного переходит в пепельно-кровавый. Бурунный след ладьи подобен морозному рисунку на рубиновом стекле, только свет идет изнутри рисунка, а само стекло плотное-зыбкое-окутывающее, и какие-то жадные, гибкие конусы — наподобие земных вулканов — только уже полупрозрачные и — кратерами вниз, тянутся к ладье серыми раструбами.

Вдруг призраки мира восьми измерений исчезли. Разом оборвалось в груди ощущение стремительного полета, словно путники попали в глаз бури — это ладья вслед за всадниками нырнула в один из смерчей-конусов и зависла над огромным деревом, безлистным, с голыми темно-коричневыми ветвями. Точнее — над кроной дерева, ибо мощный ствол его уходил куда-то вдаль, словно терялся в других измерениях пространства-времени-и... чего-то еще, чему имени нет на языках земля.

Желтая капля на одной из веточек дерева оказалась небольшой теплой звездочкой, а смутное облачко вокруг нее — демоном. Демон парил, широко раскинув крылья, правое — черное и левое

— белое. Неподвижно — летел, к плечу прижимал альт и тихо водил по нему смычком. Мелодия, светлая и гармоничная, бурлила изнутри какой-то тревогой.

Ладья проскользнула сквозь туман над темным крылом и повисла в беспредельности за спиной демона, над спиной и в то же время — в тени крыла. И стало видно, что сердце демона

это маленький пульсирующий бело-голубой шарик, а крылья на самом деле более сродни хвосту кометы, головой которой и был этот, родной Мастеру и Маргарите, шарик.

- — дальше — ни шагу — раздался слева прерывистый от сдерживаемого гнева голос. Это Левий Матвей стоял лицом

к Всадникам Ночи, раскинув руки, словно прижавшись спиною к невидимой стеклянной стене.

Мастер спрыгнул с ладьи, подал руку Маргарите, и они подошли и остановились у незримой черты, рядом со свитою Воланда.

- — Не трясись, старый выхолощенный схоласт! — насмешливо процедил Черный Герольд (и не было в этом высоком голосе шутовских интонаций нахального Кота — холод и изящество шпаги, покалывающей плечо простолудина!) — Ты же знаешь, кто перед тобою. Он — помнят о них

— что же ты?..

— Мы хотим увидеть Землю, — сказал Мастер Левию.

— Что хотите увидеть вы, зрячие слепцы, не живые и не мертвые, не холодные и не горячие? Что хочешь увидеть ты — якобы мужчина, и ты — якобы женщина? — Левий смотрел под ноги Мастеру, словно выискивал место: куда плюнуть!

Имеющий уши да услышит: легче верблюду пролезть в игольное ушко, нежели послушнику Тьмы войти в царство Света!

- Что ты городишь, рыцарь чужого ножа? Через час пробьет Время Тьмы, и ты, плешивый верблюд, сочтешь и игольное ушко достойным укрытием во спасение свое! - зазвенел голос Черного Герольда, и конь под ним заплясал нетерпеливо, и свита Воланда длинными закатными тенями нависла над малыми тремя фигурками, и смех сатанинский загрохотал.

— Имеющий сердце да откроет его... — тихо произнесла Маргарита. — Но почему же нельзя хоть одним глазком на белый свет... хоть разок — не через желтый глаз электрической ночи?.. даждь нам днесь.. — неслышно прошелестели ее слова, словно тяжелые капли упали на пыльную дорогу, Левий, не веря ушам своим, вскинул на нее испепеляющие очи!

Но и святое пламя тонет в глазах женщины? так или иначе? — но он трижды осенил себя крестом и отступил, и словно рассек хлебным ножом крест-накрест пустоту перед собою: "Иди! смотри! если увидишь.. .

Крылья демона сблизились, словно сложились в туманно-серый параболоид, где по черному краю шмыгали знакомые темные личности — вот и домработница Наташа проскакала на своей свинячьей тройке — но Мастер и Маргарита ее не заметили, так как напряженно всматривались в клубящееся и барахтающееся во глубине туманной ленты: вот, словно на проявляющейся фотобумаге всплыл силуэт восьмилатого дракона — и по мере проявления — стало видно, что это в шею огромного ящера-диплода впился саблезубый тиранозавр, и сам гибнет под тяжестью рухнувшей на него безвольной туши; а вот неандерталец колотит каменным топором по черепу надвигающейся на него крупной полуобезьяны — и вот — смутные тени, смутные тени... Тень Каин рвет волоса и посылает главу пеплом над трупом Авеля, и с плачем вытаскивает свой нож из груди брата, и аккуратно заворачивает в платочек нужную в хозяйстве вещь, - живым - живое. Незаметно для себя Мастер и Маргарита, словно на нитях в руках Левия Матвея, опускались все ниже, ближе к потоку. Стало слышно отдельные слова даже обрывки фраз.

Сухощавый индус в зеленой чалме говорил молодому человеку с пожелтевшим от лихорадки лицом: «.. возможно, тогда вы не вошли бы в историю Искандером Великим Двурогим, но, кто ведает? — вошли бы в число безвестных посетителей Шамбалы?...»

Лукавый китаец поучал круглолицего монгола: - «Тот, кто способен убить человека не моргнув глазом, может в Оно Мгновение стать Буддой. Он знает и действует в одно и то же время, прячется, как будто стоит на виду, для него каждое событие — высшая истина..» Маргарита зажала уши руками, но, вспомнив, очевидно о третьем за спиной, снова вцепилась побелевшими пальцами в плечо Мастера, и, не моргая, вглядывалась в кровавые лужи цирков Нерона, в костры православных и еретиков и колы с вопящими правоверными и детьми Магомета, бледные серо-зеленые лики узников гнилых ям и каменных мешков, в толпы колющих-режущих-насилующих-грабящих. А на горизонте вырисовывались, медленно приближаясь, геометрически красивые параллелепипеды, украшенные

колоннадой дымящихся труб, и жирный дым клубился зеркальным отображением Реки Забвения, и было понятно, почему плотный поток входит туда (поток людей? — Маргарите даже почудилось — шаркают, вытираются о половичок, тысячи ног!) — а оттуда не выходит никто и ничто, только дым. И в одном из окон Маргарита заметила человека с вдохновенным лицом Сальери (в белом халате), который играл на клавиатуре пульта управления этой машиной-фабрикой, другой же стоя спиной к окну, видно было только туго натянутую на плечах серебристо-черную униформу, равнодушным даитесовским голосом диктовал какие-то цифры... -

— Куда же вы? Вот, здесь ваше время, — сухо молния Левий Матвей, указан перстом на точку в потоке.

- Небольшая фигурка величественного усача в белом мундире генералиссимуса. Чуть поодаль, склонив голову к правому плечу, идет тонкогубый человек с печальными глазами доброй собаки, слушает и поглядывает под ноги: как бы не ступить ногою в черную тень Вождя, который учит, весомо и сурово... Мы позволим напомнить господину либеральному барину о народе, которому мы дали подлинный демократизм, как сознательный, так и вынужденный. Мы знали, что крестьяне не пойдут бороться за социализм, что их можно и нужно заставлять бороться за социализм, применяя методы принуждения. А как же иначе? Оглянитесь в истоки истории — где они, деяния пророков-гуманистов? В умелых лапах палачей, обращающих философскую школу в секту! Мы не дойдем до такой крайности, благодаря подлинному внутрипартийному демократизму - сознательному — из которого вырастет сознание слабых, не входящих в твердый союз единомышленников...»

- ...да вы трубочку-то — зажгите... табачок специальный, "Герцеговина Флор", по листику собранный, — по ветру впустую летит— не жалко ли? ведь труд народный, женских рук." ---- усмехался тонкогубый.

К Левию Матвею подбежал огромный корноухий пес. За ошейником виднелась записка. Левий достал ее, развернул, прочел, поцеловал и подал на ладони текстом вверх: «Княже

Тьмы! Отпусти пожелавших Пути. И да идут пусть прочь из обители покоя, если им сладко горе людское, если заместо видений чудесных движимы жаждою более телесных. И дойдут пусть. Если смогут.*. Вместо подписи стоял маленький крестик, какие раньше ставили неграмотные.

— Дорогу идущему, — перекрестился Левий Матвей.

— Порознь! Мое условие — порознь, — каркнул голос Воланда.

- А не проще ли отказаться, оставить все как есть? Зачем испытывать реальность какими-то неоформленными возможностями? Это же не приказ, но вот необдуманное действие, поймите...— улыбаясь, увещевал медовый Коровьев.

Мастер — решаясь — взглянул в глаза Маргариты, и просил этим взглядом прощения у нее. За все, что должно будет с ней произойти.

— Боже, родной! Я не смогу без тебя! — вскричала она и, оттолкнув протянутые к ней руки, первой бросилась В СЕРЫЙ ПОТОК...

*

Из стихов в «Мистерию для Маргариты»:

Опять лечу во сне глаза зажмурив

Найду среди муз бесплотных Маргариту
Найду в морях безбрежных остров бури
Найду в горах высокую амриту

Опять приснилась новая "Аида"

Поют дуэтом Стинг и Тина Тёрнер
Поют - и разделяют очевидность
Поют - и мир летит сквозь рог валторны

Опять лечу. Глаза уже открыты.

Принес мне некий друг ночное зелье.
Принес мне счастье видеть Маргариту.

Принес мне искушенье неспасенья.

Опять отдать готов за вдохновенье
Не только душу с половиной сердца

Но только соловьиное прозреньё
Так кратко! Не успел ни наглядеться

Ни описать
Опять...

Печаль в душе, как месть хоральной фрески
Печаль - как Соломонова печать
Печать преображенья после мессы?

*

И падает тонкий медленный снег
И, значит, я не умер во сне
На теплой руке моей точка тает
Лишь каплю холода оставляя
и я один.

А во сне мы вместе.

Горит камин.

И чайника песня

И кот мурлычет в твоих руках.

Нет - ты уснула на облаках!

Ты стала веткой в белом саду.

А я навстречу тебе иду.

Так ходят друг к другу во сны во сне

И оба здесь дома, а не извне

Когда влюбленные рядом спят

Так и бывает.

Аум Тот Сад.

О, Господи!

Нынче не солнечный день.

Все ровно и просто. Ни свет, ни тень.

Из белого ангел мой сад сложил.

Какого же цвета я сам

когда жив?

*

Наутро, на исходе ноября
На сердце ожиданье Маргариты.
Мой разум громко шепчет "Это зря!
Зачем стучитесь вы в роман закрытый?"

Но это сердца стук, а не руки.
Но это зеркала, а не фантазмы.

И за спиной шаги, они легки.
И уже поздно ворожить от сглаза.

Опять мы здесь. И осень холодна.
Но это не прыжок туда, обратно.
И это не другая сторона.
И не святая дерзость. Что приятно.

Ведь если Бог едино жизнь даёт
То Воланд многократно убивает.
И этот божий страх наоборот
Он, знаете ли, малость забавляет.

Не каждому на крест. Не наша честь.
Не наша часть моста над черной бездной.
Вы плачете. Считаете, что здесь
Часть проявлений Мастера болезни.

Возможно. Но такая уж судьба
И телом бысть положен на бумагу...
...вы слышите? Архангела труба!
Трамвай гремит, везет сюда Живаго.

Мы с вами не одни! Сочесь боюсь
Кабы не боле здесь, чем там, здоровых.
Как жаль, что я не плачу, не молюсь.
Лишь божья жизнь тому нас учит снова

не милость Воланда

*

Березовое утро, синева
Еще хрустят морозные шаги
Уже от странной гари голова
Уходит в кругосветные круги

Березовое утро, колдовство
И голоса каких-то громких птиц
И этот ветер тоже сам не свой
Играет жемчугами небылиц

Березовое утро, образа
Над церковушкой отблеск золотой
А небо - словно женские глаза
Такой глубокой манит красотой

Как будто льёт вино в сосуд пустой...

*

Арабский сон Маргариты

И тихо искры из камина уходят в сказочную высь
И из эскиза для картины поспешно убегает рысь
И рукописные наброски, разбросанные на полу
Идут, как люди за повозкой, за Моисеем через мглу
И - ах! - вдруг колеса поломка, остановилась их арба
Иешуа сказал негромко - "Здесь не дорога, но судьба"
И взгляд ударил, словно змейка, и всё! - и нечем отрицать
И Маргира бежит от шейха на верблудице кузнеца
И это есть любви осанна, но вслед же смерти торжество
И улыбаются шайтаны, бо человецех естество...

Акро - МАРГАРИТА

М- Мановения осени мокрые рыжие
А- Арбалетами хлесткими веточки голые

Р- Рваной рябины огни среди серых булыжников
Г- Голуби сизые серые и невесёлые
А- Ах, да зачем это всё? И печали привычные
Р- Разом готова ты сбросить в дорожную грязь
И- И зашипят-защекочут вослед словеса неприличные
Т- Те, кто увидит твой облик и сквозь азazelлову мазь
А- Ах, да пусть им невинности грех славный Воланд
отпустит...

Мистерия мимов для МиМ

Мы ночью горим как свечи
Мы утром белее елей
Мы ветром качаем вече
Мы воздух, на самом деле

Мы - мимы на шумной сцене
Мы мимо рампы летаем
Мы - молоко у цели
Мы малых сих умоляем

Мы - мимы...
Мы - хор за сценой...
Мы - охра эхинацеи...
Мы - Мастеру панацея...

Мы точки молочной пыли
Мы грозди зимней рябины
Мы точно знаем, что были
Молитвой Божьего Сына

Мы ночью горим как свечи
Мы утром - буквы в тетради
Мы - шаль на Марии плечи
Мы - плач ее Христа ради
Мы – мимы

Смех Маргариты

Рядом стоят и репейник, и роза, и крест
Кругом идет голова от высокого неба и пропасти черной.
Очень легко из невинных Христовых невест -
К чёрту

Был я уже и магистром, и полем, и смехом Игры
Пылью дорог посевал, что Бог дал во молитвенных ритмах
Ярче, чем вспышка алмаза поверх бытовой мишуры -
Смех Маргариты

Страхом моим напилась рубаха во сне.
Прахом пойдут накопления праведной жизни и опыт из
Книги.
Осень легко винный вкус этих уст посылает мне.
К чёрту вериги!

Господи, Боже, зачем мне любовь теперь?
Стар я не только душою уже, но как Цезарь на мартовских
идах
Перенасыщен ушедшим, легко открываю смертельную
дверь,
Но вместо смерти - смех Маргариты!

Мантра метронома

Неотвратимо, до отвращения
Скрип приближался земного вращения

Плач в коммуналке чужого ребенка
Ночь на каталке в реанимации
Зеркало, как неживая иконка
Тысячи тЕней реинкарнации

Мантра растерянного метронома
Мы снова дома?

Необъяснимо, до зависания

Мрак приближался, тень за сиянием

Так на стекле проявлялась картинка
Помнишь? Тебе накануне приснилось
Детское имя больницы "Тропинка"
Где его сердце остановилось

Бисер рассыпанных капелек грома
Мы снова дома

Невыразимо, до отрезвления
Срок приближался движенья в прозрение

Маленький гром прошептал "Маргарита"
Снова есть боль и есть стук гулкой грудью
Чувствую кожей, в больнице обритой
Мы снова люди!

Мантра растерянного метронома
Мы снова дома

Ворон от Воланда

Сегодня вечер силы.
Черный ворон - он взял сонный город.
Закружил смерч.
И свечи ночи зажигает Воланд.
Станет боль любовью.
Это стоит свеч.

Ритму сердца Маргариты твоё сердце говорит ли?
- "я здесь"
Где-то рядом с тьмой сражаясь, взглядом мир преображая
- "аз есмь"

А над рекой кричит
черный ворон - станет страх позором,
вспыхнет мести меч.
На нас с тобой глядит туча-Воланд.

Дождь надеждой полон.
Это стоит свеч.

Масть черна, но ты же Мастер. Ночь нежна, гори на счастье!
- "я здесь"
Мы с тобой опять не знаем, что надежды не сгорают
- "аз есмь"

И пусть мы стали лет на сто старше,
но, у Патриарших,
старость сбросим с плеч
И будем пить вино с черным хлебом.
Слушать плач неба.
Это стоит свеч.

К возвращению дерзкой пары вспыхнет ночь любви
пожаром!
- я здесь
Ритму сердца Маргариты твоё сердце говорит ли?
- "аз есмь"

Иммортель-верлибр над горящей рукописью

Иммортель-то
Ужель стала вечной? И это из божьей овечки...

Маргарита -
конечно же, имя жемчужное не для подвалов простуженных

Аргмак-то
Кипит черный конь, ровный дьявольский тихий огонь

Погоди-ка
Ведь чудо чудес перед нами - Роман возвращается в пламя

Как выдох
Как будто бы там от и был, когда бог вдохновил

Нет! - как вдох

Нет! - конечно, не бог, нет, такого сказать убелённый не мог

Нет! - он только лишь уши

Руками своими зажал, как тисками, чтоб это не слушать

Как вышли, как гулко грохочут по мартовским крышам
Дожди, те, что ищут, в чье сердце забросить жемчужину,
Точку горькой любви, человеку простому не нужной

Те, что вечно

Обманчивой речью нашепчут о над-человечном

И слова их

Безумнее уст Заратустры в эпоху Биг-маков и мега
индустрии

Погоди-ка!

Но если роман возвращается, то значит, нам всё не
прощается?

Значит снова

Мы будем смеяться за ужином, за дешевым прекрасным
вином

Как смешно

Как же глупо, как коротко счастье в подвале простуженном

Как же дымно

Глаза заслезилась, там дождь и поэтому скверная тяга

Стало видно

Слова проявились на черном листе, где уже прогорела
бумага

Иммортель-то ужель стала вечной?

И это всего лишь один огонек из горящей в мире

Неужели и правда, бессмертной? - любви человеческой

Ни о чем я?Сегодня немножко дождливо...

*

дворец дождей
из дождика сложен
из радуги помнящей облака цвет
которое вдруг облекло белый свет
которое вдруг увлекло в менуэт
которое с плачем вдруг вылилось всё же
дожди уложив в эти камушки дождей
а был просто дождь -
вот же!

вода! вода!
пьют васильки
пьёт рожь
мы бегали по лужицам и пели:
пусть нас полюбят
как весенний дождь
который сеет радуги без цели
а просто радуясь
ах - мы бы так сумели
любить...

*

Блаженна тяжесть жадных струй.
Дождь хлынул. Вздрагивают розы.
Ужели влажный поцелуй
Уже и нежность, и угроза?

Блаженный дождь опутал дом,
От мира отделил завесой
О, как неистов первый гром,
Как тронул землю ток чудесный!

Блаженна тяжесть жадных струй.
Дождь только не ломает стекло.
Ужели влажный поцелуй

Уже и нежность, и жестокость?

Блаженна свежесть под дождем
Вода сегодня вдохновенна
На белом платице твоём
Выводит облик совершенный

Блажен
кто верует дождю

Дождем - Дажь Ом -
Поищешь ли имя, поющее более?

Блажен не ведающий слов
Поющий дождь

*

Есть некая жестокость мастерства
Растерянность исполненных желаний

Есть даже в обретении Божества
Святая недосказанность страданий

Есть радость в разрушении табу
Пускай за это навсегда из рая

Но вместе, к чорту, изменить судьбу
А там - пускай огнём оно сгорает!

Но если познается через грех
Свой, я сказал бы, - статус человеческий

То в чем тогда пожизненный успех?
Желанья обязательством калечить?

Да будет бог добрее, чем вчера.
Да будет чорт наивнее, чем прежде.

Да, снова начинается игра.
И стоит свеч подсвечник мой, подснежник...

Маргаритки на черно-белом

Сонеты твои
Наутро проснутся сонатами
Кисти рук твоих
На холстах художника чудаковатого
То подталкивают
То наугад подпевают
То эти краски слепые живой водой оживляют

Будто бы Понтий Пилат
Рад
Будто бы он не назло Сатане
Вымолил дождь слепой на черно-белой Луне
Будто бы смотрит теперь с небес
Не полумертвый бес
А маргаритки
Правда! - в саду Маргариты живые цветы
Живые! - как я и ты!

Как же легко просыпаются нынче
Тихие атомы
Словно их тронул грифелем Леонардо да Винчи
Или Моцарт коснулся сонатами
Или ангел воспринял наши попытки
Родиться поэтами
Наши ночные улыбки
Когда мы бредим во сне сонетами

...наяву-то мы знаем
Ворон сказал - значит, не может быть!
Но ночью мы снова
Как дети
Летаем - правда - не стыдно,
хоть и какая-то детская попытка
до любить

Маргарита уходит

Как уходят из ада?
Как будто из быта в разводе?
Или как из-под кайфа в похмелье тяжелой больной головы?

Молодильного яда
Эффекты так быстро проходят
И уже красоты моей, Мастер, не видите вы?

Мы уже не на ты?
Мы уже, мой любезнейший друг
Целованием рук обозначили холод прощения иконописный?

Вечер, ветер, мосты
Над рекою разлук пары поднятых рук
Странный звук... тихий плач возвещением ныне, и стыне, и
присно

Мы не можем просить.
Мы всегда никогда и сейчас почему же?
Кто умеет молиться тем легче, чем гордость имеюще и...

У кого бы спросить
Кто даёт ощущение единственно мужа?
Кто в награду за веру даёт ощущение разбитой любви?

Как уходят из ада?
Как в ночь босиком по разбитой дороге?
Как на стол хирургическим никелем ярко слепящий до
радужной тьмы?

Как сказать это надо - ? -
Мольбу об еще не отысканном Боге
У которого всё,

кроме страха отказа
в ответе на просьбу

которую
сможем ли
всё-таки
высказать
мы?

*

Отчего же печальная чаша Твоя
Не приносит душе упоенья?"
Испросил я.
И голос во тьме воссиял
И ответил Огонь на моление.

И нельзя повторить тихих слов за свечой
Ибо звук не подобен горению.
Просто было легко.
И еще - горячо
Там, где жил и потоков сплетенье.

И да все перейдет и пребудет сполна.
И да радость души донесу я.
И да горечь любви будет слаще вина.
И да чаша сия
Не минует.

*

АЛЕКСАНДР ПУТЯЕВ

1. Ни двора, ни кола не оставят
- 2.... И мне б – как вьюгам – наобум
3. Жарой довольствуюсь, июнем
4. Меня ты не дождался
5. Да видно же – вселенной нет покоя
6. Под стрехами икон, в углу заветном
7. И лишь бы лампа загорелась
8. Любимая!
9. Зажегся в окнах свет кавычками
10. Летим!
11. О, дай мне времени на сборы
12. Мой шар подбросили монетой
13. В прихожей тикали часы
14. Вдруг пристрастился к ереси святой
15. Ставьте крыши под капелью
16. Пока был занят проводник
17. Пусть голос мой останется тебе
18. Да всё ещё будет...
19. На небе!..Там!
20. Такая ночь! Ты рядом! Здесь!
21. Ты – точно музыка небесная
22. Я прикажу колесовать часы
23. Мне снилась ночь, когда меня не станет
24. Время, это алчная гадалка!
25. Я Богу действую на нервы
26. Я б, – как памятник
27. Руины оставляет век
28. Моя лучинка ненаглядная

*Расколышь же душу! Всю сегодня выпень.
Это полдень мира. Где глаза твои?
Видишь, в высях мысли сбились в белый кипень
Дятлов, туч и шишек, жара и хвои.*

Борис Пастернак.

Ни двора, ни кола не оставят
Подпереть износившийся дым...
То – не рай, а «подстава» без ставен,
Где и ангел с утра нелюдим.

Суетою своей одолели...
У разбитых ножищами врат,
Может, топчется вовсе без цели,
Или крыльями мнёт виноград...

Ты под коврик, где ключ от ступеней
Облаков, что летят над тобой,
Загляни – может, ветка сирени
Попросилась под вечер домой.

Не печалься: до первого всхлипа
Я на грешную землю вернусь
Из созвездья по имени «Скрипка»
Возносить нашу юную грусть

До небес, где дыхание – на грани
И – подобно задетой струне...
Будем с Богом на синие грабли
Без конца наступать при луне.

... И мне б –
 как выюгам –
 наобум –
К уже имеющимся двум
Приладить полюс,
 где бы слёзы

Сковала жёлтая мимоза,
Что задыхалась на лету
И на пол сыпалась от боли,
Едва завидев пустоту
На рано
 выцветших
 обоях,
Чтоб добираться на санях,
Карабкаться
 ещё спросонья
По небу –
 в жёлтых волдырях
От ослепительного солнца –
К тебе,
 лежащей на краю
Тех горизонтов,
Где чуть дышат
И крыши рыжие крадут,
Чтоб загорать
 с тобой
 на крыше...

Жарой довольтвуюсь, июнем;
И перекладывать бы рад
Хоть сто веков сплошным изюмом,
Как булку, мятный водопад.

Его калитка невесома...
Нырнёшь – стеклярусом звенит.
Здесь вместо тяжкого засова –
Почти безоблачный зенит.

К ногам твоим сгребу камня.
Им, перевозанным, нет цены.
Я обрамлю твои колени
Хрустальной лентой волны.

Мы –
Судеб склеенные части...
Хвала Всевышнему! Хвала!
Давайте звёзды бить на счастье,
А не посуду на столах!..

Меня ты не дождался,
 Век кружев и гардин.
 Давно ты смыт дождями
 С затерянных картин.
 И пули просвистели...
 Кто их вернул на круг,
 Как птичьих стай качели,
 Что с севера – на юг?
 Все та же над поляной
 Полощется заря,
 И воздух полупьяный
 Цепляет за края
 Одежд цветов и сосен...
 Мне жаль ушедших дней:
 Тот кучер был несносен –
 Загнать таких коней!..
 Та звездочка – с погона,
 А лучик – с томных век...
 Ты спрятан за колонной,
 Серебряный мой век?!

Да видно же –
Вселенной нет покоя:
С повадками конвойного
Эфир
За каждый вдох –
круги штрафные крови
Рисует,

Обустроивая мир!
Плевать ему сто раз на непогоду,
На то, что не могу тебя обнять
Без малого почти уже полгода,
Поскольку сеть –
Как в церкви благодать.
И грустью перекинешься,
И, вроде,
Отмолишь нужной опцией грехи.
Подступит ком, –
И залпом чушь городишь,
Похожую под утро на стихи;
А нет бы прежде,
 обратившись к Богу,
Спросить –
Зачем же он себе на крест
Откладывал те буквы понемногу,
От коих нет ни проку, ни чудес...

Под стрехами икон, в углу заветном,

Где ты молилась за меня не раз,
Подобно в серебро одетым вербам —
Слезоточит
Нерукотворный Спас.
Как чётки,
грусть моя

не перестала
Перебирать отцветшие поврозь
На веточках остывшие кристаллы –
Пушистые –
как варёжка в мороз.
И всё теперь здесь дышит неподвижно,
И пыль, –
проводишь тряпкой, –
Не прогнать
С закапанных свечей старинных книжек,
Чей смысл в объятьях «ятей»

Не понять.
Всё старится,
 что странно и любимо,
Чему названья не было и —
 нет,
Чего сто раз
 легко
 проходишь
 мимо,
Не передав поклонами привет.
И жизнь пройдёт...
И всё проходит, вроде...
И вот уж сам —
 и немощен, и сед —
Готов собакой сбившейся с дороги
Былых печалей взять желанный след.
И пусть мороз!
И пусть искрится снег!
Надеюсь,
Что хотя бы по талонам
В горячие и добрые ладони
Дадут лизнуть
Мне,
Господи,
Вас
Всех!

И чтобы лампа загорелась...
Из М и М
М.Булгакова

**И лишь бы лампа загорелась,
И чтобы стало так,**
как прежде –
Крестом уложим эдельвейсы
На рельсах,

чтоб разлуки – реже...
Слова, униженные трижды,
Нанижем –
как хоругви –
в столбик;
Отправим телеграммы нищим,
Нужду встречавших
хлебом с солью.
История кишит мздоимством,
А мы «за так»
сойдём в сонеты...
Отметим тезоименитство
Своих дуэльных пистолетов!
Споём столетьям аллилуйя.
Уйдём,
Но прежде за собою
Застелем небо поцелуем
За то,
что просто –
Голубое!
И лишь бы звёзды загорались
На нескончаемых
Конечных, –
Тебя искать в толпе астральной
На всех немыслимых наречьях!..

Любимая!

Моё ты облако!
Глаза открыл, а рядом ты
Спишь на плече, –
как скрипка в обмороке,
Как белый лебедь у воды,
Трехперстием крещённый
омута...
Прости!
За всё меня прости:
За эту маленькую комнату

С убранством башен крепостных,
Где развернуться негде лучику,
Где б лучнику стена –
 впритык,
Где только гаммы и разучивать,
О деку уперев кадык...
Опять пролью на скатерть музыку...
Не привечайте скрипача:
Мне,
 если б дали в руки
 кузницу –
Из струн бы принялся тачать
На счастье выгнутое хоботом,
Заброшенное в провода,
Хоть что-то путное,
 как облако,
Что будет в небе пропадать.

Зажегся в окнах свет кавычками –

На пятом и на первом справа.
Машу тебе зажженной спичкою
С заснеженного
 тротуара.

Наверно,
 женщине другой
Чертовски ночью знать охота,
Зачем прилип одной ногой,
Как поредевшая пехота
К плацдарму,
 к злому пятаку
Насквозь промерзшего асфальта,
И огоньком во тьме верчу,
Не зная, как бы мне остаться.
Сам не пойму,
 зачем на кон
Поставлен миг печали светлой
И с шапкой белою балкон,

Где от потухшей сигареты,
Витали горькие клубы:
Семь футов –

как воды под килем...

Прощай, чтоб я не разлюбил
И чтоб меня

не разлюбили!

Но,
Изучив меня придирчиво,
Иль так – дежурная по дому –
Чужая тень в окне

за спичками

Метнулась к столику ночному...

Летим!

На скорости педаль, –

Не факт,

что спьяну иль с испугу,

Нарочно спутал,

Чтобы даль

Замкнулась вновь волшебным кругом,

Чтоб сердце врезалось в февраль

И полетело юзом,

юзом –

Как с полки кухонной

Грааль

С хрустальным звоном

В снежный Суздаль!

Давай выдумывать число:

Любое –

Чтобы пахло ёлкой,

Чтоб чисто было и тепло

В возникшей на пути

светёлке.

Давай постель не убирать,

Не ссориться, не мыть посуду,

Не стариться, не умирать

Жизнь изумительна покуда.
Уж я заставлю зеркала
Кружить,
Чтобы не дать прицелиться
В овал лица,
В колокола
С прищуром,
 как у эллипса.
Я постелю к твоим ногам
Ковёр,
 метелью вытканый;
И с плеч сниму одежд нагар,
Как со свечи
 на выданье...
Давай дыханье участим
И снова влюбимся друг в друга,
Чтоб –
 как спешащие часы –
Замкнулась жизнь волшебным кругом...

О, дай мне времени на сборы
И научи круги срезать,
И виснуть розой на заборах,
И руки преданно лизать;
Смотреть в глаза печально Богу,
На белых лилиях гадать,
А ночью лаять на дорогу,
Когда не будет сил шагать.
О, дай мне времени проститься
И постриг осени принять,
Пошли мне праздники – поститься,
Назначь мне губы – целовать.
Когда заметишь в небе птицу,
То радугой дозвошь сковать
С ее крылом свои ресницы,
Чтоб больше глаз не открывать,
Чтоб журавлем взмывая в небыль,

Не видеть, прячась в облаках,
Как ты, тоскуя, смотришь в небо,
Синицу пестуя в руках.

Мой шар подбросили монетой.

Пока что катится

Куда-то.

А дышишь,

 будто бы на ренту,

Особенно –

 лицом к закату.

Останемся

Не в этой жизни!

Укутайся

В стихотворенья!

Мы никогда не разбежимся

По безвоз-

 вратным

Измереньям.

Там листопады пахнут Бахом,

Сонатой,

Спрыгнувшей

 с балкона...

Останемся хотя бы прахом

На барельефах Парфенона!

В прихожей тикали часы

С каким-то маятником странным.

Он передергивал басы

И к стенке пятился со страха.

За нею –

 детская кровать,

И в шаге –

Створчатые двери.

Ещё барометр,

чтобы знать,
Что ничему не стоит верить.
Повсюду предков колдовство
Со стрелкой –
 к «пасмурно» и «ясно».
Я раскурочил волшебство:
Жизнь бесполезна,
 но прекрасна!

Вдруг пристрастился к ереси святой...

А, чтобы по ночам не разлучали,
Подушечками пальцев – как слепой,
По Брайлю* перечитывал печали.

И головой вертел как домовой,
Ища глазами за оконной рамой
Хотя бы луч, оброненный луной,
Поскольку оживить не в силах мрамор.

Я извлекал, алхимиком рядясь,
Из желтых листьев прежние виденья,
Чтоб класть их под подушку, не боясь
Проснуться, не увидев рядом тени

Той женщины, что я всегда любил,
А убеждал, дурак, что всё проходит,
И все они – лишь облако чернил
В бумажном, разлинованном проёме.

*- Азбука Брайля для слепых

Ставьте крыши под капелью

В вас влюбившихся берёз,
Чтоб развеять грустный пепел
Дней, что прожиты –

Потому что это чудо –
Заблудиться и упасть
Возле пруда,
где повсюду
Колокольчиков напасть;
Потому что в жизни нашей
На клочках,
как и стихи,
Ежедневно мажут сажей
Кровь
простые пустяки;
А тогда,
как в изголовье
Крест поставят, –
ей же, ей! –
Даже колья от забора
Затоскуют без корней,
Потому что
под капелью,
Где любимые живут,
Можно,
громко хлопнув дверью,
Дважды в дом войти,
где ждут...

Пока был занят
Проводник,
На самом крайнем перегоне
Лицо –
 как в бездну –
 уронил
В твои
 бездонные ладони.
Пока,
 стаканами звеня,
Он засыпал в купе служебном,

Тоннеля свет манил меня,
Сплетенный пальцами
 волшебю.
И ощутил иной придел,
Где –
 уходя от ласк и взоров,
Лес не кончался, не редел –
Стонал,
 на атомы разобран.
А дальше не было зимы.
Лишь жуткий холод на перроне,
Да в небе –
 странные дымы
Над
Кем-то –
 машущим ладонью.

Пусть голос мой останется тебе
И музыка,
 что я во сне придумал.
Я даже записать её успел
И провести
По тонким акведукам
Над пропастью,
Что встала меж людей
Таинственно,
 как в церкви
Богоматерь...
(Я верил в этих белых лебедей
На коврике над детской кроватью).
Ещё не зная,
Что там,
 за стеной
Ладони материнской,
Током крови
Мне был обещан

Царственный покой,
Божественный,
 как на её
Покрове.
Я помню эту нежную ладонь,
Скользившую по лбу
В холодном поте.
Пред нею отступал больной огонь,
Причастный к сыпи,
 судорогам,
 рвоте.

Моя спасительница!
Ма!
Моя икона в темноте извечной!
Когда умру, ты всё опять сама:
И причитать,
И в церкви ставить свечи,
И краски разнимать,
 и скипидар –
Не выдохся б,
Как утро на Монмартре! –
Закроешь пробкой,
 чтобы написал
Когда-нибудь тебя,
Как
Богоматерь...
Пусть голос мой останется тебе,
Пусть грусть моя отправится однажды
Под облака,
 как пара лебедей,
Над головой
По комнате витавших.

Да всё ещё будет...

Да всё ещё будет:
И розы,

– Который час?..
Уже не могут знать.
Но над землёй невидимые нити
Все в узелках,
 чтоб помнили о нас,
Протянуты навечно,
 как наитье...
Весь этот мир –
Безделица для глаз!

Такая ночь! Ты рядом! Здесь!
Не существуют измерения!
Свечу задуть...
Тебя раздеть...
Разбить на атомы мгновенья!..
Прижать к своим губам!
Любить!
Запястьями замкнуть пространство!
И заточение продлить,
И упросить навек остаться:
Ведь платьям
 с ворохом пижам, –
Как будто мир и вправду тесен, –
Так упоительно лежать
Без вешалок
 на спинках кресел!
Я забываю,
 как дышать,
Когда разрез рубашки –
 бездной.
Пока не мне – твоя душа –
Я, право, –
 бездарь.
В ложбинке на груди твоей
Сложу желанья,
В губы
 брошусь.
Мурашки по спине –

елей...

Бессмертье нахожу
На ощупь...
О, эта мраморная тень!..
Так вот с ума сходить умеют
Лишь призраки
Средь голых стен,
Когда миры вокруг
Пустеют.

Ты –
 точно музыка небесная,
Когда дождём стекает с крыш!..
То грустно,
 то легко и весело –
Над тучей зонтиков
Паришь
В моих видениях,
 пророчествах –
Невероятная –
Как яд,
Что до сих пор в бокале корчится,
Крича,
Что он такой – как я...
Досочиню тебя
 без Моцарта.
Просунув голову в овал,
Спрошу у Бога нот некоцанных –
Чтоб прямо с косточкой сорвал
В саду,
 где зноем солнце вышито,
Где ты –
 как реквием в траве –
Лежишь упавшей с неба вишенкой,
Пока стою на голове
От счастья,
 что безумья – поровну
В органах, в звёздной тишине...

Октавой, пальцами обобранной,
Прижмись,

как музыка

ко мне.

Люблю!

За то, что заколдована,

Что от трезвучий разомлев,

Вдруг, —

как ладонь, летишь под голову,

Когда печально на земле!

Я прикажу колесовать

Часы, где встречи назначали,

Отправлю в глушь,

Сошлю в леса —

Следы печатать,

как вначале,

Когда холодный липкий снег

Морозил тонкие подошвы.

Да сам бы выкатил на площадь

Сугроб,

чтоб целовать при всех

Тебя в пушистые глаза

И в губы —

на пару

У входа

В метро,

Где ёлочный базар,

Где воровство и непогода.

А нам —

не ехать, не копить,

И не копить пальто и шубу,

Садясь в зловонную маршрутку.

В ночные дали,

так и быть, —

Пешком — на поиски пустыни,

Где круглый столик на двоих

И время шпарит холостыми

Над самым ухом –
Тик да тик...

Мне снилась ночь, когда меня не станет

И лунный свет пожухнет за окном,
Как белый лист, что на столе оставил
Под скрепкой, где безмолвия канон

Дрожал, поскольку знал, что существую
И верую в прощальные слова,
Что покрывают плачем мостовую,
Когда не держит больше голова

Ни причитаний, ни обетов знойных,
Ни возгласов, что я в себе гашу
От мысли, что другой раскроет зонтик
Над вами, –
Как потом всё опишу,

Когда меня не хватятся, – ведь умер! –
Куда попало брошенные быть,
Потухшие, как воспаленный зуммер,
Все «Ах!» и «Ох!» в двуглавых запятых?!

Время, это алчная гадалка!

Дай-ка с циферблатов соскребу
Цифры, от которых было жарко,
Как от пули бешеной во лбу.

Сколько жить осталось, правый Отче?
Из гирлянд, из ёлочных огней,
Мне не свить волшебной звёздной ночи,
Не шептать под утро: «Шаганэ...»*.

В наших святцах, где витала нежность,
Не осталось вкрадчивых имён.
Я на них молился было прежде

Втайне, будто Столпник Симеон...

Губы, губы! Губы душегубы:
И молитвы превратят в стихи!
Заплачу цыганке, не торгуясь,
Сосчитав по осени грехи.

В линиях ладоней только тяжесть;
Врут, как домовой навеселе,
Проклявший домов многоэтажность
С чехардой балконов-монпансье.

Я Богу действую на нервы.
Пред церквушкой в образах
Зайдётся сердце веткой вербной
И не найдётся, что сказать.
Поклон земной. А дальше, Отче,
Что будет дальше, и зачем
Целуем крест и бред бормочем,
То в Парус веря, то в Ковчег?
А эти бранные вериги –
Пиры и тяжбы наяву?!
Скажи, хотя бы для интриги:
Ужели правда, что живу?!

Я б, – как памятник, –
Из кожи –
Ради славы –
Никогда!
Только зависть и поможет,
Чтоб забыли навсег-
да.
Не ходите в бакалавры,
Не учите назубок.
Кто же даст нам в руки лавры –
Проще веник и совок.

Не услышан –
Да увижу
Белый сумрак в темноте!
Постаменты
 ненавижу –
Как и гвозди
На кресте!
Вы же немые, глухие,
Или
Так земной устроен шар:
Ждет, чтоб колокол отлили –
Как серёжки на ушах..
Просто так –
Из суеверья –
Добровольно –
Не за страх –
Мы сжигаем наши перья
На рябиновых кострах!

Руины оставляет век,
А веки
 вспоминают с жаром
Биенье звуков в створках дек
И танцовщиц Мохенджо-Даро*.
В ее руках кувшин с вином
Покат, заласкан,
 точно плечи...
Калибанганский гость беспечен
В том измерении ином.
Она бессмертьем налита.
Он оплатил полоску плоти,
Ведь мир без похоти бесплоден,
Как жесты танца живота.
За шторами ее ресниц
Сон зашифрован.
Но бесстыдство
Уставших окрыляет птиц,

Когда им дальше не летится.
Продажных губ исчезнет след,
И – попрошайками с базара,
Умчатся в безвозвратность лет,
Где все теперь легко
И даром.

*Скульптурному образу танцовщицы из г. Мохенджо-Даро времен высокоразвитой хараппской (Индской) цивилизации, чья письменность до сих пор остается нерасшифрованной, около пяти тысяч лет.

... И скамейка в снегу
Без влюбленных на ней,
И шаги без аллей,
И цветы –
Набегу,
И цветы на полу,
Даже тень якорей –
Превратятся в золу...
Надвигается вал.
Начинается шторм.
Взявший в руки штурвал,
Ну, а дальше-то что?!

Моя лучинка ненаглядная –
В солёных брызгах –
 босиком.
Не в этом месте ли –
Полярная*
Была присыпана песком?
Почти как яблоко от яблони, –
И триста световых –
 не крюк, –
В небесно-золотом купальнике –
В созвездии очнулась

Рук.
Светло и днём и ночью.
Полноте,
Не станем свечи зажигать.
Я знал:
Однажды
В этой комнате
Со мною рядом будешь спать.
Так было больно
В Никуда,
Срывая с окон занавески,
Кричать –
 как в Ссудный по повестке –
«Гори, гори, моя звезда»!

СИЯНИЕ ФЕАНО

СПАСИБО
В НИГДЕ
ВЕНОК
ЗВУЧАНИЕ
ВСЕ ПРОЙДЁТ
В ЧАС, КОГДА
ОРАКУЛ
РЯДОМ С ТОБОЮ
ПУСТЬ НЕ КОНЧАЮТСЯ
ЛЮБОВЬ ЗОЛОТОКРЫЛАЯ
ЦЕЛЬ
ЭТО МЫ
ТВОРИ
НИЧТО ПОЗНАЮЩЕЕ
ЕСЛИ Б
ЗАВЕЩАНИЕ
ЧУДЕН БЕГ ВРЕМЕН
НА КАЧЕЛЯХ КАЧЕСТВ
НА ЗОВ СВИРЕЛИ
ВАРИАЦИЯ
НА ЗЛАТОМ КРЫЛЕЧКЕ БЫТИЯ
ВОЕДИНО
ГДЕ ВЫ МОИ ГОДЫ
СОХРАНИ
ЛИВНЕМ СЧАСТЬЯ
В ДЫМКЕ ЗИМНЕГО ДНЯ
ЗОЛОТАЯ МОЯ ПЕЧАЛЬ
КУДА ВЕДУТ ДОРОГИ
ВСЕ – Я
ПО-СТАРИННОМУ
СФИНКСОМ НЕ ВЕТВЯХ
СЛОВО ВОДОЛЕЯ
РОЖДЕНИЕ АФРОДИТЫ
КОСМОС ЗАЖДАЛСЯ ТЕБЯ
ЧУДО МИРА
ЭФИРНЫЕ ЗЕМЛИ
ПРОТЯНИ РУКИ
МОГУ

СПАСИБО

Я пришла в никуда... и ничем назвалась...
Исчезала волною и сетью рвалась...
И упала средь звёзд и... забыла про свет...
Про себя, про тебя, про желанный ответ...

Я воскресла! Я ландыш, прозревший в капель,
Я раскрылась рассветом, забылась в метель.
И в толпе я хожу светлой тенью Тебя...
Тихо, тихо струится времён колея...

Я пришла, уходя, все минутки, как вечность,
Я припомнила сотней веков скоротечность...
И венком многоцветным в спираль завилась...
И дышу... предрассветом!
Зари дождалась...

В НИГДЕ

О, жизнь,
печали, горе – в серебро!
Достигнутое всё – в сосуд небес!
Растает сон, забвения добро,
Очнусь среди невиданных чудес.
Но с памятью
 рельефности стихов,
Колоколов гармонией звуча,
Я соберу с земли поляны слов,
И снов, цветов... на острие луча!
Стремленья вдохновенные людей,
И гор крылатых призрачную шаль,
Дыханье моря, шёпот ковылей,
Ущелья дум и чувств былых печаль...
Сумею ли пролить в бездонность лет
Звезды моей волшебной чистый свет?

ВЕНОК

Я сначала пишу, а потом узнаю
И сюжет, и канву, да тихонько пою...
Кто же ноты мне пишет, и кто музыкант?
Зачарованный кем проявился талант?

Мой Аттар, Лао - Цзы?
Пифагор, Идрис Шах?
Мой Ахмед или Ницше? Бедиль?
О, Аллах...
Я какому же Богу себя отдала?
И к кому полетела из сердца стрела?

Вот венок из имён, я их тень, им верна.
С ним я слита, как с морем живая волна.
Возрождаюсь и таю - так сердце стучит,
Так глубин океановых сущность молчит...

ЗВУЧАНИЕ

Моя любовь... слепа, глуха, безумна...
Во всём - Тебя лишь вижу я, мой друг,
Мой путь к Тебе - твоих объятий круг,
В звучании, что истинно бесшумно...

Моя любовь не знает капель страха,
Сомненья плен и горечи утрат,
Неведомы ей тернии преград
Земных путей и бездны тьмы и краха.

Ты млечные пути мои узри,
И сотни солнц сияющих вселенных
Рождают свет в тишайше откровенных
Мелодиях волшебницы зари...

ВСЁ ПРОЙДЁТ

Всё пройдёт, всё пройдёт...
И растает, как дым...
И святыни, и память, и боль, и восторг,
Так не лучше ль сейчас прекратить этот торг
За признание в миру... пред порогом иным!

Отправляясь в поход, позаботься о том,
Чтобы с лёгкой душой возвратиться в свой дом,
Пусть совершенья твои, и слова, и мечты
Обретут совершенства благие черты.

Всё пройдет... Это ум говорит - всё пройдет.
Но творящее слово любовью взойдёт!
Ум рождает дитя... Бог рождает умы.
Только спелое семя рождает миры!

В ЧАС, КОГДА

В час, когда...
Ты устанешь от жизни земной,
В час, когда обратишь ко мне ясные очи,
Загорятся зарёю все чёрные ночи,
Ты увидишь рассвет для бычины иной.

Залюбуешься сказкой волшебной души,
И сумеешь забыть все земные печали,
И родными окажутся дальние дали.
Зазвучат колокольчики нежной тиши...

Этот час, как волна от морского прибоя,
Смоет пыль с твоих ног и следы на песке,
Обратишь свои взоры ко мне... вдалеке,
Погружаясь в зарю бесконечного моря.
В час, когда...
от земного пробудишься сна,
И вернёшься домой прилетевшей стрелой,

Ты узнаешь, что память от прожитых лет,
На ладошке узором раскроет секрет.

Пробежишь ты по нитке над пропастью тьмы
Прошлых жизней твоих, освещая умы,
В час, когда ты себя... разглядишь до конца,
Ты увидишь и вечность свеченьем кольца!

Осознаешь сплетение судеб земных
В основании мифа миров молодых.

ДЕЛЬФИЙСКИЙ ОРАКУЛ

Оракул, явившись сиянием крыл,
Мне тайну грядущего дня приоткрыл.
Ну, как ни поверить, ну, как мне ни ждать?
Уж лучше не жить! Ни любить, ни мечтать...

Потом до звезды приподнял, как в кино, -
И прошлые жизни открыли окно.
Ну, как замолчать мне, и как не писать?
Уж лучше немую, глухою мне стать.

Когда б только это, но тут не конец -
Ещё показал Он мне миг и венец!
Не я, и не мне, ни жива, ни мертва...
Уж этим закрою свои я уста.

((0))

*Когда меня зовет к себе небесный хор,
Даруя рифмы, вовлекая в разговор,
Я превращаюсь в вихрь высокой частоты,
Вращая мир реализуемой мечты...*

НИЧТО ПОЗНАЮЩЕЕ

Я слова в древнегреческих одах найду,
В древнерусских былинах - сюжеты.
В пирамиду Хеопса волною войду,
И услышу Атлантов заветы...

Помолюсь неразрывному ходу времён,
И, оракула глас ожидая,
Я сраженья увижу сильнейших племён,
И... пойму их, умом оживая.

Гибель воинов, рожденье религий земли,
Чудеса чародеев и храмы,
И сокрытые в недрах, в пучинах воды,
Тайны мира, и смысл монограммы...

Я пойму назначение жизни земной,
Сопряжение звёзд во вселенной,
Да узнаю секрет оживленья водой.
Засияют миры во мгновенье!

Я - ничто, познающее грани всего,
И познание дарит мне радость.
Время - всё,
Исчезающее существо,
Создаёт то, в чём вечно останусь.

((()))

Порою, кажется, что жизнь перевернулась,
Друзья забыли, а удача отвернулась...
И непонятно, отчего змея кусает,
А это жизнь... тебя на прочность проверяет.

РЯДОМ С ТОБОЮ

Птицы летят в небе моём,
Белым и чёрным машут крылом.
Быстро летит время земное,
Восточкой света – я за тобою.

Воздух звенит в небе моём,
Дивный орган слышу я в нём.
Дальше... слова, чувства и вновь!
Слышу тебя, вижу любовь.

Мчится судьба ввысь, напролом,
Белым и чёрным веет крылом,
Пусть улетит, срок ей не вечный...
Путь я нашла: мир бесконечный.
Зреет душа в теле мирском.
Гордо звучит в радуге - гром.
Дальше живёт, в духе сияя...
Тайну узнав, не умирая...
Я говорю в небе моём:
Мир постигай ночью и днём.
К звёздам летит пульс непокая,
Видишь, лечу... рядом с тобою!

ПУСТЬ НЕ КОНЧАЮТСЯ

Ну, не кончаются слова...
И мысли льются, как молитвы.
Что ж, я пока ещё жива: поют приливы вечной битвы.
Морской прибой во мне живёт,
Как будто дышит всей вселенной
Душа моя, и свой полёт я совершаю сокровенный...

Ну, не умеет голова... закрыть уста, глаза и уши,
Пусть... не кончаются слова...
В огне, в воде, да и на суше!

Пусть я сгорю - морской прибой
 меня волной своей разбудит,
Пусть я умру - огонь живой
 вновь воссоздаст, не позабудет.
Пусть утону - на дне найду. вулкан, и рифмами - цунами
На землю грешную приду, и оживлю мой мир словами...
Пусть не кончаются слова!

ЛЮБОВЬ ЗОЛОТОКРЫЛАЯ

Молюсь тебе, любимая, нежнейшая моя,
Любовь золотокрылая, тончайшая струя...
Тропинка над обрывами, роса хрустально-нежная,
Порою ты игривая, порой - тоска безбрежная...

Как небо ты открытая, как тайна неразгаданная,
Тобой в мирах разлита я, навек с тобою связанна...

Молюсь тебе, красавица, дикарка незнакомая,
Лавина... мне ж не справиться... с тобою, мной ведомая,
Ведущая к гибели, с обещанным спасением,
С таким чудесным именем, с таким тягчайшим
бременем...

Уйди, хоть на мгновение, позволь душе забыться!
Неужто преступление - в тебе, в любви родиться?

В твоём плену обманчивом, в твоих початках золота,
В очах прекрасно-сказочных, спасающих от холода,

Рождающих томление, сжигающих в контрастности
Отжившие стремления в своём ауле страстности.

Любовь непостижимая, мечта сердец поэтов,
В годах неудержимая -
Любимая всех светов!

ЦЕЛЬ

С какою же целью пришла я к себе:
Земной, ограниченной тропкой в судьбе?
С какою задачею дух воплотился,
Ветрам ощущений и чувства открылся?

Ужель расцвести и печально уйти?
О, нет, - опыт зрелый желал он найти!
В земных достижениях капельку мёда,
В оковах земли хоть глоточек свободы.

И чувства-цунами хотел испытать,
Узнать, как поёт колыбельную мать,
Увидеть свой профиль при мысли мудрёной,
Испить поутру из колодца студёной

Живительной влаги, понять старика,
Что, сгорбившись телом, влюбился слегка.
Прочувствовать силу здорового парня,
Насытиться хлебом, что пёкся в пекарне,

Пройти по канату под куполом цирка,
Понять - за заплаткой скрывается дырка.
Земные одежды сносить и покинуть,
Отжившие штампы отправить на льдину,

Да слиться с небесной, родною волной,
И в ней зазвучать запредельной струной!
На новых октавах, но с опытом жизни
Земным,
ограниченным рамками мысли.

ЭТО МЫ

То ли песенная повесть,
То ли хор на карнавале,
Несравненные звучанья возникают из Дали...

Вот улыбки вместо грусти - дрогнут руки на штурвале!
И невольное признание – это наш Ковчег Земли!

Радость дружбы после страхов, и сомнений, и плененья,
После горестных раздумий - пал соперничества пыл,
Боги людям подарили мир волшебных озарений!
Звёзды души осветили...
И Корабль наш поплыл!

Больше света и улыбок на измученной планете.
Океаном вдохновенья выдвигаемся из тьмы!
Взялись за руки, как дети. Понимаем, что в ответе
За рассветы на планете, за прозревшие умы!

И пошли как в хороводе, пусть невидимом глазами,
Но единое движение порождает свет в душе,

Светим звездочками рода, управляя парусами,
Наполняя каравеллу сказкой звездного клише.

Вы не верили, что можно так смеяться, словно дети,
Будто войны и кошмары - порожденье злого сна,

Подымите взоры выше, - блещет солнце на рассвете,
Погибают в свете алчность и жестокость, и война.

Галактические будни - это музыка, картины,
И поэмы, и дуэты, сказки, притчи разговор,

Это дружеская помощь и звучанье мандолины,
Лишь для этого нам звёзды дарят творческий простор!

ЕСЛИ Б

Если б можно было взять, да постараться:
Не лениться, не лукавить, не грешить,
На других по пустякам не обижаться,
То, скорей всего, не стоило бы жить.

Если б можно было жить, не ошибаясь!
На чужих ошибках шишки не набить,
Эгоистами не быть, в других влюбляясь,
То, скорей всего, не стоило б любить.

Если б можно было... счастье всё изведать!
Насладившись жизнью, взять, да умереть.
И десертом напоследок отобедать,
То, скорей всего, не стоило б хотеть.

Если б можно было жить, не умирая,
Про невзгоды и грехи свои забыть...
То, земных ошибок смысл не постигая,
Ты не смог бы и родиться, чтобы быть!

ЗАВЕЩАНИЕ

Ты не сможешь всё прочесть,
Но не печалься,
Всё в стихах моих не ново... Смысл и форма.
В них - древнейшая миров первооснова,
Я танцую в ритмах строк под стоны вальса...

Под дыхание и смех, и разговоры
Тех миров, где я бывала и где буду,
Мысль подобна хрусталю иль изумруду,
А слова.. они всего лишь тени, вору...

Много тысяч я стихов тебе сложила,
Но не стоит возвращаться, чтоб понять, -

Жизнь кипит! Не повернётся время вспять!
Я саму себя стихами закружила,

И спиралью с золотыми свет-корнями
Я в сознание миров вросла душою,
Цветом ландыша, камчатской черемшой,
Паутинкою с росой, сердец лучами...

Знаешь сам, что всё на свете скоротечно,
В переменах воды времени, течение
Звёздных рек и сокровенное значенье
Смысла жизни и того, что ныне вечно.
Отпусти на волю думы и печали,
Слушай сказки старины мудрейшей мысли,
Я люблю тебя, мой свет, превыше жизни,
Увлеку тебя в свои родные Дали...

Ты не сможешь отказать мне в завещанье,
И не смеешь ты перечить мне в любви,
Эхо слов моих - мерцание яви,
А любовь души - и есть все мирозданье!
В каждой клеточке, пылинке и эфире,
Я - везде,
Во свете спектров преходящих,
И в истоке всех времён,
Я - настоящий
Миг и таинство, что в лоне чаши мира.

((O))

Там, откуда ветер дует,
Ты отыщешь сладость пира,
Где умом владеет лира,
Вдохновение колдует...

ЧУДЕН БЕГ ВРЕМЕН

Чуден бег времён, кружит вихрем танца
И волнует взор этот дивный плен,
В мире перемен - ищем постоянства,
В мире постоянства - жаждем перемен.

Тонок мир души, хор переживаний
То горит огнём, то страшнее льда...
В мире перемен дерзостны признанья,
В мире постоянства - не идут года...

Словно ураган подхватил планету,
Крепче же держись за земную ось,
В мире перемен быть и концу света,
В постоянстве жизни... смерти не нашлось...

НА КАЧЕЛЯХ КАЧЕСТВ

В тёмный грот душа моя спустилась...
Вскрыла недра лезвием кинжала...
- Что же там? – познать она желала...
Мир изведав, к свету обратилась.

Суть мелодий - в лоне тишины,
Танца суть - в недвижимости мира...
Формы - явь незримого эфира,
До чего ж волшеббно хороши!

В них хочу лететь, как весть благая,
Без преград и торга от ума,
О, Творец, творить хочу сама,
На Твоих устах слова слагая...

Песнею хочу стать сфер небесных,
Ритмами идей, начальным звуком,

Молоком души, вселенским слухом
В храме муз фантазии чудесной,

На качелях качеств, в звёздном пухе,
На спиралях жизненных потоков...
Эй, душа, продай мне вечность сроков
За кристалл, что вырастила в духе!

Ах, душа, купи себе обнову,
Лучших, знай, нарядов в мире нет,
И дари, дари же в мир свой свет,
Помня, что в начале было Слово!

НА ЗОВ СВИРЕЛИ

На зов свирели дивной
Спешу к родным истокам,
Тихонько подпевая мелодиям дали,
Под гул ветров и гимны
Я шлю прощанье срокам,
Моменты озаренья с ума меня свели...

В полёте иль шагаю, парю на троне мысли,
Вращаюсь, иль мерцаю, - самой мне не понять.

Как сеятель галактик, творю сознанием жизни,
Как фантазёр и практик, дитя, отец и мать.

На зов мечты из сказки
Слетаются все звёзды,
Кругами распластались и водят хоровод,

Блещат лукавством глазки,
Переплетая грёзы,
Сюжеты, быль и небыль из древних, сущих вод...

ВАРИАЦИЯ

Вариация в снегопад -
Словно мысли живой наряд,
Из тончайшего серебра -
В золотые небес закрома.

Пусть в амбаре полным-полно
Драгоценных даров времён,
Я приду на златое гумно,
Прокричу: - Снова дух пленён

Красотою чеканных слов,
Пересветом морозных дней!
И опять растает засов
На дверях у башни моей...

И опять на земном берегу
Я пойду собирать друзей,
Сквозь метели, буран и мглу
Увлекая из мира теней...

((0))

Смерть упрекала Жизнь... в несовершенстве:
- Бессмертно совершенное блаженство!
Ей Жизнь в ответ: - Но я дала права
Тебе явиться и сказать слова!

НА ЗЛАТОМ КРЫЛЕЧКЕ БЫТИЯ

В точке схода всех осей симметрии,
На златом крылечке бытия,
Я поймала тайну геометрии
В месте, называемом Земля...

Вместе с нею кружимся мы с песней,
Музыкою Сфер Земля звенит!

Что иное может быть чудесней?
Вот сердечный, солнечный магнит!

И не спорьте, кто же слышит лучше,
Дальше видит... Всем - единства дом!
Всплеск души сомнения разрушит,
Вихри звёзд сияют подо льдом.

Я тихонько сяду на крылечке,
Сердцем свою песенку спою,
Про судьбу в златом времён колечке,
Про любовь к Тебе в земном раю...

ВОЕДИНО

Я бывала златом, медью,
извержением вулканов,
И волной, и птахой, твердью,
нежным пологом туманов,
Я бывала зноем ада и болотную трясиной,
Откровением заката и звучащей мандолиной...
Вспомни русла прежних жизней,
Не коря и не ругая...
Мир вокруг – творенье мысли!
Он кипит, собой пугая
Нас, - несчастных от судьбины,
Нас, - забывшихся в неволе,
Нас, - творцов своей быliny,
 исполняющих все роли...
Мир вокруг – мираж на сцене,
мы ж друг другу – зеркалами
Отражаем в перемене хитроумными ходами
...Мысли! Каждый – царь, ваятель,
Режиссёр своей судьбы,
И актёр, и почитатель, словом, автор сей Игры.

Ты не помнишь, как очнулся от глубокого забвенья?
Мир в мгновенье содрогнулся и воскликнул:

- С днём рожденья!
Вспомни, как тебя ласкала мама нежною рукою,
Тихо песню напевала и мечтала над тобою
О твоём пути чудесном, о своём заветном счастье.

Ты был мамою и песней...
Стал ли ты единым с частью?

ГДЕ ВЫ, МОИ ГОДЫ

Где вы, мои годы,
Дивные столетья?
Где мои озёра, полные любви?

И полей просторы, и лугов соцветья,
Ароматы леса и туман дали...

Стану ли я снова с ветром состязаться,
Водопадом мощным горы разбивать?

Или же навечно нам дано расстаться,
Мне в метели звёздной выстлана кровать...

Небулы - подушки, а квазар - перина,
И укроюсь млечным пухом серебра.

В вечности одна мне дорога долина, -
Колыбель галактик, волшебства пора...

Как, недостижима образам и звукам,
В чашечке вместила и добро и зло!

Встречусь ли с любимым, если нет разлуки,
Нет столетий, былью... слово проросло...

СОХРАНИ

Лучшее, что встретим, освятим молчаньем,
В строчках невозможно это сохранить,
Ибо выше слова наших душ звучанье,
Выше звука... сердца золотая нить...

Сохраним печали, бури и восторги,
Неземное счастье в куполах любви,
Оградим от липкой ветоши, где торги
Бессердечных зрелищ на плацу яви...

Ты – моя защита от смертей бессметных,
Ты – Единство мира на двоих хранишь,
Я – Твоё творенье, верное из верных,
Мы – для первослова предрассвета тишь...

ЛИВНЕМ СЧАСТЬЯ

Я прольюсь в тебя ливнем счастья,
Смою тяжесть земной судьбы
И черёмуховым всевластьем
Увлеку твою душу в сады...

Я ворвусь в тебя ветром знания,
Покорю дивной музыкой сфер,
И узором времён мироздания,
Тайным светом звёздных гетер...

Закружусь в тебе я ураганом,
Страхи прошлых времён сметаю,
И волшебным перстом вулкана
Новый остров воздвигну я...

Залучусь в тебе солнышком страсти,
Стану взглядом твоим лучистым -
Не ревнует целое к части,
Не страдает желаньем чистым.

Дивным сном твоим стану ночью
И победным свершением днём,
Не узришь ты меня воочию,
Я – духовный твой водоём...

В ДЫМКЕ ЗИМНЕГО ДНЯ

В дымке солнечной зимнего дня...
Из окошечка глядя на лес, вижу гриву золотого коня,
Запряжённого в сани чудес...
Знаю, ждёт он меня неспроста,
Увезёт в снежный край, нежный рай...
Знаю, будет дорога чиста и бела, словно май, белый май...
Замолчать бы мне раз - навсегда, но, увы, не могу. Не хочу?
Льётся свет, блещет мысли слюда...
Вдоль по дивному... чувства лучу...
В дымке солнечной зимнего дня...

РЕШИТЬСЯ

Знаешь, будет непросто...
Прорвать все завесы...
И от краткого счастья уйти навсегда...

Здесь земля, как эфир, неземного замеса!
И медовые кубки подносит принцесса,
А волшебник поёт, заплетая года...

Струны гуслей звучат, сотворяя миры,
Раздвигая пространства для сказочных дел,

А творцы замышляют законы Игры,
Где начало с концом единяют Пыры.
Так... решишь,
Если стать ты творцом захотел!

ЗОЛОТАЯ МОЯ ПЕЧАЛЬ

Золотая моя печаль,
Ах ты, нежный цветок душистый,
Улетай в небеса, вдаль,
Освещу я твой путь мгlistый...

Синеокая реченька память,
Откровенная до забвенья,
Истекай из меня - в заводь,
Укрощая времён течение...

Серебро моей ревности дикой,
Стало вечной рабынею ты,
На цепях луны среброликой
Ты уснула, забыв тщеты...

Света радость, дитя-незнайка,
Ты сегодня владеешь душой,
Увлеки её на лужайку,
С белоцветною черемшой...

Изумрудные, чистые мысли,
Вы же... чувства иных миров,
Да святятся и ныне, и присно
Ваши брызги - фонтаны пиров...

Молчаливость моя дорогая,
Глубоко же ты спрятала клад –
Числовые ключи от рая
И вселенский, бездонный взгляд...

Торопливость, остынь немного...
Укrotи вороных на мгновение,
Я успею вымолвить слово
За тебя, испросив прощенья...

Страсти огненность, будь скромнее,
Крылья спрячь, чтобы сжечь не могли,

Знай, в галактике Водолея
Не отыщешь мои угли...

Чувства тают, а время - плазма -
Суть неведомых миру частот,
Рассыпается в звёздных стразах
Свет из сердца Его щедрот.

КУДА ВЕДУТ ДОРОГИ

Но куда, куда ведут дороги?
Счастье по крупицам собирая,
Обещая там, на кромке рая,
Птицу жар прислать нам для подмоги...

И зачем,
зачем бредем в загадках,
Со вчерашним днём пути сверяя,
Если сам Творец, миры ваяя,
Чувства сеет, семена
на грядках...

Времени...
у краешка страны...

Безвременья солнечного пира,

И поёт, поёт, вздыхая, лира
О волшебной сказке старины...

Ты да я, и ничего не надо!
Все дороги сходятся для нас
Здесь, где Бог от всех сомнений спас:
Истина - Любовь!
Творца награда.

ВСЁ – Я!

Вижу каждого в сердце своём...
Всё вокруг - суть мои отраженья,
Бесконечен души водоём
И бесчисленны духа движенья...

Листик в лужице – это я,
И черёмуховые букеты,
И трава, и дома, и Земля,
Люди, страны, судеб сюжеты...
Сладость неги и мрак тюрьмы,
Нежность ласки и боль бичеваний,
Друг и враг, и волшебное «мы»,
Мастерство и предел страданий,

И рассветы, закаты – всё я...
Бесконечное преображенье,
Ось миров и экватор огня,
Звёзды, вихри, полёт и скольженье...
И начало миров, и конец,
Намагниченность и свобода,
И дитя я, и мать, и отец,
Сохраняющие неба своды...

ПО-СТАРИННОМУ

Люблю миражи я обманные,
В стихах недосказанность цепкую,
И море, и горы туманные,
И вереска запах, и редкую
Минутку тебя ощутить
У сердца, как будто ты рядом,
Следишь незаметно, упрямо,
Надеясь мой пыл воплотить...
Люблю в полусне легкой лодочкой
По морю волшебному, дивному
Скользить и кручёной верёвочкой
Судьбой управлять по-старинному...

СФИНКСОМ НА ВЕТВЯХ

Отведу лавину камнепада...
Узелок на память завяжи,
И под шорох тихий листопада
Спой мне песню о целебной лжи.
Научусь не верить, сомневаться,
Отвечать достойно на укоры,
Сфинксом на ветвях души казаться,
Улетая в звёздные просторы.
Изольюсь лавиной млечной лавы
На поверхность каменных планет,
И смахну неверия анклавы,
Источая сердцем звёздный свет...

СЛОВО ВОДОЛЕЯ

Сколь бы ни было изящным
Слово первое творенья,
Изумрудным, свет дарящим
В путь чудес и вдохновенья,

Сколь бы ни было волшебю,
Древней мудростью велико,
Благородно и целебно,
Лучезарно, светлолико,

Но оно не превосходит
Радость чистую игры!
Пусть же сказка хороводит
От зари и до зари.

Пусть принцессы – мысли наши,
А дела – богатыри!
Водолей, из полной чаши
Лей созвучья, всех дари!

РОЖДЕНИЕ АФРОДИТЫ

Из пены морской Афродита рождалась, из белой,
И не было в мире прекрасней красы неземной,
Из тысячей капель фантазии яркой и смелой
Под гимн, что творил виртуозно великий прибор.
Отец - океан, Вдохновение - мать Афродиты,
Но не было этому чуду свидетелей рядом,
Лишь небо, любя, освещало текучей амритой
Фантазию мастера форм и ласкало их взглядом.
И видели чудо из дальней Дали капитаны
Планетных Ковчегов и тайных галактик чудесных,
Что звёздным ковшом разливают моря в океаны,
Для чуда рождения сказок, как жизнь интересных.

КОСМОС ЗАЖДАЛСЯ ТЕБЯ

Лишь на минуточку... лишь на мгновенье...
Ветром врываюсь я в судьбы людей,
Чтоб пробудить хоть на миг вдохновенье,
Веру в себя и светимость идей!
Ну же, смелее для нового вдоха,
Не отвернись от иголки моей,
Быстро взлетай, да не медли же, кроха,
Космос заждался тебя у дверей!
Звёздочки рады, туманности нежно
Путь освещают, свободней лети,
Жизнь бесконечна, тут чувства безбрежны,
Разуму – грани, но сердцу – Пути.

МОТИВ

От глубокого сна вдруг очнулась душа,
Словно птица, взмахнула крылами,
Да взлетела на небо, как быль хороша,
Освещая мир чудо волнами...
Залилась сладкогласною песней земной,

Пробуждая в мирах вспоминанье
О далёкой Дали, что навечно с тобой,
О волшебной стране Ладознания.
Тихой сказкой наполнила соты времён,
Мёд столетий по кубкам разлив,
В этих сказочных винах был дух опьянён,
И пропел свой любовный мотив...
И, обнявшись с душою, промолвил ей так:
- Свято Слово моё сохраняй!
Пробуждая людей, подавая им знак,
Направляй доброй сказкою в рай.

ЧУДО МИРА

Я дарю тебе признание -
Выше неба высоты,
Глубже дна морского знания:
 Чудо мира – это ты!
Я дарю тебе галактик
недосказанный сюжет:
Бог творец - в тебе!
И практик, и ваятель, и поэт!

Пусть же будни осветятся солнцем ярким вдохновенья,
Помни, друже, дни творятся - галактическим мгновеньем!

Лейся, песня молодая, вейся, солнечный поток,
В небе всполохи рождая, тут времён земных исток.

Лейся, песня, дни и ночи,
Годы, месяцы, века!
В центре мира сосредоточья
Льётся звёздная река...

В Зазеркалии волшебном создаётся связь времён.
Семь морей поют напевно тем, кто истинно влюблён.
Раскололась оболочка у орешка... Эй, в полёт!
На златом твоём крылечке белка песенки поёт.

ЭФИРНЫЕ ЗЕМЛИ

Я заранее выбелю ткани,
Соберу стихи - да в огонь.
Завершила путь по программе,
Отыграла земную роль!

Угли памяти отгорели,
Кладезь духа в лучах блестит,
Превращусь я в эфирные земли!
Развернётся звезды магнит.

И оставлю след на прощанье -
Тост за здоровье друзей и родных.
Что ж ещё? Лепесток вспоминанья
Ради встречи в орбитах Иных.

А с собою возьму только песни
Задушевные... о любви,
Грусти нежность и добрые вести,
Ты же... тонкую нить не прерви.

ПРОТЯНИ РУКИ

Протяни ко мне руки, увидишь, как я
Миражём растворюсь... Я – обман бытия?
Я – невольница мысли твоей о мечте,
Ни схватить, ни поймать, я - повсюду, везде.

Я – вино наслажденья, что дарит весну
Ощущеньем ладошки, скользящей по льду.
Я - бальзам истекающих речкой веков
От вершин неподвижно-синеющих льдов,

Крик вернувшихся птиц, что наполнили мир
Шумным гомоном, празднуя солнечный пир.
Я - стволы, что темнеют от талых снегов

И готовятся к вальсам зелёных шатров.

Подставляй же смелее ладони свои,
Одарю ритмом новым, капелью весны,
Ароматом земли напою луговым.
Это счастье!
Быть в духе, в гармонии с Ним!

МОГУ

Я могу быть живой в веках!
Я могу быть святой в стихах...
Незаметной в кругу друзей,
Молчаливой в душе моей.

Я могу среди звёзд бывать,
И без счёта зарю встречать,
Видеть в камне небесный дух,
Говорить, что хочу, вслух.

Без ума - на умы влиять,
Без ключа - все замки снимать.

Желаю радости Вашей Вселенной!
Феано.